

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

№ 3 (46)

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

ТЕМА НОМЕРА: КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА В РЕАЛИЯХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

От редактора рубрики 5

Ячин С.Е. Мегакультурный подход в международных отношениях vs доктрины "мягкой силы" 7

Грановская О.Л., Давыдов О.Б., Ячин С.Е. Перспективы коммунитаристского движения в странах Восточной Азии 18

Бобылло А.М. Мирный атом как инструмент "мягкой силы" России за рубежом: миф или реальность? 27

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ганопольский М.Г. Российская колонизация: схемы и образы 38

ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

Бартов В.П. "Епархиальные ведомости" – недооцененный источник 45

Черномаз В.А. Полиция Владивостока в событиях 1905 г. 51

Позняк Т.З. "Сухой закон", региональные власти и население Владивостока в период Первой мировой войны и Революции 1917 г. 61

Хисамутдинова Н.В. Из Владивостока – в Америку: к 125-летию со дня рождения инженера А.М. Понятова (1892–1980) 72

ЭКОНОМИКА И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

Вострецов Ю.Е., Еловская О.А., Гасилин В.В. Еще одна лагунная адаптация населения залива Петра Великого в голоцене 80

Нянь Сюежуй. Возможности и перспективы сопряжения стратегий развития острова Русский и Нового района Сюньгань в рамках межрегионального сотрудничества России и Китая 88

Турбин А.Д. Трансграничное сотрудничество между Приморским краем и западным побережьем Японии: анализ потенциала контейнерных перевозок 96

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Филипова А.А., Высоцкая А.В. Социальный потенциал детства и региональная среда: особенности кластеризации российских регионов 108

Петров В.Е. "Золотая молодёжь" стран Запада, России и Востока: опыт сравнительной ювенальной элитологии	121
Погорелов А.Р. Университетская география на Дальнем Востоке России (Дальневосточный университет)	131
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ	
Киреев А.А. Концептуальные основы пограничной политики России на Дальнем Востоке	143
МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕГИОНЫ	
Дорошев А.Ю. Арктическая политика Японии: достижения, вызовы и перспективы дальнейшего продвижения	154
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Дударенок С.М. 100 лет историческому факультету ДВФУ	163
Бреславский А.С., Григоричев К.В. Как развиваются республики на востоке России?	169

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), Я.А. Барбенко, В.А. Бурлаков,
А.В. Винокурова, Г. Кристофферсен, М.Г. Ганопольский,
А.Н. Демьяненко, Е.В. Журбей (ответственный редактор), И.Н. Золотухин,
В.Н. Караман, А.А. Киреев, В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов,
Ю.В. Латушко, М.М. Лебедева, Д.А. Литошенко, А.Л. Лукин,
Ю.А. Наумов, Н.П. Рыжова, С.В. Севастьянов, А.Г. Филипова, О.И. Шестак,
Шин Беом-Шик, Сасаки Широ, С.Е. Ячин.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего
образования "Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса".

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий,
рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.
Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>
E-mail: ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман
Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.
Корректор: Е.В. Абрамова

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77–30578, выданное 12.12.2007 г.

OJKUMENA

Regional researches

№ 3 (46)

scientific-
theoretical
journal

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

THE THEME: MIGRANTS AND DIASPORAS IN THE SOCIO-CULTURAL, POLITICAL AND ECONOMIC SPACE OF THE ASIA-PACIFIC REGION

- From the editor of the heading 5
- Yachin S.E.** Metacultural approach in international relations vs the doctrine of "soft power" 7
- Granovskaya O.L., Davydov O.B., Yachin S.E.** Prospects of the communitarian movement in East Asian countries 18
- Bobylo A.M.** Peaceful atom as an instrument of Russia's "soft power" abroad: myth or reality? 27

THEORY AND METHODOLOGY OF REGIONAL STUDIES

- Ganopolsky M.G.** Russian colonization: schemes and images 38

HISTORICAL REGIONAL STUDIES

- Bartov V.P.** "Eparchial Bulletin" – under-evaluated source 45
- Chernomaz V.A.** The police of Vladivostok in the events of 1905. 51
- Poznyak T.Z.** The Prohibition of alcohol, regional authorities and the population of Vladivostok during the World War I and the Russian Revolution 1917 61
- Khisamutdinova N.V.** From Vladivostok to America: Commemorating the 125th Anniversary of A.M. Poniatoff (1892–1980) 72

ECONOMY AND NATURE

- Vostretsov Yu.E., Elovskaya O.A., Gasilin V.V.** One more lagoon adaptation of Neolithic population's of Peter the Great Bay in the Holocene 80
- Nian Xuerui.** The possibilities and prospects for integrating development strategies of Russky Island and Xiongan New Area in the framework of the interregional cooperation between Russia and China 88
- Turbin A.D.** Cross-Border cooperation between Primorsky krai and west coast of Japan: container transportation potential viewed by practitioners from both sides 96

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

- Filipova A.A., Vysotskaya A.V.** Social potential of childhood and the regional environment: features of clustering of Russian regions 108

Petrov V.E. "Golden Youth" of the countries of the West, Russia and the East: experience of comparative juvenile elitology	121
Pogorelov A.R. Geographical university education in the Far East of Russia (Far Eastern University)	131
POLITICAL RELATIONS AND MANAGEMENT OF THE REGION	
Kireev A.A. Conceptual foundations of Russia's border policy in the Far East	143
WORLD SYSTEM AND INTERNATIONAL REGIONS	
Doroshev A.Yu. Japan's Arctic Policy: Achievements, Challenges and Prospects for Further Advancement	154
SCIENTIFIC LIFE	
Dudaryonok S.M. 100 years of historical faculty FEFU ...	163
Breslavsky A.S., Grigorichev K.V. Where are Republics in the East of Russia going?	169

Editorial board:

T.G. Rimskaya (Editor-in-chief), Ya.A. Barbenko, V.A. Burlakov,
A.V. Vinokurova, S.M. G. Christoffersen, M.G. Ganopolskij,
A.N. Demyanenko, E.V. Zhurbey (Editor), I.N. Zolotukhin,
V.N. Karaman, A.A. Kireev, V.V. Kozhevnikov, A.M. Kuznetsov,
Yu.V. Latushko, M.M. Lebedeva, D.A. Litoshenko, A.L. Lukin,
Yu.A. Naumov, N.P. Ryzhova, S.V. Sevastyanov, A.G. Filipova, O.I. Shestak,
Beom-Shik Shin, Shiro Sasaki, S.E. Yachin.

Founder: State educational institution of the higher education
"Vladivostok state university of Economics and Service".

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals recommended by VAK in the
Ministry of Education and Science of Russian Federation

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.
Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>
E-mail: ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V.N. Karaman
Graphic registration: J.A. Barbenko, V.N. Karaman, V.V. Postnikov.
Corrector E.V. Abramova

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77–30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

Сегодня есть веские основания говорить об особом значении факторов культуры в отношениях между странами и народами. Вполне наглядно эти факторы представлены в комплексе тех ценностей, которые *ведут за собой* правовые нормы, политическую идеологию и даже экономику развитых стран (стран, для которых в значительной мере снято экономическое ограничение заботы о "хлебе насущном"). Соответственно, можно предположить, что наиболее острые и глубокие конфликты в современном мире возникают на почве разных мировоззрений и идеологий. Разве не культурный характер в своей основе носит стремление этноса или религиозной общности обрести политический суверенитет? Разве не конфликтом ценностей обусловлено политико-правовое противостояние "либерального" Запада и "имперского" Востока (с примкнувшей к нему Россией)? Разве не очевидна культурно-историческая обусловленность западной идеологии прав человека? Не кажется ли поэтому, что основная угроза человечеству сегодня находится в особом культурном разломе, который уже приобрёл своё именование как "столкновение цивилизаций"? Понимая эти проблемы и угрозы, человечество пытается найти зоны согласия. В этом направлении работают многие международные организации. Один из примеров этому – движение "Альянс цивилизаций" при ООН и т.п.

В предлагаемой рубрике журнала рассматриваются только некоторые аспекты указанного выше мирового тренда. В частности, заход на проблематику отношения культуры и политики сделан через критический анализ доктрины мягкой силы. На взгляд авторов, эта доктрина отражает объективную тенденцию повышения значения (как минимум) факторов культуры в мировой политике и международных отношениях. Имеется в виду, что традиционные для политики инструменты силового давления или принуждения во многих случаях замещаются особыми формами "убеждения". В представленных статьях развёрнута позиция, что в международных отношениях происходит принципиальное изменение самой конфигурации баланса сил на международной арене и так, что "Центры силы" (политической и экономической власти) вынуждены трансформироваться в "Центры привлекательности" для основного ресурса любого государства, которым сегодня является "человеческий капитал". Решающее значение в отношениях между государствами (в конкуренции за политическое влияние и экономические ресурсы развития) приобретают именно человеческие ресурсы, так, что их воспроизводство, их привлечение "на свою сторону" становится главным фактором экономического процветания и политического веса государства. Между тем производством человеческих компетенций (как капитализируемых ресурсов) есть прямая функция культуры: системы образования (включая туда и научное образование в университетах), фундаментальной науки (спросим: многие ли страны могут себе позволить заниматься фундаментальными исследованиями?), масс-медиа, художественного производства и др. В условиях относительной открытости государственных границ (и в любом случае в условиях их проницаемости для информационных потоков) происходит радикальное возрастание человеческой мобильности. При этом обнаруживается, что сам образ жизни, культурные блага и ценности, в обязательном порядке защищаемые теми или иными теми правовыми и политическими режимами – всё это становится главным в межстрановой конкуренции за ресурсы развития. В этих условиях даже сугубо материальные факторы производства (типа ядерных технологий, как это показывается в одной из статей) обретают форму культурного влияния одной страны на другие. Именно на это историческое изменение ситуации в мире реагирует политическая мысль, выдвигая доктрину мягкой силы. Однако эта доктрина сохраняет политико-центрический характер, т.е. она рассматривает факторы культуры не в их собственной логике, но только как инструмент властного влияния. Поэтому и поставлен вопрос: возможна

ли иная конфигурация отношения политики и культуры, когда не политика ведёт за собой культуру, но культура политику?

Применительно к реалиям АТР следует отметить чрезвычайно серьёзное отношение к доктрине мягкой силы со стороны китайского руководства. Именно оно, как представляется, наиболее близко подходит к формированию культур-центрической модели отношения политических и культурных мотивов международных отношений. В этом же ключе следует оценить общее внимание восточноазиатских стран к коммунитаристской модели политического устройства общества как альтернативе либерально-индивидуалистической модели, господствующей в Западных странах. Уже по одной этой причине проблему факторов культуры в международных отношениях нельзя считать теоретической модой: проблема имеет ясное прагматическое измерение. Но важно обратить внимание на двусмысленность (и лукавство) самого концепта мягкой силы (*soft power*). Идеология мягкой силы прежде всего предполагает использование этого фактора для обеспечения своего политического (властного) интереса и влияния на другие страны. Именно поэтому оборотной стороной политики *soft power* становятся разного рода информационные барьеры, которыми государства начинают защищать своё культурное (идеологическое) пространство. (Тот же Китай тому пример). Предполагая, что значение факторов культуры во всех аспектах внутренней и внешней политики и экономики будет возрастать и далее, требуется предложить стратегический ход, снимающий нарастающий конфликт интересов стран и народов в этой области. Так, в противовес идеологии "мягкой силы" на обсуждение выдвигается гипотеза, что альтернативой её принципам может стать метакультурный подход, предполагающий использование факторов культуры для творческого соразвития стран и народов.

С.Е. Ячин

Метакультурный подход в международных отношениях vs доктрины "мягкой силы"

Введение

Будем считать очевидным и исходить из того, что современное человечество вступило в исторический этап глубоких трансформаций, которые особым образом проявляют себя в том состоянии "турбулентности", в котором сегодня пребывают международные отношения. Сугубо эмпирически ситуация характеризуется разбродом экономических, политических и культурных интересов, вызванном отсутствием явного Центра (или центров) силы и появлением на мировой арене новых, сравнительно самостоятельных акторов. Но если к осмыслению ситуации подойти концептуально, то обнаруживается особый тренд, более или менее удачно обозначенный понятием *мягкой силы* (*soft power*, далее – *SP*) [22; 23; 24]. Суть тренда (и концепции) состоит в выдвигании *факторов культуры* в значимую или даже лидирующую позицию относительно экономических и политических мотивов в международных отношениях. На мировой сцене разворачивается *игра* (драматический конфликт) культурных смыслов и ценностей, которые отодвигают на задний план соображения экономической выгоды и собственно властных интересов. Вместе с тем переходный характер времени и неравномерность в расстановке международных сил ведёт к одному концептуальному затруднению: к неопределённости самого понятия мягкой силы. Эту неопределённость фиксируют многие авторы [8; 9; 18]), пытаясь с ней безуспешно (на наш взгляд) бороться. Двусмысленность, а потому и неопределённость концепта *SP* уже задана тем, что культурный фактор влияния (*Soft*) присоединён и мыслится как фактор *Власти* (*Power*)¹. Между тем не всякое влияние сущностно проявляется себя как *Власть*, оставаясь при этом *Силой*. В каком смысле потенциал образования, по его существу, следует понимать не как развитие человеческого потенциала, но как дискурс власти? Ничто не мешает рассматривать культурное влияние в качестве *собственного* фактора политики (силы власти), но только такое понимание культуры затушёвывает главный вопрос: как некоторый культурный смысл и ценность *может стать* особым инструментом политического воздействия? Т.е. если мы предварительно аналитически не выделим логику культуры в "чистом виде", то не сможем решить, как эта логика влияет на собственные законы политики [6]. Понять и принять собственную логику культуры сильно мешает обыденное (оценочное) представление о культуре, которое работает в оппозиции "культурный-бескультурный". В теоретическом плане к культуре относится любой процесс трансляции смыслов (передачи сообщений) социальными агентами, который операционального выглядит как информационно-коммуникативный процесс². Отсюда и выходит, что именно социодинамика культуры определяет лицо современного информационного

¹ Стоит иметь в виду, что ближе к смыслу того, что имеет в виду Дж. Най, вводя концепт *soft power*, будет именно "мягкая власть", а не "сила". В русском языке значения концептов "сила" и "власть" различаются в гораздо большей степени, нежели в английском.

² Этот подход получил развитие с 60-х годов прошлого века, начиная с работ А. Моля [10].

общества [5]. Однако эмпирически мы всегда имеем дело с синкретическим (комплексным) образованием *политики-экономики-культуры*, выдвигая (как правило, не рефлексивно) одну из составляющих комплекса в ведущую позицию. Отсюда безуспешность стремления придать определённую понятию *SP*, ибо в эмпирической реальности комплексность международных отношений будет обнаруживать себя в множественной вариации взаимовлияния собственных целеполаганий культуры, политики и экономики. В частности, всегда возможно акцентировать международные отношения, рассматривая их как в геополитическом, либо в геоэкономическом, или же в межкультурном аспекте.

В связи с указанным концептуальным затруднением полезно обратиться к реальной политике акторов международных отношений и рассмотреть, как они используют факторы культуры для продвижения своих национальных интересов. Показательным в этом отношении является внешняя политика нынешнего руководства Китая, которое отчётливо придаёт этой политике культуроцентричный характер.

Теоретико-методологические основания подхода

Требование аналитического (теоретического) различения логики (или законов) политики, экономики и культуры будет нашим первым методологическим принципом. Мы должны понимать, в чем состоит *собственное целеполагание* каждого из этих измерений социальной системы. Если для экономики целеполагание её агентов состоит в максимизации полезности, а для политики – в максимизации власти, то для культуры – в максимизации коммуникативной понятности (содержательности) сообщений. Только это различие позволяет ставить вопрос о том, как в данной конкретно-исторической ситуации один принцип целеполагания влияет на другие и каков будет синтетический итог их взаимовлияния. В этом ключе и предлагается взглянуть на реальный смысл концепта *SP*. Сразу скажем, что вся трудность вычленения этой силы из всего их комплекса состоит именно в том, чтобы определить, как факторы культуры могут либо *вести за собой*, либо *обслуживать* властные и экономические интересы. Принятые трактовки *SP*, в основном, рассматривают факторы культуры как инструменты политики (властного интереса) и экономики, не замечая, что продвижение ценностей своей культуры (по существу – своего жизненного мира) уже стало самостоятельным фактором международных отношений, для которого обычные ресурсы политического влияния (типа – демонстрации военной силы) имеют второстепенное или прикладное значение.

Второй принцип будет касаться теоретико-методологических оснований подхода к пониманию специфики современного состояния международных отношений. Здесь предлагается взять за основу то понимание глобализма и логики исторического развития, которое обосновывает *мир-системный подход* (Ф. Бродель [2], Э. Валлерстайн [3], Л.Е. Гринин и А.В. Коротаев [4; 6], А. Франк [17] и др.). Этот подход, в его современном варианте, предполагает, что существует историческая диалектика отрицания одного основания системного порядка другим. То, что ранее было ведомым, становится ведущим. Так, если изначально объединяющим принципом *мир-системы* была сила власти, формирующая исторический тип "мир-империи", если ему на смену приходит Мир, объединённый торгово-экономическими отношениями "мир-экономика", то единство современного мира всё более зависит и формируется системой смысловых коммуникаций (информационными потоками – в техническом отношении). Эту *мир-систему* можно именовать, по её ведущему принципу, "*мир-культурой*"³. В плане международных отношений решающее отличие от прежнего *Мира* состоит в том, что на смену центров силы (центров политического и экономического влияния) приходят *центры привлекательности*, которые особым образом притягивают к себе как экономические ресурсы (главный из которых сегодня – человеческий, "образованный культурой" капитал), так и стягивают вокруг себя политический интересы акторов международных отношений.

³ Данный концепт носит авторский характер, но допустимость его использования прямо следует из позиции цитируемых представителей мир-системного подхода (в особенности [5]).

Третий принцип связан с концепцией метакультуры и призван ответить на вопрос, каким образом культурное взаимодействие стран и народов может *повести за собой* экономику и политику. Это означает, что добиться своих властных и экономических целей сегодня можно только опираясь на собственную логику межкультурной коммуникации. Этот подход эмпирически опирается на следующее фактическое обстоятельство развития культур: все родовые (национальные) культуры содержательно развиваются исключительно благодаря творческому взаимодействию с другими культурами, благодаря своей *открытости Миру*. Замкнутые в себе культуры пребывают в циклическом застое и при столкновении с развивающимися ("креативными") культурами теряют свою идентичность и растворяются в них. Поскольку в современном мире идёт острая конкурентная борьба за ресурсы развития, а таковые ресурсы находятся в сфере культуры (образования, науки и пр.), то это и вынуждает агентов политики и экономики принимать те правила игры, которые предполагает культурная и межкультурная коммуникация, подчинять этим правилам свои исходные целеполагания. В этой связи и с учётом формирования мир-культуры особое значение приобретает *метакультурный потенциал нации*, понимаемый как способность данной родовой культуры оказывать на другие своё влияние и воспринимать влияния других культур для собственного творческого развития [15; 16]. Метакультурный потенциал осуществляет себя в коммуникативной логике дара [26]. Именно этот подход позволяет понять реальный смысл концепта мягкой силы, одновременно показывая его ограниченность.

В ключе этих принципов мы вполне определённо можем сказать, что "скрывает за собой" концепт *мягкой силы*. Он скрывает то, чему эта сила действительно принадлежит. А принадлежит эта сила *знанию* как субстанции культуры. (Что фиксирует одно из определений современного общества как "экономики знаний"). Поэтому в таком именовании речь всегда идёт о мягкой силе знания (а затем – его культурных производных), которое использует как свой инструмент власть.

Мягкая сила культуры – в её влиянии на политику

В том смысле, в котором концепт *soft power (SP)* используется в проблематике международных отношений и политической философии, он предполагает использование государством инструментов культуры для достижения своих политических целей, в том числе для расширения своего международного влияния, и это есть та реальность, с которой надо считать, не впадая в идеологические иллюзии. В отличие от идеологического дискурса, который несёт в себе значительную долю обмана и самообмана, концепт *soft power* ничего не скрывает: это есть политика продвижения ценностей своей культуры в другие общества с целью обеспечения её привлекательности для их граждан. В классической логике международных отношений, *SP* – это инструмент борьбы за основной ресурс современной экономики, которым является *человеческий капитал*. Единственное, в чем можно упрекнуть такого рода культурную политику – в изрядной доли цинизма (в соответствии с пониманием природы т.н. "цинического разума" [11]). Именно в этом пункте идея метакультуры может противостоять принципам "мягкой силы", фактически решая ту же самую задачу повышения привлекательности своей культуры среди других народов. Метакультурный потенциал народа предполагает способность влиять на другие культуры, вовлекать их в сферу своих ценностей и интересов, но иначе, нежели это предполагает концепт *мягкой силы*. Это "вовлечение другого" (Хабермас) может происходить и посредством творческого дара [16]. Метакультурное сотрудничество государств, в отличие от доктрины *SP*, предполагает смещение акцентов с политических целей на средства их достижения. В этом смысле метакультурное сотрудничество вовлекает народы в формирование *цивилизационного содружества*. Тот, кто лидирует в таком формировании (на что сегодня претендует Китай), тот, конечно, будет извлекать из этого основную политическую и экономическую выгоду. Использование инструментов "мягкой силы" также имеет в виду мирное сосуществование конкурирующих за человеческие ресурсы государств, но только в качестве побочного эффекта своего главного политического интереса.

Для понимания природы *мягкой силы* следует иметь в виду, что этот концепт заполнил то смысловое пространство международных отношений, которое ранее занимало идеологическое противостояние социалистического и капиталистического лагерей. Деидеологизация стала фактом международной политики [21]. Идеологический характер прежнего противостояния государств (лагерей) заключался в ясном различии политических ценностей и образа будущего, к которому стремились две системы. В тех условиях культурный фактор реально *не играл самостоятельной роли* в отношениях между странами разной идеологической ориентации. Крах СССР и распад социалистической системы в идеологическом смысле означал конец коммунистического проекта как объединяющей цели некоторых государств и народов. Провозглашаемые государственные цели стали в формальном смысле общими: благо государства и повышение благосостояния народа. По этому поводу противостоять стало бессмысленно, и потому конфликт государственных интересов за распределение мировых ресурсов (а он никуда не исчез) переместился с целей на средства их достижения, которые по существу носят культуросообразный характер. Культурное противостояние как противостояние образов будущего и ценностей имеет смысл постольку, поскольку оно есть борьба за главный ресурс современности – человеческий капитал. После ликвидации жёстких государственных барьеров основным фактором, с которым вынуждены считаться политики, стала человеческая *мобильность* [27]. Всё население Земли – прежде всего обладающее каким-то набором компетенций ("человеческих качеств") – пришло в движение, а *управление мобильностями* – признак передового государства. Фактически *SP* это инструмент управления мотивацией тех людей, компетенции которых нельзя использовать иначе, кроме как привлекая образом их будущего; да и квалифицированную рабочую силу уже нельзя просто найти на рынке труда – её нужно готовить в рамках национальной системы образования.

Согласно изначальной позиции Дж. Ная [22] (впоследствии она претерпела некоторые изменения [23]) "мягкая сила" предполагает использование трёх ресурсов – культуру, политические ценности и внешнюю политику, где фактор внешней политики является ведущим, поскольку именно он определяет цели культурной индустрии. Мы привлекаем внимание к этой расстановке сил, поскольку основное отличие концепции метакультурного сотрудничества от доктрины *SP* состоит именно здесь: в ином принципе отношения политики и культуры [7]. В доктрине *SP* собственная логика культуры (коммуникативная логика дара) подчинена политической логике (логике властного отношения). Возможность изменение порядка следования в отношении политики и культуры не является умоизрядительной. Она неявным образом присутствует в одном из требований многих игроков на современной международной арене (и очень настойчиво со стороны России) как требование равноправия. Заметим, равноправия, вопреки и независимо от экономической мощи государства и его политического веса. Это равноправие голосов в переговорном процессе, это равноправие культурных моделей, это уважение к традиции народов и пр.

В этом ключе стоит рассмотреть китайскую модель доктрины *SP*, которая обозначается как "культуроцентричная" и, как таковая, оказывается близкой заявленному метакультурному подходу.

Трактовка "мягкой силы" в политике Китая

Доктрина "мягкой силы" имеет официальный статус во внутренней и внешней политики Китая. Дж. Най – автор концепции "мягкой силы" – в прошлом высокопоставленный чиновник Госдепартамента и военного ведомства США – обрёл в соответствующих кругах Китая невиданную популярность). Его китайские последователи увидели в данном концепте возможность обосновать политику, исходя из культурной традиции, опора на которую принципиально важна всей китайской ментальности.

Рассматривая доктрину *SP*, надо иметь в виду, что США с достаточной долей искренности продвигают в мире т.н. "американскую мечту", которая и является её главной *мягкой силой* во внутренней и внешней политике. В "Политическом словаре" Уильяма Сефайра [25] *American dream* определяется как "идеал свободы или возможностей, который был сформулирован "отца-

ми-основателями"; духовная мощь нации. Если американская система – это скелет американской политики, то американская мечта – её душа". Можно допустить, что другие народы смогут на равных говорить с Америкой и тем самым "противостоять" её мировому влиянию при условии, что они сформируют свою "национальную мечту", а еще лучше – если эта "мечта" будет привлекательна для других народов. В этой связи может быть самым показательным является то, что Китай сформулировал свою *Chinees dream*. В своей обычной манере он заимствовал чужеродную по происхождению идею и особым образом трансформировал её в духе своей (в основном – конфуцианской) традиции. В "Китайской мечте" делается сдвиг со свободы и прав человека на "равенство и социальную справедливость" – это и есть основная идея китайского социализма, который Китай хочет предложить в качестве "всеобщей ценности". "Китайские авторы отмечают, что "мягкая сила" государства реализуется через истолкование и определение содержания демократии, свободы, прав человека и других "всеобщих ценностей". Следовательно, Пекину нужно бороться за то, чтобы обрести такую возможность. Следует добиваться, чтобы повсюду люди "слушали китайские истории". А для этого нужно "убедительно и привлекательно показать всему миру, что путь специфического китайского социализма является не только моделью развития, подходящей для развивающихся стран, но также источником "мягкой силы", соответствующей запросам будущего развития человечества" [1].

В Китае программа опоры на культуру заявлена вскоре после прихода Ху Цзиньтао на пост партийного лидера в 2002 г. Первоначально проблема виделась в противодействии иностранному культурному влиянию, которое несло в себе образ жизни и ценности, мало совместимые с традиционным китайским укладом. С середины 2000-х гг. власти заявили о необходимости формировать и наращивать собственную "мягкую силу" и культурное соперничество с другими странами. В 2007 г. XVII съезд КПК провозгласил задачу увеличения потенциала "мягкой силы" культуры. На этом съезде тема "мягкой силы" была включена в раздел, посвященный развитию культуры, а не внешней политики. С этого времени нормативная китайская трактовка "мягкой силы" стала "культурцентричной" (в противоположность её американской теоретической и практической трактовке). Культурное истолкование "мягкой силы" – сознательный, исторически обусловленный выбор для Китая. Решение вопроса выбора политико-центрического (США) или культурно-центрического подхода (Китай) в международной политике имеет важные следствия. Согласно политцентрической модели усиление *SP*, одной стороны, автоматически приводит к ослаблению этой силы других сторон (так, что рост влияния Китая должен сопровождаться закатом "мягкой силы" Запада во главе с США [23]). Культур-центрическая модель идеологически допускает гармоническое сочетание влияний и позволят избежать лобового столкновения интересов. "Пока Америка несет в мир свои политические ценности, Китай делает ставку на культуру, вследствие чего их "мягкие силы" оказываются в разных интеллектуальных измерениях. Если "мягкая сила" США строится на том, что модель американского политического устройства имеет "всеобщий" характер, то Китай подчеркивает тезис о многообразии путей развития" [1].

Комплексная программа "могущественного культурного государства" утверждена в октябре 2011 г. на шестом пленуме ЦК КПК 17-го созыва. Действуя в этом направлении, руководство страны стремится расширить присутствие культурной продукции Китая на мировом рынке и тем самым повысить международное влияние китайской культуры. Тем самым, наращивание "мягкой силы" как орудия внутренней и внешней политики стало одной из ключевых задач в политике КПК. Ху Цзиньтао заявил там, что культура занимает все более важное место в соперничестве между странами, что крупные государства целенаправленно наращивают "мягкую силу" культуры ради повышения своей международной конкурентоспособности. Тем временем "у культуры Китая общая сила и международное влияние все еще не соответствуют международному статусу страны, положение "Запад силен, мы слабы" в сфере международной культуры и общественного мнения еще не претерпело коренных изменений". Более того, "международные враждебные силы с еще большим рвением осуществляют вестернизацию Китая и стратегические

замыслы по расчленению страны, реализуют долгосрочные планы проникновения в важные сферы идеологии и культуры" [Цит. по: 1].

Традиционный китайский прагматизм быстро направил решение проблемы "культурного отставания" в развитие культурной индустрии. В содержательном плане было заявлено и о том, что "могущественное культурное государство" нуждается в ценностных ориентирах. В постановлении пленума ЦК КПК указано на необходимость "осуществлять стратегию выхода культуры вовне, непрерывно повышать международное влияние китайской культуры, демонстрировать миру новый образ реформ и открытости Китая и высокий духовный облик китайского народа". Поставлена цель "наращивать понимание и познание мировым сообществом базовой национальной специфики, ценностных воззрений, пути развития, внутренней и внешней политики Китая", "создать первоклассные СМИ мирового уровня" и с опорой на инновационные методы внешней пропаганды укреплять "право голоса" на международной арене, что позволит воздействовать на мировое общественное мнение.

Начиная с середины 2000-х гг. в Китае предпринимаются усилия дать содержательное наполнение ценностному измерению национальной "мягкой силы". В этом контексте обыгрываются классические конфуцианские принципы равновесия, гармонии, добродетели и пр., через призму которых подчеркивается необходимость многообразия культур, ценностей и моделей развития. Этот подход образует противовес западной склонности к абсолютизации либеральных ценностей и попыткам их навязывания другим странам. Новое звучание получают взятые из древности принципы "гармонии без единообразия", "благородства", "справедливости". В этом ключе, например, слова Конфуция: "Благородный муж стремится к гармонии, но не к единообразию; мелкий человек стремится к единообразию, но не к гармонии" ("Лунь юй", гл. "Цзы лу"), – получили новый смысл. Пекин заявил о себе как о наследнике идеала, в соответствии с которым возвышенный и просвещенный конфуцианский "благородный муж" стремится к гармоничным отношениям с окружающими и не добивается единообразия ни за счет навязывания другим своих ценностей, ни за счет принятия ценностей чужих. Вторая часть цитаты превратилась в характеристику политики Запада, который подобно "мелким людишкам" пренебрегает гармонией и хочет сделать мир единообразным в соответствии со своими канонами [1].

Как показывают О. Борох и А. Ломанов [1], после пленума ЦК КПК 2011 г. в прессе стали появляться запоминающиеся формулировки: "человек как основа", "человеколюбие", "совместное процветание", "богатство и сила", "гармония", "демократия и правление по закону", "соблюдение закона", "искренность и доверие", "равенство и справедливость", "открытость и толерантность", "цивилизованность", "сердцевинные ценности". Эти формулировки (в привычной для китайцев образно-афористичной манере), поскольку они претендуют на международное влияние, должны утверждать некие всеобщие ценности. Китайская мечта должна в той или иной степени соответствовать общечеловеческой мечте, в состав которой сегодня входят свобода (возможность самоопределения), права человека (защита этих прав государством), демократия (возможность легально заявить о своих правах и интересах). Но таковы западные ценности (в трактовке китайских идеологов). Что им может противопоставить Китай? Критический настрой держится на том убеждении, что Западу не удалось решить вопрос "гармоничного сочетания равенства и свободы". Именно этот лозунг Китай может предложить в качестве "всеобщей ценности". На что, в частности, указывает профессор Гуманитарного института Китайского политико-правового университета Ли Дэшунь, полагая, что Китай мог бы взять на себя миссию продвижения этого принципа во внешний мир [Цит. по: 1]) "Китайские авторы отмечают, что "мягкая сила" государства реализуется через истолкование и определение содержания демократии, свободы, прав человека и других "всеобщих ценностей". Следовательно, Пекину нужно бороться за то, чтобы обрести такую возможность. Следует добиваться, чтобы повсюду люди "слушали китайские истории". А для этого нужно "убедительно и привлекательно показать всему миру, что путь специфического китайского социализма является не только моделью развития, подходящей для развивающихся стран, но также источником "мягкой силы", соответствующей запросам будущего развития человечества" [1].

XIX съезд КПК Китая (октябрь 2017 г.) закрепил культурно-ориентированный курс внутренней и внешней политики. В своем докладе Си Цзиньпин [28] провозгласил 14 "гарантий" этой политики, из которых семь несут отчетливо гуманитарный характер. В особенности следует обратить внимание на "идею построения сообщества единой судьбы для всего человечества" (ср. с понятием *цивилизационного содружества*), которую Китай намеревается продвигать в виде нового порядка международных отношений. К этим заявлениям не следует относиться как к пустой политической риторике. В том, что Китай будет продвигать в мировое сообщество свое понимание жизненных ценностей, получая от этого и экономическую выгоду, мало кто сомневается. Однако другие "семь пунктов" имеют явный великодержавный смысл, закрепляющий власть компартии, и здесь заложено главное противоречие китайской внешней политики. Желая расширять своё культурное влияние, он открывается Миру, но другим шагом он закрывается от него, создавая систему информационной защиты (пресловутая *FireWall* Китая). Как можно устоять на таких основаниях?

Метакультурный потенциал vs. "мягкой силы"

Говоря коротко и по существу, метакультурный потенциал народа есть его творческий потенциал. Современная эпоха отличается от прежних тем, что между системой и жизненным миром [13; 14] возникла особая зависимость: система социального воспроизводства требует инноваций, которые есть не что иное как институциональная форма вырастающего из жизненного мира творчества. Но из этого обстоятельства не сделано всех должных выводов. Для нас главный, что всеобщей ценностью для всех народов (которые борются на своё место в истории) будет обладать только такой культурный образец, который раскрывает творческий потенциал личности, способствует её раскрытию. Заметим, что именно этот потенциал демонстрируют авторские произведения национального искусства, имеющие мировое значение. Они потому и значимы для всех, что позволяют зрителю, читателю (представителю одной культуры) погрузиться в творческий мир, созданный автором (может быть – представителем другой культуры).

Здесь и находится основное отличие *мягкой силы* от метакультурного потенциала: первая продвигает в межнациональные отношения массовый, обезличенный продукт своей культуры; второй предполагает выставлять в качестве образца авторские, творческие произведения. Если продвижение массовых продуктов культуры институционально обустроено, т.е. обеспечено масс-медийными каналами, юридическими нормами и финансовой поддержкой, то творческое взаимодействие культур находится в положении любительского театра, т.е. преимущественно обеспечивается энтузиазмом самих исполнителей. Мягкая сила предназначена для массовой аудитории, и потому передаваемое содержание должно обладать усредненной понятностью. Форматы SP – кассовые фильмы, мультсериалы, перформансы и образовательные программы массовых профессий в дистанционном исполнении. Основной канал – телевидение и интернет, которые сами по себе обезличивают коммуникацию. Известный афоризм М. Маклюэна: "The medium is the message", – ("средство коммуникации это и есть само сообщение"), затем иронично трансформированное автором в "The medium is the massage" ("... массаж") [18] – точно указывает на роль современных средств массовых коммуникаций в обеспечении власти тех или иных образцов.

Представим "противоборство" культур в формате действительных или возможных вариантов "национальной мечты" (по аналогии с существующей и работающей "американской мечтой"). Исходя из предположения, что современная личность институциональными условиями призывается к творческому существованию, у нас появляется эталон для измерения того, в какой степени национальный вариант мечты дотягивает до него, а в чем ему не соответствует. Скажем прямо: американский вариант мечты не дотягивает до эталона, а выше обрисованный – китайский – тянет в обратную сторону. Ни та, ни другая "мечта" не апеллируют к тому специфическому способу существования, каковым является *творческое бытие лицом-к-лицу*, в наибольшей степени известное, благодаря работам М. Бубера и М. Бахтина как принцип диалогичности.

Метакультурный подход утверждает простое: если культура заботится о своем развитии и тем самым желает сохранить себя в истории, то она должна в диалоге открыться Иной культуре и для этого выйти в пространство личного бытия. Она должна предъявить Другой культуре свои творческие произведения, а это произведения, имеющие авторство. Феноменальным образцом авторских творческих произведений является национальная классическая литература. Они потому и стали *классическими произведениями* литературы в данной культуре, что выражают типичное в сознании народа. Заметим, кстати, что выражение "Американская мечта" появилось в романе Джеймса Адамса "The Epic of America" (1931 г.) и затем прочно вошло в культуру и политическую риторику США. Согласно автору это "мечта о стране, где жизнь каждого человека будет лучше, богаче и полнее, где у каждого будет возможность получить то, чего он заслуживает". Важно, что эту формулировку предложил писатель с развитым творческим воображением, как таковой, лучше понимающий дух народа, нежели сам народ. Именно поэтому в метакультурном сотрудничестве полноправными представителями могут быть преимущественно *гении рода*, способные выразить дух народа, а не его плоть.

С этой точки зрения квинтэссенция русской классической литературы – вся её мировая значимость и влияние – целиком обязаны тому, как она показала, что такое бытие лицом-к-лицу. Даже на обыденном уровне *бытие лицом-к-лицу* представляет для русского характера (в меньшей степени для ментальности) ведущую ценность. Американский и китайские варианты "мечты" такого рода бытие в явной форме не полагают. Американские и китайские культурные ценности противостоят друг другу в виде оппозиции индивидуального и родового начал в человека и потому всегда останутся во внешнем (может быть, и продуктивном) взаимодействии. Русский архетип личного общения сам по себе носит всечеловеческий характер, в явной форме выражает скрытую потребность каждого человека в бытии *лицом-к-лицу*, просто в силу диалогичной природы его сознания.

Инструменты "мягкой силы" в обеспечении национальных интересов России в АТР

В публичном пространстве России и в её внешнеполитической риторике концепт "мягкой силы" используется редко, а если используется, то с указанием на его "чужеродное" происхождение. Но содержательно, по смыслу многие внешнеполитические шаги прямо предполагают использование основных компонентов этой силы (по Дж. Наю): вовлечение культурных ресурсов государства, демонстрация собственных ценностей и внешнеполитическую направленность риторики. Можно утверждать, что в отличие от Китая, руководство России концептуально не оформила то, каким образом оно использует свой культурный потенциал за рубежом. (Некоторым приближением к этой доктрине можно считать программу "Русского мира"). Однако по факту Россия безусловно применяет инструменты "мягкой силы" (что, впрочем, можно сказать о любом государстве, имеющем претензию считать себя современным и претендующим на какое-то влияние в мире). Но отсутствие соответствующей современности внешнеполитической доктрины опоры на культурный потенциал государства имеет прямые негативные последствия. Оно прямо сказывается на утрате влияния России в бывших республиках СССР, во фрагментарности её культурного присутствия в тех странах, в сотрудничестве с которыми Россия сегодня сильно заинтересована (а таковыми как раз и являются страны США). Но будь такая доктрина использования "мягкой силы" концептуально сформированной, она бы сильно напоминала китайскую. Россия, в силу своей многонациональности, исторически вынуждена придерживаться принципа "единства в многообразии", но, не имея для этого адекватного культурного образца (которым для Китая является конфуцианство), испытывает сильные затруднения в идеологическом обосновании "почему единство". Так во внутренней политике. Во внешней – позиция России еще более приближена к китайской в требовании равноправных отношений. Как было сказано выше, равноправными могут быть только те отношения, которые основаны на коммуникативной логике культуры. Экономические и политические отношения – по своей природе – не равноправны. Соответственно, только при том

условии, что экономические и политические интересы *равняются* на образец культурной коммуникации – они несколько уравнивают различия сторон.

Но фактически на внешней арене Россия действует в той же конфронтационной логике "мягкой силы", что и США. Это означает, что по факту она сталкивает своё влияние за рубежом с влиянием других стран – прежде всего США. В этой логике *мягкая сила* одного государства должна теснить *мягкую силу* другого. При нынешнем раскладе сил следует ожидать, что в странах Восточной Азии *мягкая сила* США будет продолжать теснить *мягкую силу* России. Россия сможет сохранить свое культурное присутствие, а вслед за ним и все формы взаимодействия при условии, что она предъявит значимый для других культурный образец человеческого существования, в некоторых аспектах альтернативный "американской мечте". Апелляция к традиционным ценностям, на чем строится сегодня политическая риторика, бесперспективная. Никому не удалось достичь успеха в конкурентной борьбе, провозглашая движение назад.

Литература

1. Борох О., Ломанов А. От "мягкой силы" к "культурному могуществу" // Россия в международной политике. 2012. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Ot-myagkoi-sily-k-kulturnomu-moguschestvu> -15643 (дата обращения: 14.05.2016).
2. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. В 3-х т. М.: Весь мир, 2007. 678 с.
3. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. Пер. с англ. Изд. 2-е, испр. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. 304 с.
4. Гринин Л.Е. Коротчаев А.В. Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы. М.: Книжный Дом "ЛИБРОКОМ" 2009.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
6. Коротчаев А.В. и др. Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития. Изд.3, М.: УРСС, 2010.
7. Культура и политика. Метакультурный потенциал сотрудничества России со странами Северо-Восточной Азии как ресурс её национальной безопасности: монография / под ред. С.Е. Ячина. Владивосток: Дальнаука, 2016. 420 с.
8. Русакова О.Ф. Soft Power как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 3. Общественные науки. 2013. № 3 (118). С. 52–61.
9. Рустамова Л.Р. Механизм действия и пределы использования концепции "мягкая сила" // Ойкумена Регионоведческие исследования. 2018. № 1 (44). С. 145–154.
10. Моль А. Социодинамика культуры. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 416 с. (Moles A. Sociodynamique de la culture. 1967)
11. Слотердайт П. Критика цинического разума. Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 2001. 584 с.
12. Смирнова, Л.Н. Предложения по улучшению образа России в Китае: рабочая тетр. / Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2014. 40 с.
13. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Thesis. Весна 1993. Т. 1, вып. 2. С. 123–136. (Habermas J. 1985)
14. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 420 с.
15. Ячин С.Е. Состояние метакультуры. Владивосток: Дальнаука, 2010. 268 с.
16. Ячин С.Е. Возвращение к дару: контуры рефлексивной культуры дара в современном мире // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 33–41.
17. Frank A. G., Gills B. K. The Five Thousand Year World System in Theory and Practice // World System History: The Social Science of Long-term Change / Ed. by R.A. Denemark, J. Friedman, B.K. Gills, G. Modelski. L.; N. Y 2000.
18. Kearn D.W. The hard truths about soft power // Journal of Political Power. 2011. Vol. 4, No. 1. (Apr.).
19. Kireev, Anton A., Yachin, Sergei E. Paradigms of Border Studies and the Metacultural Approach // Journal of Borderlands Studies. 2017. № 32. Vol. 4. Pages 1–18 Published online: 04 Jul 2017
20. McLuhan M., Fiore Q. The Medium is the Massage: An Inventory of Effects. N.Y.:Random House, 1967.

21. Mullerson Rein. Dawn of a New Order: Geopolitics and the Clash of Ideologies. I.B.Tauris & Co. Ltd: London, New York, 2017, i-ix; 277 pp.
22. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success In World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 191 p.
23. Nye J.S. Limits of American Power // Political Science Quarterly. 131.2 (June 2016). P. 267–283.
24. Nye J.S. The Power to Lead. NY: Oxford University Press, 2008. 240 p.
25. Safire's New Political Dictionary. N. Y.: Random House, 1993.
26. The Logic of the Gift: Toward an Ethic of Generosity / Ed. by Alan D. Schift. New York, London: Routledge, 1997.
27. Urry J. (2007). Mobilities. Cambridge: Polity, 336 p.
28. Xi Jinping. Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era Delivered at the 19th National Congress of the Communist Party of China. October 18, 2017.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Borokh O., Lomanov A. Ot "myagkoj sily" k "kul'turnomu mogushhestvu" // Rossiya v mezhdunarodnoj politike. 2012. № 4. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Ot-myagkoi-sily-k-kulturnomu-mogushhestvu-15643> (data obrashheniya: 14.05.2016).
2. Brodel' F. Vremya mira. Material'naya tsivilizatsiya, ehkonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. V 3-kh t. M.: Ves' mir, 2007. 678 s.
3. Vallerstajin I. Mirossystemnyj analiz: Vvedenie. Per. s angl. Izd. 2-e, ispr. M.: URSS: LENAND, 2018. 304 s.
4. Grinin L.E. Korotaev A.V. Sotsial'naya makroehvolyutsiya: Genezis i transformatsii Mir-Sistemy. M.: Knizhnyj Dom "LIBROKOM" 2009.
5. Kastel's M. Informatsionnaya ehpkha: ehkonomika, obshhestvo i kul'tura. M.: GU VSHEH, 2000. 608 s.
6. Korotaev A.V. i dr. Zakony istorii: Matematicheskoe modelirovanie i prognozirovanie mirovogo i regional'nogo razvitiya. Izd.3, M.: URSS, 2010.
7. Kul'tura i politika. Metakul'turnyj potentsial sotrudnichestva Rossii so stranami Severo-Vostochnoj Azii kak resurs eyo natsional'noj bezopasnosti: monografiya / pod red. S.E. Yachina. Vladivostok: Dal'nauka, 2016. 420 s.
8. Rusakova O.F. Soft Power kak strategicheskij resurs i instrument formirovaniya gosudarstvennogo brenda: opyt stran Azii // Izv. Ural. federal. un-ta. Ser. 3. Obshhestvennye nauki. 2013. № 3 (118). S. 52–61.
9. Rustamova L.R. Mekhanizm dejstviya i predely ispol'zovaniya kontseptsii "myagkaya sila" // Ojkumena Regionovedcheskie issledovaniya. 2018. № 1 (44). S. 145–154.
10. Mol' A. Sotsiodinamika kul'tury. Izd. 3-e. M.: Izdatel'stvo LKI, 2008. 416 s. (Moles A. Sociodynamique de la culture. 1967)
11. Sloterdajk P. Kritika tsinicheskogo razuma. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2001. 584 s.
12. Smirnova, L.N. Predlozheniya po uluchsheniyu obraza Rossii v Kitae: rabochaya tetr. / Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). M.: Spetskniga, 2014. 40 s.
13. KHabermas YU. Otnosheniya mezhdru sistemoj i zhiznennym mirom v usloviyakh pozdnego kapitalizma // Thesis. Vesna 1993. T. 1, vyp. 2. S. 123–136. (Habermas J. 1985)
14. KHabermas YU. Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii. SPb.: Nauka, 2001. 420 s.
15. Yachin S.E. Sostoyanie metakul'tury. Vladivostok: Dal'nauka, 2010. 268 s.
16. Yachin S.E. Vozvrashhenie k daru: kontury refleksivnoj kul'tury dara v sovremennom mire // Voprosy filosofii. 2014. № 9. S. 33–41.
17. Frank A. G., Gills V. K. The Five Thousand Year World System in Theory and Practice // World System History: The Social Science of Long-term Change / Ed. by R.A. Denmark, J. Friedman, V.K. Gills, G. Modelski. L.; N. Y 2000.
18. Kern D.W. The hard truths about soft power // Journal of Political Power. 2011. Vol. 4, No. 1. (Apr.).
19. Kireev, Anton A., Yachin, Sergei E. Paradigms of Border Studies and the Metacultural Approach // Journal of Borderlands Studies. 2017. № 32. Vol. 4. Pages 1–18. Published online: 04 Jul 2017
20. McLuhan M., Fiore Q. The Medium is the Massage: An Inventory of Effects. N.Y.:Random House, 1967.
21. Mullerson Rein. Dawn of a New Order: Geopolitics and the Clash of Ideologies. I.B.Tauris & Co. Ltd: London, New York, 2017, i-ix; 277 pp.
22. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success In World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 191 p.

23. Nye J.S. Limits of American Power // *Political Science Quarterly*. 131.2 (June 2016). P. 267–283.
24. Nye J.S. *The Power to Lead*. NY: Oxford University Press, 2008. 240 p.
25. *Safire's New Political Dictionary*. N. Y.: Random House, 1993.
26. *The Logic of the Gift: Toward an Ethic of Generosity* / Ed. by Alan D. Schift. New York, London: Routledge, 1997.
27. Urry J. (2007). *Mobilities*. Cambridge: Polity, 336 p.
28. Xi Jinping. Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era Delivered at the 19th National Congress of the Communist Party of China. October 18, 2017.

Ячин С.Е. Метакультурный подход в международных отношениях vs доктрины "мягкой силы".

Доктрина мягкой силы особым образом отражает рост фактора культуры (образования, масс-медиа, искусства, науки) в политике вообще и в международных отношениях в особенности. Но важно обратить внимание на двусмысленность самого концепта мягкой силы. Эта концепция прежде всего предполагает использование факторов культуры для обеспечения своего политического (властного) интереса и влияния на другие страны и народы. Именно поэтому оборотной стороной политики мягкой силы становятся разного рода информационные барьеры, которыми государства начинают защищать своё культурное (идеологическое) пространство. Предполагая, что значение факторов культуры во всех аспектах внутренней и внешней политики и экономики будет возрастать и далее, требуется предложить стратегический ход, снимающий нарастающий конфликт интересов стран и народов в этой области. Возможной альтернативой данной доктрине может стать метакультурный подход, который предполагает подчинение властного (политического) целеполагания в международных отношениях целям культурного влияния. Здесь главным ресурсом становится творческий потенциал нации. Тенденцию к трансформации идеологии мягкой силы в "культурное могущество", хотя и противоречиво, демонстрирует современное китайское руководство.

Ключевые слова: *мягкая сила, метакультурный подход, метакультурный потенциал, политика Китая*

Yachin S.E. Metacultural approach in international relations vs the doctrine of "soft power".

The doctrine of soft power in a special way reflects the growth of the factor of culture (education, mass media, art, science) in politics in general and in international relations in particular. But it is important to pay attention to the ambiguity of the very concept of "soft power". This concept primarily involves the use of cultural factors to ensure its political (power) interest and influence on other countries and peoples. That is why the reverse side of the policy of soft power is all sorts of information barriers, by which states begin to protect their cultural (ideological) space. Assuming that the importance of cultural factors in all aspects of domestic and foreign policy and economy will continue to grow, it is required to propose a strategic move that removes the growing conflict of interests of countries and peoples in this area. A possible alternative to this doctrine may be the metacultural approach, which assumes the subordination of power (political) goal-setting in international relations to the goals of cultural influence. Here the creative potential of the nation becomes the main resource. The tendency to transform the ideology of soft power into "cultural power", although contradictory, is demonstrated by the modern Chinese leadership.

Key words: *Soft power, metacultural approach, metacultural potential, the policy of China*

Для цитирования: Ячин С.Е. Метакультурный подход в международных отношениях vs доктрины "мягкой силы" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 3. С. 7–17. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/7-17

For citation: Yachin S.E. Metacultural approach in international relations vs the doctrine of "soft power" // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 3. P. 7–17. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/7-17

УДК 327

Грановская О.Л., Давыдов О.Б., Ячин С.Е.

Перспективы коммунитаристского движения в странах Восточной Азии

Введение

Всякую новую социально-политическую доктрину и вытекающую из неё практику разумно рассматривать как своеобразный ответ на вызовы своего времени. Такого рода подход целиком применим к коммунитаризму. Это движение (соединяющее в себе теорию, программы, проекты и практики) является философской и социально-политической реакцией на двойной вызов. С одной стороны, вызовом было эпохальное возвращение моральной тематики в социальную теорию, которая с философским размахом была осуществлена Дж. Ролзом в его работе "Теория справедливости". Как таковой, коммунитаризм, в лице его основных представителей: У. Галстона, Ч. Тейлора, М. Сэндела, А. Макинтайра, А. Этциони – сформировался в ходе полемики с философией либерализма. Критикуя либеральный проект, коммунитаристы указывают на необходимость пересмотра его идейно- философских оснований. С другой стороны, каждое из философских оснований традиционного для западного общества либерализма стало проблематичным в свете реалий нашего времени: индивидуальной и групповой разобщённости, очевидной несовместимости моральных норм и ценностей разных культур, роста всех видов социального и экономического неравенства, отсутствия какой-либо скрепляющей для всего человечества идеи.

Признавая, что коммунитаристский проект имеет мировые перспективы, мы здесь обращаем внимание на его некоторые слабости, которые как раз и препятствуют внедрению в полноценную практику. Исходная слабость состоит (наверное, это покажется странным) в недостаточной философичности самой доктрины или в уровне онтологической всеобщности поставленной ей задачи. Поскольку обсуждение начинается с этики (а она всегда вторична относительно онтологии), то узость заданных рамок становится препятствием, чтобы полноценно развернуть экономическую, культурную и политическую составляющую любого социального проекта. Чтобы продвинуть тот же коммунитаристский проект, сделать его более жизнеспособным, необходимо сделать шаг вглубь социальной онтологии, где мы находим сущностную неразрешимость человеческого общежития (того самого community, о котором печётся коммунитаризм). Здесь мы не скажем ничего нового, кроме одного: следует осознать, что противоречие между частным и общим, индивидом и обществом, моралью и законом, стремлением к развитию и воспроизводством системного порядка – является социально *неразрешимым*. Следует осознать, что задача социального проекта состоит в том, чтобы найти адекватную времени меру такой неразрешимости [2, с. 82–93]. В этом ключе идеалы социальной справедливости, в спорах о которых развернулась коммунитаристская доктрина,

© Грановская О.Л., Давыдов О.Б., Ячин С.Е., 2018

ГРАНОВСКАЯ Ольга Леонидовна, д-р филос. наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** olg@vladivostok.com

ДАВЫДОВ Олег Борисович, канд. филос. наук, доцент департамента философии и религиоведения Дальневосточного Федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** 328gr@rambler.ru

ЯЧИН Сергей Евгеньевич, д-р филос. наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** Yachin.se@dvfu.ru

Данное исследование осуществлено при поддержке РФФИ. Номер гранта - № 17-27-10001.

чтобы не стать утопичными, должны быть установлены как неразрешимые¹. С этой точки зрения мы посмотрим на попытки дальневосточных теоретиков и политиков использовать идеи коммунитаризма для модернизации своего традиционного коллективизма. Собственно, близость, но не тождественность коллективизма и коммунитаризма подтолкнула и мысль, и политическую практику этих стран. Важно понять, что не удалось и каков источник затруднений.

Предвосхищая результаты анализа коммунитаристского опыта дальневосточных стран, скажем, что возникшие здесь трудности связаны именно с характером постановки задачи. Каждый раз следует иметь в виду, что с точки зрения социальной онтологии коммунитаризм предлагает только адекватное времени решение неразрешимой задачи, он ищет меру, при которой указанные оппозиции не перерастают в социальные антагонизмы. Будет совершенно нетрудно прочесть и интерпретировать работы основных авторитетов коммунитаристского движения в этом ключе. Это именно то, что они имеют в виду, не всегда находя для этого нужные формулы.

Обратим внимание ещё на один аспект актуальности представленного сюжета. Концепция коммунитаризма мало известна и ещё более слабо популяризирована в российском обществе. Проблема, которая поднята в этой статье, могла бы быть не менее актуальной и для нас, если бы не одно но: в отличие от восточноазиатских стран – в нашей философской литературе и публицистике вопрос о перспективах коммунитаристского проекта – вообще не ставится. Поэтому введение этой проблематики через анализ опыта наших восточноазиатских соседей имеет особый смысл в силу ряда общих черт и проблем, с которыми мы и они столкнулись в эпоху инноваций, нарастающей мобильности, кризиса идентичностей и традиционного социально-политического устройства. В устах нынешней политической правящей страты России само слово "либерализм" стало едва ли не ругательным, и, при всей неадекватности его понимания с их стороны, в этой позиции действительно отражается слабость либеральной идеологии (в особенности для реалий и политической культуры нашей страны). Но что взамен? На практике происходит откат к псевдокоммунистической риторике в поразительном сочетании с попыткой восстановить идеологему Российской империи: "самодержавие, православие, народность". В этом контексте популяризация идей коммунитаризма в разных слоях нашего общества – может быть, даст надежду на то, что страна не окажется на периферии социального прогресса человечества.

Коммунитаризм vs либерализм: каким образом критика либеральной философии формирует собственную позицию коммунитаризма

Повторим, в чем состоит наша интерпретационная рамка как для либеральной, так и для коммунитаристской доктрины. Каждая из них стоит перед проблемой, как разрешить имманентное противоречие между человеком и обществом, между частным и общим интересом (благом). Скрытый методологический ход, который (часто неявно) используют теоретики коммунитаризма, состоит в том, чтобы опосредовать ("снять") антагонизм этого отношения понятием сообщества. Происходит некое возвращение к классическому различию "общины" и общества", введённому в социальную теорию Ф. Тённисом. Невысказанный методологический упрек коммунитаристов в адрес либералов мог бы состоять в том, что последние мыслят в рамках простой дихотомии, пытаясь просто отнять от общества, как социально-политической организации, некоторые функции и передать их на усмотрение индивидов. А это неосуществимо без разрушения некоторых условий совместного общежития. Поэтому основным предметом критики со стороны коммунитаристов становятся абстрактные представления либералов о человеческой личности как "чистом субъекте", которые, по мнению коммунитаристов, игнорируют включенность человека в разнообразные общественные практики и его нагруженность разными, подчас противоречивыми, социальными ролями. (Обычно эта критикуемая позиция обозначается как "универсализм").

¹ Концепт неразрешимости используется здесь в смысле близком "математической неразрешимости функции".

Сообщество трактуется в коммунитаризме как специфический феномен, отличный как от индивидуального, так и от общественного бытия, но при этом способный непротиворечиво совместить в себе требования того и другого. Организация и целеполагание (энтелехия) сообщества конституируются идеей общего блага, стремление к которому (в точности по Аристотелю) определяет этос членов сообщества. Фактически происходит возвращение к исходному замыслу "Политики", что политика есть высшая форма этики. Коммунитаристская философия видит свою цель в гармонизации соотношений индивидуума и общества, нахождению устойчивого баланса между ними. Важное отличие коммунитаризма от различных форм коллективизма, подчиняющего личность обществу, заключается в том, что сообщество и личность являются для коммунитаристов одинаково значимыми, поскольку сообщество не может подавлять личность без нанесения ущерба самому себе: "Благополучие человека как личности является краеугольным камнем моральной ценности. Это критерий, по которому мы оцениваем политику и практики".

Коммунитаристы разработали несколько моделей сообществ, общежитие которых основано на нелиберальных ценностях. Так, А. Макинтайр в своей работе "После добродетели" [9] защищает аристотелевский идеал тесного, основанного на взаимности местного сообщества, связанного общими целями, где люди просто исполняют присвоенные обществом роли, однако эта досовременная концепция всеохватывающей общности, которую без всяких рефлексий признают все, на кого она распространяется, никак не согласуется с фактом существования сложных, раздираемых конфликтами огромных индустриальных обществ.

Дж. Грей, пытаясь совместить либерализм с фактом плюрализма в работе "Поминки по Просвещению", оправдывает авторитарные практики в Китае и других азиатских странах. Он считает, что плюралистский подход признаёт множество способов внутренней организации режимов. Такому режиму не обязательны демократические институты или институты гражданского общества западного типа [2, с. 272]. В "Сферах справедливости" М. Уолцер обращается к индийской кастовой системе, "в которой социальные смыслы интегрированы и иерархичны", как к примеру таких нелиберальных сообществ, которые могут быть справедливы только согласно своим собственным стандартам. Понятно, что такие примеры не способствуют привлекательности коммунитаристской теории. Эти неудачные примеры усилили позиции той точки зрения, что либеральным институтам и ценностям нет никаких альтернатив в современных социальных условиях. Коммунитаристы, в свою очередь, предостерегают либеральных мыслителей применять универсальные схемы, основанные исключительно на моральной аргументации и политическом опыте западных либеральных обществ, однако никто из этих теоретиков не считает, что альтернативой либерализму может быть кастовая система, фашизм или коммунизм. Для поддержания репутации своей теории коммунитаристам необходимо было, таким образом, найти примеры убедительных нелиберальных режимов, и им это в определённом смысле удаётся.

Важнейший момент, связанный с политическими перспективами коммунитаризма, определяется дискуссией вокруг роли государства, которое исходит из нейтральности в отношении конкретных коммунитарных нарративов и сообществ. Как отмечает Ф. Селзник: "Интересы сообщества не очень хорошо обслуживаются внеконтекстным, абсолютистским, сконцентрированным на правах либерализмом. В таком этосе права оторваны от долга и дисциплины, которая делает возможной свободу". То есть либерализм и легализм размывают субъектность как таковую.

Согласно либеральной доктрине, государство не должно вмешиваться в жизнь и культуру сообществ или меньшинств, но должно обеспечивать баланс автономии и терпимости, не отдавая предпочтения тому или иному партикулярному набору благ и оставаясь морально нейтральным. Философы-либералы полагают, что всякая попытка вмешательства государства в функционирование культурного рынка нарушает универсальные принципы справедливости. В свою очередь, коммунитаристы отстаивают позицию перфекционизма, заключающуюся в том, что государству следует поощрять те образы жизни и нарративы, которые способствуют всеобщему процветанию.

В рамках своих исследований и рекомендаций коммунитаристы новой волны выступают с критикой либералов и либертарианцев – сторонников свободного нерегулируемого рынка, и эгалитаристов – сторонников концепции государства общего благоденствия и сопутствующей ей бюрократии. Первых критикуют за то, что они проповедуют экономические права, нереализуемые в эпоху медленного роста экономики и растущего перенаселения, так что в результате их политики власть переходит от местных сообществ и демократических институтов к централизованным бюрократическим структурам, которые считаются лучше оснащёнными для управления справедливым распределением благ и таким образом вызывают усиливающееся чувство безвластия и отчуждения от политического процесса. Вторых за то, что современное государство благоденствия, с его универсальной логикой прав, подорвало семью и социальные связи гражданского общества, возлагая на него чрезмерные обязанности, подрывая желание помогать другим и даже проталкивая инициативы, демотивирующие людей к созданию семьи (например, во многих американских штатах действует закон, согласно которому, если получатель социального пособия женится или выходит замуж, он автоматически лишается пособия).

Таким образом, в коммунитаристской перспективе, роль государства заключается в поддержке и развитии всех видов и уровней взаимодействия в обществе. И именно в случае синергии коммунитарно-структурированного общества и социально-ориентированного государства возможна наиболее полная реализация общего блага. Но для этого государство должно иметь характер социальной направленности, то есть рационально ограничивать рыночные механизмы в социально и коммунитарно значимых сферах жизни, таких как образование, здравоохранение, транспорт, ЖКХ и т.д. Сказанное делает понятным, почему на эти идеи обратили внимание теоретики и практики восточноазиатских стран. Акцент на социальных связях людей входит в одну из главных особенностей их традиционной ментальности и культуры.

Как лидеры восточноазиатских стран используют идеи коммунитаризма и к чему это часто приводит

Специфика соотношения государства и общества, а также индивидуума и сообщества, присущая азиатской ментальности и практике, способствует особой импликацией коммунитаристских идей в азиатский социально-политический контекст. Модернизационные успехи стран Восточной Азии как в экономической, так и в политической областях стран, традиционно весьма далёких от либеральных ценностей, можно рассматривать (с коммунитаристской точки зрения) как практический вызов либеральному универсализму. В 1990-е годы разгораются дебаты вокруг так называемых "азиатских ценностей", которые, насколько можно судить, действительно позволили осуществить этот модернизационный прорыв.

Привлечение внимания к факторам культуры при оценке экономических успехов и политических порядков вообще составляет тренд в современной социальной теории². Именно в этом ключе либеральная теория и обнаруживает свою главную недостаточность: она не рассматривает культуру и ментальность в качестве значимых факторов социального устройства. Но и коммунитаристов можно упрекнуть за то, что их представления о логике культуры не имеют сколько-нибудь оформленного теоретического выражения. В такой же мере, в которой справедлива их критика в адрес либералов-универсалистов за абстрактность их представлений о человеке, коммунитаристов можно упрекнуть в абстрактности представлений о логике культуры. Сам по себе вопрос сложный – но во всех случаях решение должно быть как-то обозначено³. Не рассматривая его в рамках данной статьи, отметим, что естественным преимуществом восточноазиатских реформаторов (позволяющим им обходить теоретические трудности) является то, что они *практически* устанавливают фактор культуры как системообразующий при проведении этих реформ. Стоящая перед ними задача может быть сформулирована следую-

² Показательно: [11].

³ Как пример: [2].

щим образом: нужно найти адекватные современности институциональные формы для традиционных культурных ценностей народов восточноазиатских стран. И они их находят.

Сам концепт "азиатских ценностей" был введен в оборот лидерами успешных политических и экономических преобразований, проводимых в Восточной Азии. Азиатские ценности, согласно премьер-министру Сингапура Го Чок Тонгу, – это "предпочтение общественных интересов личным, поддержка семьи как основной ячейки общества..., и установка на расовую и религиозную толерантность и гармонию" [12, 32]. Так правящая партия Сингапура, оценив состояние общества в терминах "морального кризиса", в начале 90-х стала активно продвигать коммунитаристскую идеологию, которая была призвана заменить старый марксизм и прагматизм и выступить в качестве альтернативы гражданским и политическим свободам в их западном понимании. Сингапурский политический деятель, первый премьер-министр Республики Сингапур, один из создателей сингапурского "экономического чуда", Ли Куан Ю утверждал: "Представители азиатской культуры без всяких сомнений считают, что общество, основанное на коммунитаристских ценностях, где общественные интересы выше личных, предпочтительнее индивидуалистского американского общества" [Цит. по: 6]. Именно господство азиатских ценностей и конфуцианской этики, по мнению этих политических деятелей, обеспечивало процветание таким разделяющим общие ценности странам, как Корея, Япония, Сингапур [6].

Дебаты об "азиатских ценностях", начатые лидерами из соображений политической целесообразности, вызвали среди интеллектуалов этих стран попытки осмыслить свою позицию в спорах по поводу прав человека и демократии, в которых раньше они не принимали сколько-либо заметного участия. Не отрицая и не принимая полностью ценности и практики, обычно реализуемые в либеральных режимах, восточные интеллектуалы основываются на собственных культурных традициях, исследуя цивилизационные сходства и отличия Запада и Востока. В отличие от политических деятелей, интеллектуалы не занимают радикальной позиции, не признающей западные ценности и противопоставляющей им восточноазиатскую альтернативу, благодаря этому в их работах содержатся интересные идеи в плане перспектив коммунитаризма в Восточной Азии и вообще в мире [5].

Первая из таких идей состоит в том, что культурные особенности влияют на ранжирование прав и это важно, когда различные права вступают в конфликт и необходимо решить, какое из них принести в жертву. Другими словами, различные общества выстраивают различные иерархии прав и даже, если они сталкиваются с совершенно одинаковыми трудностями, они могут прийти к разным выводам по поводу того, какое из прав должно быть урезано. Например, по данным World Value Survey, граждане США скорее предпочтут принести в жертву социальные и экономические свободы, если они вступят в конфликт с гражданскими и политическими правами (если ни конституция, ни большинство в парламенте не поддерживают программы всеобщей бесплатной медицины, то право на общедоступную медицину будет принесено в жертву). В Китае, наоборот, предпочтут пожертвовать гражданскими и политическими правами, если они вступят в конфликт с социальным и экономическим правом. Там, например, из соображений безопасности и социальной стабильности ограничивают свободное использование интернета. Различные приоритеты, присваиваемые правам, влияют на решения о том, как тратить ограниченные ресурсы. Например, в конфуцианских обществах Восточной Азии придается большое значение ценности образования, и этим объясняется высокий уровень расходов на образование в этих обществах, в сравнении с обществами того же уровня развития.

Культурные факторы могут стать моральными основаниями для особых политических практик и институтов, которые отличаются от тех, которые приняты в демократиях западного типа. В восточноазиатских обществах, находящихся под влиянием конфуцианской культуры, например, общепринятой является традиция заботы детей о своих престарелых родителях, и отказ от этой традиции возможен в исключительных обстоятельствах. В политической практике это проявляется как то, что восточноазиатские правительства должны нести обязательства по обеспечению социальных и экономических

условий, способствующих осуществлению данной обязанности. Политические дебаты обычно происходят вокруг вопросов: как лучше обеспечить осуществление обязанности сыновей заботы – посредством законов, закрепляющих обязательный характер финансовой помощи престарелым родителям, как в материковом Китае, Японии и Сингапуре, или же правительствам лучше использовать не прямые методы, такие как налоговые послабления или льготное предоставление жилья, которое делает проще саму заботу о престарелых родственниках на дому, как это принято в Корее и Гонконге. Но сама идея о том, что данная традиция должна поддерживаться и сохраняться на востоке, не оспаривается никем [8, с. 221].

Представители правящей политической партии Сингапура (Партия народного действия), после провалившейся попытки прямо насаждать конфуцианские ценности в повседневных общественных практиках достаточно европеизированных жителей страны, переформулировали старую идеологию прагматизма на идеологию коммуитаризма, ядром которой стали традиционные конфуцианские ценности. Так, в "Белой бумаге" 1991-го г. (официальный документ правительства Сингапура, в котором излагается политическая программа), говорится о необходимости введения высоких нравственных стандартов для государственных служащих, которые должны служить народу верой и правдой не из-за боязни быть наказанными, а понимая, что таков их долг. Эти нравственные стандарты должны черпать вдохновение в конфуцианской концепции добродетельного управления "благородных мужей". В "Белой бумаге" утверждается, что такие благородные мужи, несущие обязанность делать добро людям и наделённые доверием и уважением населения, подходят Сингапуру "больше, чем западная идея, согласно которой правительству должно быть предоставлено как можно меньше власти и к нему всегда надо относиться с подозрением, если не доказано обратного" [12, с. 36].

Впрочем, коммуитаристские концепции и проекты сталкиваются с не меньшими трудностями, нежели либеральные. Основная проблема видится в том, как найти ту самую "золотую середину" соотношения интересов личности (в её конкретном культурном контексте) и интересов социальной организации (государства). Дело в том, что, устанавливая приоритет интересов сообщества над частными интересами (пусть этот приоритет принят добровольно и ответственно), всегда возникает конфликт между интересами разных сообществ, например, между интересами семьи, корпорации и гражданскими обязанностями. (А укреплять эти сообщества призывает всякий уважающий себя коммуитарист). Имеются примеры негативного эффекта коммуитаристского вмешательства в жизнь отдельных обществ. Так, проект конфуциализации Сингапура считается неудавшимся, поскольку способствовал росту религиозной нетерпимости в обществе. Правительство престоало с этих пор прямо продвигать конфуцианские ценности, однако, этика конфуцианства вошла в коммуитаристскую концепцию, на основе которой стала организовываться новая национальная идеология партии власти Сингапура (Партия народного действия).

Особые проблемы возникают в рамках традиций восточного коллективизма. Тацуо Иноуэ (Токийский университет) обращает внимание на то, что в японском обществе, доминирующим культурным паттерном которого является коммуитаризм, совершенно другие проблемы, нежели в западных обществах. Там существует противоположная проблема, которую он формулирует как *гипертехнический коммуитаризм, проявлениями которого он считает такие культурные феномены, как kaishashugi*, коммуитаристская реконструкция капитализма, превалирующего в Японии.

Коммуитаризм соответствует истинно японским представлениям о человеке и нравственности и проявляется в четырёх основных характеристиках японской культуры: 1. Предпочтение преданности группе другим ценностям – справедливости и правам человека; 2. Японская ориентированность на группу не только определяет индивидуальные предпочтения, но и конституирует личную идентичность. Один из институтов, вокруг которого формируется в современной Японии групповая преданность и личная идентичность, – бизнес-корпорация. 3. Японский моральный язык особый акцент ставит на предпочтении коллективных ценностей индивидуальным, общего блага над свободой и личной жизнью. Есть специальное понятие, символизир-

рующее эти предпочтения – *messhi hoko*, что означает добродетель принесения в жертву чьей-то личной жизни общественному служению, или, буквально, самоуничтожения ради общего дела. И хотя в послевоенной Японии это слово обесценилось, поскольку использовалось в милитаристской пропаганде, само это свойство продолжает считаться в обществе добродетелью. Оно проявляется в том, как японцы приносят себя в жертву своей компании, чтобы быть признанными *kigyō senshi*, или корпоративными воинами. Тёмной стороной коммунитаризма по-японски Иноуэ называет *karoshi*, смерть от переработки, и рассматривает её в терминах дюргеймовской символической смерти.

Коммунитаристские ценности, хотя и не всегда, но вступают в конфликт. Например, власти Сингапура, которые строят на коммунитаристском дискурсе идеологию, отвергают либеральную концепцию минимального государства, сдерживаемого крепким гражданским обществом, как неподходящую для Сингапура. Эффект получается обратный: если ваша главная цель сохранить преданность сообществу в целом, то обеспечение конкурентных выборов – важный шаг на этом пути [7]. Как либералы, например, И. Берлин и его последователь Р. Дворкин, не могут решить, какой ценности отдать предпочтение в конфликте двух ценностей "свобода" и "равенство", так и коммунитаристы не знают, как разрешить конфликт ценных форм общественной жизни.

Демократические реформаторы Сингапура воспринимают демократию как свободные и конкурентные выборы, такая позиция была названа западными аналитиками "минимальной демократией". В Гонконге похожая ситуация – приверженность "полной" демократии выражается в качестве признания необходимости выборов законодательного органа и исполнительной власти. Примечательно, что республиканское направление коммунитаристской мысли, с её представлением о сильной демократии, поддерживаемой активными, верными сообществу гражданами, участвующими в принятии политических решений и формирующими будущее своего общества посредством открытого обсуждения, совершенно не представлено в политическом дискурсе Сингапура и Гонконга и всей Восточной Азии в целом. Многие участники этого дискурса шумно требовали гарантированных демократических прав, но эти требования редко становились требованиями того, чтобы все граждане принимали участие в политике, по причине того, что "политика действительно является необходимой частью хорошей жизни" [см.: 17].

Отсутствие влияния республиканских идеалов на культуру стран Восточной Азии можно, с одной стороны, объяснить тем, что в этих странах не было Аристотеля и Руссо, но был Конфуций. С другой стороны, возможно, что республиканские идеалы не пользуются популярностью в этих странах, потому что для их культур традиционно более ценными считаются другие формы общественной жизни – в частности, тема ценности семьи была одной из основных в конфуцианской этической теории и практике (в отличие от западной философии). Поскольку различные идеалы конфликтуют, разные культуры отдадут предпочтения различным идеалам.

Некоторые выводы

Общий итог рецепции коммунитаризма на восточноазиатской почве следует считать позитивным. В отличие от западных теоретиков коммунитаризма 80-х, восточноазиатским критикам либерального универсализма удалось сформировать опыт конкретных нелиберальных практик и институтов, адекватных условиям современных обществ. Хотя некоторые образцы этого опыта могут быть приемлемы в основном для обществ конфуцианского культурного ареала, другие способны подать хороший пример для смягчения крайностей либерального модернизма на Западе. Несомненной заслугой восточноазиатских теоретиков и политиков является то, что их идеи и инициативы внесли новый смысл в обсуждение предложенных коммунитаристами 80-х годов моделей сообществ, способных выступить альтернативой для либеральных. Практикоориентированный характер восточной ментальности позволяет достаточно эффективно учитывать конкретные условия сочетания интересов людей и социальных институтов, находить "золотую середину", которую теоретически определить фактически невозможно. Однако можно теоретизировать этот опыт и показать, в чем заключается сущность достигнутого успеха,

выражаемого в очень простом факторе – в росте продуктивности совместной жизнедеятельности (она не совсем точно измеряется экономическими показателями). Принципиальное преимущество восточных политиков состоит в том, что, находясь на культурных традициях коллективизма, они напрямую могут решать вопрос их политической и экономической институализации, используя для этого западные модели. Западные теоретики (и практики) коммунитаризма решают задачу двойной сложности: им нужно одновременно изменить как институциональную среду, так и культурную ментальность "общества индивидов"⁴. Поэтому мы ожидаем, что восточный мир будет лидером в разрешении того обострения социальных противоречий, в котором пребывает нынешняя цивилизация.

Литература

1. Ячин С.Е. Социальная онтология в парадигме неразрешимости // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 3 (29). С. 82–93. [Yachin S.E. Social Ontology in the Paradigm of Undecidability // Humanitarian Studies in Eastern Siberia and Far East. 2014. № 3 (29). P. 82–93].
2. Bauer O., Bell D. (eds.). The East Asian Challenge for Human Rights. Available at: https://books.google.ru/books?id=p5wt8hUagc8C&pg=PA6&dq=little+doubt+that+a+society+with+communitarian+values+where+the+interests+of+society+take+precedence+over+that+of+the+individual+suits+them+better+than+the+individualism+of+America&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjVxb_B86bQAhVEVSwKHecsAw0Q6AEIHTAA#v=onepage&q=little%20doubt%20that%20a%20society%20with%20communitarian%20values%20where%20the%20interests%20of%20society%20take%20precedence%20over%20that%20of%20the%20individual%20suits%20them%20better%20than%20the%20individualism%20of%20America&f=false (дата обращения: 11.01.2017).
3. Bell D. Communitarianism and Its Critics. Oxford: Clarendon Press, 1993.
4. Bell D. A Communitarian Critique of Liberalism // Analyse & Kritik. 2005. № 27. P. 215–238.
5. Bell D. The China Model: Political Meritocracy and the Limits of Democracy. Princeton: Princeton University Press, 2015.
6. Chan J. Confucian Perfectionism: A Political Philosophy for Modern Times. Princeton: Princeton University Press, 2014.
7. Chua Beng-Huat. Communitarian Ideology and Democracy in Singapore (Politics in Asia). London: Routledge, 1995.
8. Harrison L., Huntington S. Culture Matters: How Values Shape Human Progress (eds. L. Harrison, S. Huntington). New York: Basic Books, 2000.
9. Miller D. Citizenship and National Identity. Cambridge: Polity Press, 1995.
10. Naisbitt J. Megatrends. Ten New Directions Transforming Our Lives. New York: Warner Books, 1982.
11. Rawls J. The Law of Peoples; with The Idea of Public Reason Revisited. Cambridge: Harvard University Press, 1999.
12. Taylor C. Conditions of an Unforced Consensus on Human Rights. Available at: <http://www.iilj.org/wp-content/uploads/2016/08/Taylor-Conditions-of-an-Unforced-Consensus-on-Human-Rights-1996.pdf> (дата обращения: 11.01.2017).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Yachin S.E. Sotsial'naya ontologiya v paradigme nerazreshimosti // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoке. 2014. № 3 (29). S. 82–93. [Yachin S.E. Social Ontology in the Paradigm of Undecidability // Humanitarian Studies in Eastern Siberia and Far East. 2014. № 3 (29). P. 82–93].
2. Bauer O., Bell D. (eds.). The East Asian Challenge for Human Rights. Available at: https://books.google.ru/books?id=p5wt8hUagc8C&pg=PA6&dq=little+doubt+that+a+society+with+communitarian+values+where+the+interests+of+society+take+precedence+over+that+of+the+individual+suits+them+better+than+the+individualism+of+America&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjVxb_B86bQAhVEVSwKHecsAw0Q6AEIHTAA#v=onepage&q=little%20doubt%20that%20a%20society%20with%20communitarian%20values%20where%20the%20interests%20of%20society%20take%20precedence%20over%20that%20of%20the%20individual%20suits%20them%20better%20than%20the%20individualism%20of%20America&f=false (data obrashheniya: 11.01.2017).

⁴ Известная работа Н. Элиаса [8] и "методологический индивидуализм" как принцип экономики [1].

3. Bell D. *Communitarianism and Its Critics*. Oxford: Clarendon Press, 1993.
4. Bell D. A Communitarian Critique of Liberalism // *Analyse & Kritik*. 2005. № 27. P. 215–238.
5. Bell D. *The China Model: Political Meritocracy and the Limits of Democracy*. Princeton: Princeton University Press, 2015.
6. Chan J. *Confucian Perfectionism: A Political Philosophy for Modern Times*. Princeton: Princeton University Press, 2014.
7. Chua Beng-Huat. *Communitarian Ideology and Democracy in Singapore (Politics in Asia)*. London: Routledge, 1995.
8. Harrison L., Huntington S. *Culture Matters: How Values Shape Human Progress* (eds. L. Harrison, S. Huntington). New York: Basic Books, 2000.
9. Miller D. *Citizenship and National Identity*. Cambridge: Polity Press, 1995.
10. Naisbitt J. *Megatrends. Ten New Directions Transforming Our Lives*. New York: Warner Books, 1982.
11. Rawls J. *The Law of Peoples; with The Idea of Public Reason Revisited*. Cambridge: Harvard University Press, 1999.
12. Taylor C. *Conditions of an Unforced Consensus on Human Rights*. Available at: <http://www.iilj.org/wp-content/uploads/2016/08/Taylor-Conditions-of-an-Unforced-Consensus-on-Human-Rights-1996.pdf> (data obrashheniya: 11.01.2017).

Грановская О.Л., Давыдов О.Б., Ячин С.Е. Перспективы коммунитаристского движения в странах Восточной Азии.

Данная статья посвящена рассмотрению коммунитаризма и коммунитаристских политических практик стран восточной Азии как социального проекта, направленного на нахождение адекватных современности институциональных форм для традиционных культурных ценностей народов этих стран. Этот case интересен потому, что восточноазиатским критикам либерального универсализма удалось сформировать опыт конкретных нелиберальных практик и институтов, отвечающих условиям современных обществ. Их коммунитаристская модель личности и сообщества представляет самобытный пример конструирования социального "мы", альтернативного либеральному.

Ключевые слова: *Азиатские ценности, коммунитаризм, либерализм, универсализм, партикуляризм, конфуцианство*

Granovskaya O.L., Davydov O.B., Yachin S.E. Prospects of the communitarian movement in East Asian countries.

The article considers communitarian theory and political practices in South-East Asian countries as a social project aiming to figure out the most adequate modern institutional forms for the traditional cultural values of those countries. This case is worth attention, primarily, because East Asian critics of the liberal universalism managed to organize experience of the certain non-liberal practices and institutes that fit the conditions of contemporary societies properly. Their communitarian model of self and community is a unique example of constructing the social 'we', that is alternative to liberal one.

Key words: *Asian values, communitarianism, liberalism, universalism, particularism, Confucianism*

Для цитирования: Грановская О.Л., Давыдов О.Б., Ячин С.Е. Перспективы коммунитаристского движения в странах Восточной Азии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 3. С. 18–26. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/18-26

For citation: Granovskaya O.L., Davydov O.B., Yachin S.E. Prospects of the communitarian movement in East Asian countries // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 3. P. 18–26. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/18-26

УДК 327

Бобыло А.М.

Мирный атом как инструмент "мягкой силы" России за рубежом: миф или реальность?

В последние десятилетия во внешнеполитических концепциях различных стран мира все чаще используется термин "мягкая сила". В историко-культурном аспекте понимание природы "мягкой силы" связывается с культурными, ненасильственными, демократическими, эмоционально привлекательными ценностями. Эти ценности используются для установления и поддержания власти методами, направленными на осуществление установки убедить (заставить) других "хотеть того, чего хотите вы" [13, р. 68].

Американский политолог, профессор Гарвардского университета Дж. Най впервые ввёл понятие "мягкой силы" в 1990 г. в условиях, когда произошла, по версии западных политических мыслителей, победа либеральных ценностей над социалистическими и коммунистическими идеями. Дж. Най как яркий представитель нелиберального круга американских теоретиков связал "мягкую силу" с такими понятиями, как демократия, гражданское общество, легитимность. В 2013 г., наблюдая нарастающие усилия со стороны РФ и Китая по продвижению свой культуры и языка за рубежом через разного рода культурные институты и агентства, Дж. Най выразил недоумение, почему вдруг эти страны решили заняться своим имиджем, ведь "мягкая сила" – это прежде всего привлекательность, которая, в его понимании, вовсе не включает в себя "государственную пропаганду", политическое давление и активное участие государства в её выстраивании [15].

В самом начале Дж. Най представил концепцию "мягкой силы" как универсальный инструмент, способный внести вклад в позитивное развитие международных отношений, от которого каждый может получить пользу, поскольку он основывается на силе привлекательности. Затем, однако, автор концепции попытался придать "мягкой силе" более "реалистичный" вид, отметив, что она может включать в себя и ресурсы "жёсткой" силы. А их соотношение к силе "мягкой" определяется контекстом использования. К примеру, экономика – сфера "жёсткой" силы, может вполне стать ресурсом "мягкой силы", если под ней подразумевается не введение санкций, а успешная экономическая модель, способствующая росту благосостояния государства. Кроме того, он пришёл к выводу о том, что "мягкая сила" может быть использована "как во зло, так и во благо" [14]. То есть для одних и тех же ресурсов возможны транзиты из "мягкой силы" в силу "жёсткую" и наоборот.

Агрессивная внешняя политика самих США, неостребованность "мягкой силы" американским политическим руководством привели к тому, что Дж. Най преобразовал свою концепцию в "умную" силу, которая сочетает в себе как инструменты "жёсткой", так и "мягкой" силы, сложенные в единую стратегию. "Умная сила" привлекла к себе внимание видных американских политиков, к примеру, её стала активно упоминать в своих речах Х. Клинтон, однако абсолютное большинство исследований, по-прежнему, сосредоточено на "мягкой силе".

В российском политическом дискурсе "мягкой силе" посвящено уже довольно много исследований, но "мягкая сила" воспринимается многими совершенно не так, как её понимают на Западе, и так, как её описал сам Дж. Най. Многие политические руководители воспринимают её как средство манипуляции общественным сознанием, о чем свидетельствует статья В.В. Путина о "мягкой силе", где он сравнивает её с "манипулированием общественным

© Бобыло А.М., 2018

БОБЫЛО Андрей Михайлович, канд. полит. наук, заместитель начальника Управления экспорта образования Национального исследовательского ядерного университета "МИФИ", (г. Москва). E-mail: AMBobylo@mephi.ru

сознанием", "прямым вмешательство во внутреннюю политику" [10]. Однако перед МИД и специально созданными институтами "мягкой силы": Россотрудничеством, фондом "Русский мир", Фондом поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова – была поставлена задача по интенсификации "мягкой силы" и улучшения имиджа страны на международной арене. Как отметил Д.А. Медведев, такая постановка целей связана, в первую очередь, с тем, что "из-за настороженного восприятия России в мире серьёзно страдает инвестиционный потенциал страны, тормозятся крупные международные проекты" [1]. Он также призвал в её реализации придерживаться не опыта США, а "действовать нестандартно".

Согласно прогнозам исследователей, в XXI в. независимыми смогут остаться лишь те национальные экономики (и соответственно суверенные государства), которые выдержат интеллектуальную и технологическую конкуренцию. Хотя Россия в настоящее время отстаёт от многих стран в своём экономическом развитии, её богатый генетический, ресурсный и сохранившийся образовательный и научно-технологический потенциал ещё в состоянии преодолеть нынешний упадок и вывести государство на достойный уровень, повысить его привлекательность на международной арене.

В 2014 г. Президент России Владимир Путин обозначил Национальную технологическую инициативу (НТИ) как один из приоритетов государственной политики: "На основе долгосрочного прогнозирования необходимо понять, с какими задачами Россия столкнётся через 10–15 лет, какие передовые решения потребуются для того, чтобы обеспечить национальную безопасность, качество жизни людей, развитие отраслей нового технологического уклада" [9]. По оценкам экспертов, при правильном выборе такая стратегия может принести многомиллиардные обороты в будущем, а Россия сможет на равных конкурировать с самыми развитыми странами, участвовать в формировании глобальной повестки. Наибольшее внимание уделяется отраслям, связанным с передовыми технологиями, которые и должны стать двигателем развития.

Парадоксально, но даже технологии ядерного производства, традиционно связанные с демонстрацией военной и технологической мощи государства и относящиеся к ресурсам "жёсткой" силы, могут выступать фактором его привлекательности на мировой арене. Одной из возможных форм, которую в полной мере можно назвать маркетинговой кампанией по улучшению имиджа страны, является экспорт российских технологий, связанных с использованием мирного атома за рубежом.

Как известно, энергетика является одной из важнейших составляющих экономического и политического могущества любого государства в современном мире, а энергетический фактор играет ключевую роль в международных отношениях. Именно от состояния энергетического комплекса любой страны зависит национальная безопасность каждого государства в политическом, экономическом и социальном аспектах, что, в свою очередь, требует особого отношения правительства к обеспечению энергетической безопасности за счёт инвестирования ресурсов в разработки ядерных технологий, в создание соответствующих долговременных дипломатических и юридических механизмов, обеспечивающих развитие масштабного использования ядерных технологий [4, с. 13].

Получение дешёвого источника энергии является актуальной задачей практически для любого государства. Согласно прогнозам экспертов, в течение последующих 50 лет человечество будет потреблять энергии больше, чем было израсходовано за всю предыдущую историю. Сделанные ранее прогнозы о темпах роста энергопотребления и развитии новых энерготехнологий не оправдались: уровень потребления растёт намного быстрее, а новые источники энергии заработают в промышленном масштабе и по конкурентоспособным ценам не ранее 2030 г. Все острее встаёт проблема нехватки ископаемых энергоресурсов. Возможности строительства новых гидроэлектростанций тоже весьма ограничены. Не стоит забывать и о борьбе с "парниковым эффектом", накладывающей ограничения на сжигание нефти, газа и угля на тепловых электростанциях (ТЭС).

В этих условиях решением проблемы может стать активное развитие ядерной энергетики, одной из самых молодых и динамично развивающихся

отраслей глобальной экономики. Все большее количество стран сегодня приходят к необходимости начала освоения мирного атома. По данным специалистов, 1 килограмм урана с обогащением до 4 %, используемого в ядерном топливе, при полном выгорании выделяет энергию, эквивалентную сжиганию примерно 100 тонн высококачественного каменного угля или 60 тонн нефти, что при безопасном использовании открывает перед атомной энергетикой огромные перспективы [7].

На сегодняшний день в мире действуют 194 атомные станции с 442 энергоблоками, большая часть которых находится в Европе. Они вырабатывают 374,9 МВт энергии. Наибольшую долю выработки энергии АЭС имеют во Франции – 75,2 %. В России и Великобритании доля полученной с помощью атома энергии составляет почти по 18 %, в США – чуть больше 20 %, а в Германии – 26 %. Интересен тот факт, что в небольших государствах значение атомной энергетики заметно выше среднего: в Армении – 45 %, Бельгии – 51,7 %, Болгарии – 35,9 %, Венгрии – 43 %, Словакии – 53,5 %, Украине – 48,6 % [3]. Очевидно, что отказ от данного источника получения энергии потребует перестройки всей структуры энергетической отрасли, что вряд ли возможно.

С другой стороны, характерно, что аутсайдерами "ядерного списка" являются вовсе не мировые лидеры, а страны, которые принято относить ко второму эшелону: Индия, Бразилия, ЮАР, Пакистан, Китай, Мексика. В их энергетике атомные станции имеют долю менее 5 %, но при этом и здесь количество строящихся объектов растёт, так как они позволяют в течение нескольких десятилетий вырабатывать электричество по одной из самых низких себестоимостей и в больших количествах. Для многих стран, особенно небольших и не имеющих альтернативных источников энергии, отказ от наращивания мощностей атомной энергетики может обернуться экономической катастрофой.

Во всех ведущих державах мира, в том числе в СССР, атомная промышленность зарождалась из своего ядерного оружейного комплекса. Со временем в таких странах произошло разделение ядерно-энергетического комплекса на военную и гражданскую составляющие [2]. С началом ядерного века Соединённые Штаты Америки и Советский Союз были заинтересованы как в военном, так и мирном применении атомной энергии, а уже в 1950-е гг. политика обмена ядерными материалами и технологиями для их использования в мирных целях стала практиковаться обеими сверхдержавами как инструмент "мягкой силы" для достижения внешнеполитических целей [6].

Чтобы не отстать в ядерной гонке, Советский Союз утвердил программу помощи союзным странам. В феврале 1956 г. был учреждён Объединённый институт ядерных исследований в Дубне, задачей которого являлось развитие научного сотрудничества стран социалистического блока в сфере мирного атома. Новые соглашения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии, заключённые в 1957 г. с рядом социалистических и развивающихся стран, предусматривали помощь в строительстве энергетических ядерных реакторов, работа которых зависела от поставок ядерного топлива из СССР [12]. Таким образом, полностью контролируя ядерный цикл, Советский Союз стремился предотвратить развитие военных ядерных программ в союзных странах. Похожую политику проводили Соединённые Штаты, которые стремились продвинуть на мировой рынок разрабатываемые в США типы реакторов, работающие на обогащённом уране, поставляемом из США [6].

Следует отметить, что Россия в условиях кризиса 1990-х годов сильно отстала от других государств в преобразовании своей атомной отрасли. Советский Союз был активным участником рынка технологий строительства АЭС, но Россия к конкуренции была не готова. Экспорт продукции в зарубежные страны вели всего несколько предприятий атомной отрасли, количество продуктов и услуг было крайне ограничено, причём часто эти предприятия выступали конкурентами друг другу. Так, за полтора десятка лет без участия России, с начала 1990-х годов, в зарубежных странах было построено почти 100 атомных энергоблоков. А Россия именно из-за недостатка конкурентных преимуществ потерпела два болезненных фиаско – были проиграны конкурс на строительство третьего энергоблока финской АЭС "Олкилуото" (победил франко-немецкий консорциум "Areva NP") и конкурс на поставку ядерного

топлива для реакторов также на финскую АЭС "Ловииза", которая была построена с участием Советского Союза.

Ситуация в российской атомной промышленности постепенно начала улучшаться лишь в начале 2000-х годов. 1 декабря 2007 г. президент России Владимир Путин подписал закон "О Государственной корпорации по атомной энергии "Росатом". В настоящее время "Росатом – единственная в мире атомная компания, обладающая компетенциями по всем направлениям использования атомной энергии, на всех этапах жизненного цикла атомных объектов. "Росатом" готов создавать в отдельных странах целые атомные отрасли, реализуя не только проекты по строительству и обслуживанию исследовательских реакторов и энергоблоков АЭС, но и совместные научно-исследовательские проекты, помогать готовить национальные кадры для атомной энергетики, содействовать в области ядерной и радиационной безопасности, помогать создавать необходимую нормативно-правовую базу [7].

Статистика "Росатома" свидетельствует о том, что на сегодняшний день именно российские высокие технологии в атомной отрасли занимают лидирующие позиции. За последние несколько лет за рубежом сооружены и эксплуатируются блок № 1 иранской АЭС "Бушер", блоки № № 1 и 2 АЭС "Тяньвань" в Китае и блоки № № 1 и 2 АЭС "Куданкулам" в Индии. Также в "копилке" "Росатома" – строительство и пуск в Китае экспериментального реактора на быстрых нейтронах CEFR [11].

У России гигантский портфель зарубежных заказов в сфере ядерной энергетики – около 133 млрд долларов США. Это существенно превышает портфель заказов в сфере вооружений. По словам главы компании Алексея Лихачёва, за весь период действия контрактов на данный момент портфель приближается к \$300 млрд. Проекты "Росатома" на 2017 г. реализуются в отношении 34 блоков в 12 странах. 8 энергоблоков сооружаются в самой России. Для сравнения: если в 2013 г. Россия вела торгово-экономические отношения в сфере мирного атома с 28 государствами мира, то данные на 2016 г. говорят о том, что число таких стран достигло 44 [11]. Глобальное технологическое присутствие распространено на такие страны, как Индия, Турция, Венгрия, Бразилия, Аргентина, Индонезия, Финляндия, ЮАР и др.

В настоящее время Россия может похвастаться сразу несколькими перспективными проектами, к реализации которых приступит в самое ближайшее время. Речь идёт о планах строительства атомных электростанций (АЭС) в Индии, Финляндии, Венгрии и Бангладеш. Так, уже в нынешнем году "Росатом" развернёт площадки строительства третьего и четвёртого энергоблоков электростанции "Куданкулам" в Индии. Их ввод в эксплуатацию намечен на 2021–2022 гг. Всего же в ближайшие годы, в соответствии с соглашением от 2014 г., в Индии российские атомщики построят 12 ядерных блоков [11].

"Росатом" планирует широкомасштабную деятельность и в Египте. Уже полностью готов к подписанию контракт на постройку атомной станции "Аль-Дабаа". Он подразумевает строительство четырёх энергоблоков, которые планируется строить 12 лет. АЭС возведут на северном побережье Средиземного моря. У специалистов "Росатома" на руках уже есть список компаний, всего порядка двадцати, которые примут участие в реализации проекта. Приступить к строительству специалисты обеих сторон планируют уже в конце этого года [11].

В нынешнем году российские атомщики ожидают получения лицензии на строительство электростанции "Пакш" в Венгрии. Для оптимизма есть все основания: Еврокомиссия одобрила проект, а специалисты отечественной энергетической компании готовы к выполнению задания [7].

Значительные перспективы наметились и в сотрудничестве с Финляндией в рамках реализации договорённостей по строительству АЭС "Ханхикиви". В планах у финнов – строительство не только энергоблоков, но и хранилища ядерных отходов, которое должно быть готово примерно к 2090 г.

Ещё одна страна, заинтересованная в сотрудничестве с "Росатомом", – Бангладеш. В настоящее время проводятся переговоры по строительству АЭС "Рушпур" на побережье реки Ганг, которая к 2023 г. должна состоять из двух энергоблоков.

В соответствии с подписанными в июне 2018 г. контрактами с КНР, российская сторона будет проектировать так называемый "ядерный остров"

Тяньваньской АЭС, а также поставит ключевое оборудование для новых блоков АЭС "Сюйдапу". Пуск блока № 7 Тяньваньской АЭС запланирован на 2026 г., блока № 8 – на 2027 г. Пуск блоков № 3 и № 4 АЭС "Сюйдапу" запланирован на 2028 г. [7].

Продуктовая линейка "Росатома" насчитывает сегодня сотни видов продукции и услуг. Появились новые форматы предложений, с которыми "Росатом" выходит к зарубежным клиентам. В рамках развития международного бизнеса единичные сделки с зарубежными компаниями переросли в целую систему стратегических партнёрств с такими компаниями, как Areva, EdF, Alstom, Schneider Electric, Toshiba, Казатомпром и другими.

Госкорпорация заявила о себе в международных и национальных атомных ассоциациях, став консолидированным членом Всемирной ядерной ассоциации (WNA), членом Агентства по ядерной энергетике при ОЭСР (OECD NEA), участником многих национальных атомных ассоциаций. Западные профессионалы признали победы "Росатома". Сначала бушерский проект и строительство первого блока АЭС "Куданкулам" были названы проектами 2014 г. по версии влиятельного энергетического журнала США Power Engineering в номинации "Атомная энергетика". Затем старейший американский журнал по энергетике POWER назвал энергоблок БН-800 лучшей АЭС 2016 г. в мире. А нынешней осенью тот же POWER назвал энергоблок № 1 Нововоронежской АЭС-2 в числе трёх лучших атомных установок в мире [11].

Набирает обороты российская атомная энергетика в таких, казалось бы, далёких от отрасли направлениях, как медицина и даже сельское хозяйство. В частности, Россия представляет по-настоящему прорывной проект использования новейших технологий по водоочистке, который на перспективу может оказать неопределимую помощь странам, сталкивающимся с растущим числом заболеваний из-за употребления населением грязной воды.

Исходя из перспектив дальнейшего развития арктического региона, сейчас разрабатывается проект нового российского атомного ледокола, который будет называться "Лидер". Он станет самым мощным в мире. Ледовые возможности этого атомохода позволят обеспечить круглогодичную навигацию по Северному морскому пути (СМП). Также госкорпорация может стать инфраструктурным оператором Севморпути, соответствующий законопроект уже разработан [7].

У "Росатома" есть ставшие уже достаточно широко известными разработки в сфере IT-технологий. Основные цифровые технологические платформы созданы в федеральном ядерном центре в Сарове и под эгидой инженерингового дивизиона "Росатома" группы ASE. Теперь "Росатому" предстоит совместно с бизнесом и разработчиками сформировать планы развития и коммерциализации технологий "больших данных", квантовых технологий, новых производственных технологий, а также технологий виртуальной и дополненной реальности [7].

Такая статистика – свидетельство того, что компания "Росатом" по праву занимает одну из лидирующих позиций в сфере строительства и эксплуатации АЭС, а также в производстве топлива. Преимущества российской компании заключаются, прежде всего, в том, что только РФ на сегодняшний день обладает ядерными технологиями полного цикла. Они подразумевают строительство АЭС или производство тепловыделяющих элементов (ТВЭЛ), их обслуживание и последующие переработку или утилизацию. Поэтому все чаще зарубежные партнёры выбирают проекты "Росатома".

Вместе с тем, необходимо отметить, что несмотря на имидж "Росатома" как успешного высокотехнологичного игрока глобального уровня и астрономическую стоимость портфеля заказов, в настоящее время в сфере международного энергетического сотрудничества Россия сталкивается с рядом трудностей. Так, например, из-за политической нестабильности и появления экстремистских квазигосударств возникают риски в реализации российских атомных проектов в ближневосточном регионе. Не секрет, что АЭС в случае военных или террористических действий – объект уязвимый и развитие национальной ядерной программы могут позволить себе страны с сильной экономикой в условиях общей стабильности. По оценкам экспертов, даже при благоприятном сценарии российские ядерные проекты на Ближнем Востоке могут быть реализованы лишь на треть. А при негативном сценарии – лишь

на 10 %. Серьёзным конкурентом для России в данном регионе выступает Китай, активно предлагающий арабским странам свои ядерные технологии.

Помимо политических рисков Россия сталкивается с серьёзными экономическими вызовами. Например, проект строительства Россией АЭС "Аккую" в Турции строится по весьма необычной для атомной энергетики бизнес-схеме "строй – владей – эксплуатируй". Она предполагает, что почти все риски инвестиций РФ берет на себя. А обязательства Турции можно назвать весьма ограниченными. Вследствие введённых антироссийских экономических санкций по-прежнему остаётся неясным механизм финансирования строительства новых энергоблоков АЭС "Пакш" в Венгрии.

Весьма показательным примером может считаться отказ Вьетнама от реализации проекта с участием России по строительству АЭС "Ниньтхуан -1". Основной причиной такого решения явилось практически двукратное удорожание проекта за время его подготовки при одновременном падении цен на нефть и уголь, что привело к снижению спроса на атомную электроэнергию.

Ещё одним серьёзным препятствием для экспорта российских ядерных технологий за рубеж являются экологические риски. Проекты, в которых принимает участие "Росатом", не раз вызывали протесты общественности. Против строительства финской АЭС "Ханхикиви" выступали экологи и жители расположенных неподалёку районов Швеции. Масштабные акции протеста вызвало строительство АЭС "Куданкулам" в Индии, из-за них даже пришлось перенести ввод в эксплуатацию первого блока станции. Активное участие в акциях приняли местные рыбаки, опасавшиеся, что радиоактивные отходы негативно повлияют на рыболовство. Проект АЭС "Аккую" в Турции также столкнулся с протестами: критику местных экологов и активистов вызвали сейсмическая оценка строительства станции и недостаточная проработанность вопроса транспортировки радиоактивных отходов. А общественное мнение Вьетнама было взбудоражено последствиями катастрофы на АЭС "Фукусима" в Японии.

По экологическим соображениям суд ЮАР отклонил решение национального правительства о строительстве новых энергоблоков АЭС и потребовал обсудить ядерную программу страны в парламенте. Заодно суд признал незаконными и нарушающими Конституцию страны соглашение о сотрудничестве в сфере ядерной энергетики с Россией, США и Южной Кореей. Указанные примеры свидетельствуют о необходимости совершенствования российской энергетической стратегии в сфере ядерных технологий. Помимо решения сугубо политических и экономических задач "Росатом" должен уделять серьёзное внимание работе с национальными правительствами стран-заказчиков, которым предстоит убедить местное население, что можно безопасно строить АЭС на территориях, где землетрясения, тайфуны, лесные пожары и даже теракты отнюдь не редкость.

Несмотря на то, что проследить прямую зависимость между реализацией российских ядерных проектов за рубежом и ростом политической привлекательности России в мире вряд ли возможно, все же существуют косвенные причины считать, что российский мирный атом является эффективным инструментом "мягкой силы". Во-первых, большинство зарубежных проектов "Росатома" реализуются на практически безвозмездной для иностранных контрагентов основе, что само по себе является привлекательным. Речь идёт о фактическом спонсировании зарубежной энергетики за счёт российских налогоплательщиков на огромные суммы и в течение долгого срока. Сроки окупаемости этих инвестиций планомерно колеблются от 15 до 20 лет в среднем, то есть, уходят в 40-е годы текущего столетия. В большинстве случаев это будут государственные кредиты, поскольку зарубежные банки такие проекты практически не финансируют.

Во-вторых, бизнес-модель корпорации "Росатом" даёт России далеко выходящее за пределы энергетического сектора влияние. В Турции Россия работает с правительством над проектом особого ядерного регламента, который будет применяться к российским проектам. Глава Турции Реджеп Эрдоган выразил надежду, что совместные проекты России и Турции помогут снова выстроить "ось дружбы". В Венгрии отношения между правительством Виктора Орбана и Кремлём стали тёплыми с тех пор, как Москва решила профинансировать расширение АЭС, которая должна будет поставлять 40 %

электроэнергии страны. Российский контроль над основными источниками электроэнергии, а также присутствие российских технических специалистов и сотрудников служб безопасности на площадках АЭС даёт Москве рычаги влияния на безопасность страны и её внешнеполитические решения.

На сегодняшний день нигде в мире пока ещё не строят АЭС по схеме "строй – владей – эксплуатируй" с фиксированной стоимостью продажи электроэнергии в долларах, установленной на 25 лет вперёд. Кремлёвские субсидии позволяют "Росатому" перебивать конкурентов в цене на 20–50 %, а государственные займы стране-заказчику помогают им оплатить строительство. Это позволило России обеспечить 60 % мирового экспортного рынка АЭС.

В-третьих, Россия для продвижения своего ядерного присутствия за рубежом использует такие формы "мягкой силы", как финансирование молодежных соревнований в Африке или строительство исследовательского центра в Боливии. К примеру, ядерный экспорт США, в отличие от России, серьезно ограничен законодательством, неэффективным и сложным процессом экспортного контроля. Хотя поддержание принципов нераспространения ядерных технологий имеет решающее значение для обеспечения глобального мира, строгие условия этих соглашений и экспортный контроль делают американские технологии гораздо менее привлекательными, чем технологии из России. Вслед за Россией и Китай начал осваивать российскую методику. Китайское правительство рассматривает ядерную энергетику в качестве потенциально мощного компонента своей инициативы "Один пояс – один путь", которая направлена на экономическую и политическую интеграцию Китая с Европой, Африкой и остальной Азией через крупные инфраструктурные проекты.

Наконец, ключевой задачей для Госкорпорации "Росатом" является экспорт российского ядерного образования за рубеж. В настоящее время Россия готовит квалифицированные кадры для функционирования всей национальной атомной отрасли, начиная от обслуживающего технического персонала и заканчивая руководителями национальных регуляторов и правительственных ведомств. Программы обучения для иностранного персонала основаны на методиках и стандартах МАГАТЭ.

В зависимости от целей, которые ставят перед "Росатомом" иностранные заказчики, экспорт российского ядерного образования за рубеж может включать в себя различные формы подготовки кадров и специалистов для атомной отрасли. Это и реализация совместных образовательных программ с зарубежными вузами-партнерами, и выездные лекции российских преподавателей, и программы модульного обучения, в том числе, с применением дистанционных технологий.

На роль университетского образования как эффективного ресурса "мягкой силы" обращали внимание многие исследователи и, прежде всего, сам Джозеф Най. По его мнению, в эпоху глобализации и информатизации оно может помочь в формировании у своих и зарубежных студентов привлекательности того государства, в котором они получили образование [13, p. 58].

М.М. Лебедева и Ж. Фор отмечают, что именно в студенческие годы у юношей и девушек формируется система ценностей, которая оказывает влияние на их мировоззрение в дальнейшем. Поскольку образование играет важную роль в процессе формирования предпочтений, оно направлено на категорию людей, чьи ценностные ориентиры и взгляды на мир сформировались не полностью, и эффективность воздействия "мягкой силой" на них достаточно высока. Погружаясь в среду новой культуры вместе со своими сверстниками, иностранные студенты приобретают ценный социальный капитал [5, с. 203]. Вместе с тем следует отметить, что эффективность высшего образования как ресурса "мягкой силы" может быть оценена только в долгосрочной перспективе, так как процесс обучения, восприятия ценностей и культуры, а также распространения накопленного знания среди людей в другой стране требует длительного времени и терпения со стороны проводников "мягкой силы".

Во-вторых, престиж государства возрастает, когда оно выпускает профессиональные кадры, которые вносят вклад в международные научные и практические исследования. Так, Россия обладает притягательной силой в таких сферах, как теоретическая физика, информатика, математика и химия. В ходе одного из мероприятий Международного фестиваля и студентов, про-

шедшего в России, руководитель отдела управления зарубежными проектами Технической академии "Росатом" Владислав Смольский отметил: "Сегодня перед "Росатомом" стоит масштабная задача по подготовке нескольких тысяч высококлассных специалистов и руководителей для стран-реципиентов российских ядерных технологий. Отвечая на этот вызов, мы не просто реформируем отраслевую систему подготовки персонала, но и решаем стратегические задачи по развитию новых направлений и снижению себестоимости через оптимизацию процессов и тиражируемость разрабатываемых программ обучения" [7].

В-третьих, качественное высшее образование, быстрые темпы его развития и ориентация на потребности рынка труда являются залогом улучшения экономической и социальной ситуации в стране. Так, например, возможным решением может стать формирование собственных программ подготовки специалистов для атомной энергетики. Разработка учебных материалов для стран-партнёров по отечественным технологиям, развитие компетенций национального профессорско-преподавательского состава и внедрение новых программ в национальные вузы могут существенно сократить затраты наших партнёров. Таким образом, своим партнёрам Россия готова предложить наиболее подходящие решения для каждого конкретного случая, сохраняя при этом высочайшие стандарты качества образования.

Наконец, отдельные лица, проходившие обучение в чужой стране и впоследствии занимающие стратегически важные позиции на родине, склонны принимать лояльные решения по отношению к стране, в которой проходили обучение и провели там годы своей жизни. Ежегодно ГК "Росатом" предоставляет квоты на обучение иностранных студентов в ведущих российских университетах и прохождение последующей производственной практики на действующих объектах российской атомной отрасли. За последние несколько лет наблюдается положительная динамика роста количества иностранных студентов и специалистов, обучающихся по профильным направлениям подготовки. Так, в 2017–2018 учебном году по атомным специальностям в России обучается 1400 чел. из 40 стран мира [7]. Необходимо отметить, что одним из трендов последнего времени является практика частичного переноса образовательного процесса на территорию стран-партнёров.

Несомненным лидером среди российских вузов в сфере подготовки зарубежных кадров для атомных объектов является Национальный исследовательский ядерный университет "МИФИ". По оценкам экспертов, в 2017 г. НИЯУ МИФИ признан лидером программы конкурентоспособности российских университетов (5 top 100 Russian Academic Excellence Project). За время реализации Программы "5–100" число иностранных студентов Университета выросло в 5 раз (с 300 в 2012 г. до 1530 человек в 2018 г.), а их доля в общем контингенте – в 7 раз (с 3 до 20 %). В настоящее время география обучающихся представлена 57 странами мира. В марте 2018 г. в НИЯУ МИФИ состоялся первый выпуск 35 турецких специалистов-ядерщиков для АЭС "Аккую" [8].

Глобальным конкурентным преимуществом экспортно ориентированных программ НИЯУ МИФИ является создание уникальных площадок для прохождения производственных практик для иностранных студентов и стажировок иностранных специалистов – ресурсных центров на базе предприятий атомной отрасли в Волгодонске, Нововоронеже и Обнинске, в которых ежегодно могут проходить обучение более 1000 студентов [8].

В рамках реализации совместных программ с зарубежными вузами многократно возросла мобильность преподавателей: в 2017 г. преподаватели НИЯУ МИФИ посетили с лекциями более 20 стран мира, прогнозируемая география охвата к 2025 г. – 100 стран [8].

Вслед за экономической экспансией России на постсоветское пространство НИЯУ МИФИ активно развивает сотрудничество со странами СНГ. Так, учитывая подписанное недавно на правительственном уровне соглашение о начале строительства Новойской АЭС в Узбекистане, НИЯУ МИФИ разработана и предложена концепция по открытию своего филиала в Узбекистане, нацеленного на подготовку кадров для национальной ядерной отрасли. Совместно с Министерством образования Таджикистана реализуется перспективный проект "Лицей – СНГ", в котором принимают участие 11 школ Республики Таджикистан. Целью проекта является содействие повышению

качества подготовки учащихся по общеобразовательным предметам на русском языке. Успешно реализуются программы повышения квалификации для белорусских работников АЭС.

В условиях глобальной конкуренции крайне важной представляется работа по привлечению в университет талантливых абитуриентов. Так, например, с начала 2018 г. НИЯУ МИФИ принял участие в отборочных испытаниях на квоты ГК "Росатом" в ряде стран (Индия, Узбекистан, Армения, Боливия, Бангладеш). В шести странах (Беларусь, Армения, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Монголия) в 2018 г. были проведены предметные олимпиады по физике и математике. Общий охват участников превысил 3000 чел. [8].

Одним из уже устоявшихся трендов современного образования, способствующих развитию экспорта, является реализация он-лайн программ и курсов на английском языке, размещенных на платформах Coursera, EdX. В настоящее время общее количество зарегистрированных слушателей он-лайн курсов НИЯУ МИФИ составляет более 160 000 чел. из 153 стран мира [8].

Продолжается сотрудничество НИЯУ МИФИ по продвижению ядерного образования в рамках МАГАТЭ. Организована и успешно работает новая международная сеть ядерного образования (STAR-NET), регион Восточная Европа и Средняя Азия, направленная на продвижение стандартов ядерного образования, разработку новых курсов, модулей, учебных программ и материалов и виртуальных лабораторий для платформы CLP4NET.

Вышеприведенные примеры деятельности НИЯУ МИФИ дают основания полагать, что существующий задел в сфере интернационализации образования и науки позволит достигнуть стратегической цели университета – становление его в качестве ведущего научно-образовательного и инновационного центра России в мире.

Таким образом, Россия сегодня завоевывает прочные позиции на мировом энергетическом рынке. В орбиту сотрудничества с Россией в сфере ядерных технологий к настоящему времени вовлечено более 40 стран в различных регионах мира, большинство из которых – наши бывшие союзники со времен СССР. Помимо сугубо энергетических задач российский мирный атом вносит свой весомый вклад в решение современных глобальных вызовов человечества в сфере медицины, космоса, экологии. Основной задачей мирового сообщества является построение таких систем, которые, с одной стороны, гарантировали бы любой стране мира право на доступ к мирному использованию ядерной энергии, а с другой, обеспечивали гарантии безусловного соблюдения режима нераспространения.

Существенно повышает привлекательность России в мире и имеющийся богатый научно-образовательный потенциал российских технических вузов. Значительное количество иностранных выпускников этих университетов, составляющих государственные элиты других стран, формирует крайне важный ресурс благожелательного отношения к стране за рубежом.

Литература

1. Власти РФ взяли за работу над имиджевыми ошибками [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/politics/20120903/742043861.htm> (дата обращения: 22.06.2018).
2. Госкорпорация "Росатом": как за 10 лет появился мировой ядерный лидер [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/atomtec /20171201 /1509987133.html> (дата обращения: 22.06.2018).
3. Дьяченко А. Нужна ли миру атомная энергетика? [Электронный ресурс] URL: <https://www.sensusnovus.ru/ecology/2011/04/27/7247.html> (дата обращения: 22.06.2018).
4. Жизнин С.З. Энергетическая дипломатия России: экономика, политика, практика М.: Ист Брук, 2006, 640 с.
5. Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал "мягкой силы" России // Вестник МГИМО (У). 2009. № 4. С. 200–205.
6. Лекаренко О.Г. Мирный атом как инструмент "мягкой силы" сверхдержав в 1950-е гг. [Электронный ресурс] URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=4486> (дата обращения: 22.06.2018).
7. Официальный сайт Государственной корпорации по атомной энергии "Росатом" [Электронный ресурс] URL: <http://www.rosatom.ru> (дата обращения: 22.06.2018).

8. Официальный сайт Национального исследовательского ядерного университета "МИФИ" [Электронный ресурс] URL: <https://mephi.ru/> (дата обращения: 22.06.2018).
9. Послание Президента Федеральному Собранию РФ на 2014 год [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 05.03.2018).
10. Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения 22.06.2018).
11. Русский атом завоёвывает мир//Военное обозрение. [Электронный ресурс] URL: <https://topwar.ru/127841-russkiy-atom-zavoevyvaet-mir.html> (дата обращения: 22.06.2018).
12. Ginsburg G. Soviet Atomic Energy Agreements // International Organization. 1961. № 1. P. 53.
13. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power, Harvard University, 1990. 307 p.
14. Nye Joseph S. Think again: soft power // Foreign Policy (February 23, 2006).
15. Nye Joseph S. What China and Russia don't get about soft power // Foreign Policy (April 29, 2013).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Vlasti RF vzyalis' za rabotu nad imidzhevymi oshibkami [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/politics/20120903/742043861.htm> (дата обращения: 22.06.2018).
2. Goskorporatsiya "Rosatom": kak za 10 let poyavilsya mirovoj yadernyj lider [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/atomtec/20171201/1509987133.html> (дата обращения: 22.06.2018).
3. D'yachenko A. Nuzhna li miru atomnaya ehnergetika? [Электронный ресурс] URL: <https://www.sensusnovus.ru/ecology/2011/04/27/7247.html> (дата обращения: 22.06.2018).
4. ZHiznin S.Z. EHnergeticheskaya diplomatiya Rossii: ehkonomika, politika, praktika M.: Ist Bruk, 2006, 640 s.
5. Lebedeva M.M., For ZH. Vysshee obrazovanie kak potentsial "myagkoj sily" Rossii // Vestnik MGIMO (U). 2009. № 4. S. 200–205.
6. Lekarenko O.G. Mirnyj atom kak instrument "myagkoj sily" sverkhderzhav v 1950-e gg. [Электронный ресурс] URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=4486> (дата обращения: 22.06.2018).
7. Ofitsial'nyj sayt Gosudarstvennoj korporatsii po atomnoj ehnergii "Rosatom" [Электронный ресурс] URL: <http://www.rosatom.ru> (дата обращения: 22.06.2018).
8. Ofitsial'nyj sayt Natsional'nogo issledovatel'skogo yadernogo universiteta "MIFI" [Электронный ресурс] URL: <https://mephi.ru/> (дата обращения: 22.06.2018).
9. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu RF na 2014 god [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 05.03.2018).
10. Putin V.V. Rossiya i menyayushhij mir // Moskovskie novosti, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения 22.06.2018).
11. Russkij atom zavoyovyvaet mir//Voенное obozrenie. [Электронный ресурс] URL: <https://topwar.ru/127841-russkiy-atom-zavoevyvaet-mir.html> (дата обращения: 22.06.2018).
12. Ginsburg G. Soviet Atomic Energy Agreements // International Organization. 1961. № 1. P. 53.
13. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power, Harvard University, 1990. 307 p.
14. Nye Joseph S. Think again: soft power // Foreign Policy (February 23, 2006).
15. Nye Joseph S. What China and Russia don't get about soft power // Foreign Policy (April 29, 2013).

Бобыло А.М. Мирный атом как инструмент "мягкой силы" России за рубежом: миф или реальность?

Цель статьи состоит в исследовании роли ядерных технологий в качестве инструмента "мягкой силы" во внешней политике России за рубежом. В работе анализируются факторы и условия для наращивания образовательного, научно-технологического и культурного присутствия России в мире, недавние инициативы и решения российского правительства, а также основные результаты государственной политики в части развития международного энергетического сотрудничества в сфере ядерных технологий. Выявляются ключевые проблемы и оцениваются дальнейшие перспективы работы по данному направлению.

Ключевые слова: *мягкая сила, мирный атом, РФ, Росатом, внешняя политика, ядерные технологии*

Bobylo A.M. Peaceful atom as an instrument of Russia's "soft power" abroad: myth or reality?

The purpose of this paper is to investigate the role of nuclear technologies as an instrument of "soft power" in Russia's foreign policy. The paper analyzes the factors and conditions for increasing educational, scientific, technological and cultural presence of Russia in the world, the recent initiatives and decisions of Russian government, as well as the results of the state policy in terms of development of the energetic cooperation in the field of nuclear technologies. The key challenges and the prospects for further activity in this direction are identified.

Key words: *soft power, peaceful atom, Russian Federation, Rosatom, foreign policy, nuclear technologies*

Для цитирования: Бобыло А.М. Мирный атом как инструмент "мягкой силы" России за рубежом: миф или реальность? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 3. С. 27–37. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/27-37

For citation: Bobylo A.M. Peaceful atom as an instrument of Russia's "soft power" abroad: myth or reality? // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 3. P. 27–37. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/27-37

Российская колонизация: схемы и образы

Светлой памяти отечественных географов
Г.А. Аграната, С.С. Артоболевского, Г.А. Гольца,
М.П. Крылова, Л.В. Смирнягина, с которыми
мне посчастливилось общаться.

Предварительные замечания

Интерес к проблеме российской колонизации и её роли в истории страны за последние два-три десятилетия не потерял своей актуальности. Более того, введение в научный оборот новых источников существенно обогатило палитру исследований в этом направлении. В данной работе предпринята попытка рассмотреть феномен отечественной колонизации посредством концептуальных схем и соответствующих им образов, сформулированных как отдельными авторами, так и определёнными научными школами. Подобная оптика уже была частично апробирована автором на примере процесса *регионализации* [3]. Тем не менее, в связи со сменой объекта исследования есть необходимость заново воспроизвести характеристику ключевых понятий.

Начнём с понятия схемы. В повседневной лексике оно употребляется в смысле поверхностного описания или изложения в общих, главных чертах. Но есть и у него специальное терминологическое значение: условное графическое изображение составных частей объекта и связей между ними (монтажная схема, функциональная схема, принципиальная схема, транспортная схема и т.д.). Менее известно то, что у термина есть и своя философско-методологическая история, восходящая к Платону. У Платона схема приобретает значение универсального понятия, поскольку применяется не только к мифам или же к мусическому искусству, но и к политическому устройству и даже к законам. Впрочем, по-настоящему понятие схемы вводит в философию И. Кант. У Канта схемы – это своего рода посредники между категориями и эмпирическими явлениями. Их онтологический статус ниже, чем категорий и понятий, но они помогают синтезировать смыслы и представлять их как целостное явление – предмет познания [7, с. 220–224]. В последнее время схемы становятся предметом самостоятельного изучения. Им уделяют внимание системологи, методологи науки, представители когнитивной психологии [12].

Что же касается понятия *образа*, то здесь существует целый спектр трактовок различной предметной направленности. Академический словарь русского языка приводит семь значений термина: от характеристики внешнего вида объекта до способа его отражения в интеллектуальной или же художественной форме. Наряду с этим выдвигались версии уровневой классификации образов (в чём-то пересекающиеся с предметной). Так, Антонио Менегетти выделяет следующие уровни: чувственно-видимый, психологический, фантазия, метафизический [9, с. 37]. Метафизический уровень сближает образ со схемой. Остальные укладываются в классическую формулу: "от живого созерцания – к абстрактному мышлению...".

Однако здесь более уместно уйти от абстрактного теоретизирования и опереться на авторитетные примеры использования термина в близком кон-

© Ганопольский М.Г., 2018

ГАНОПОЛЬСКИЙ Михаил Григорьевич, д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН (г. Тюмень).
E-mail: gmichaelg@mail.ru

Работа выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг., протокол № 2 от 08.12.2017 г. Приоритетное направление XII.186.; Программа XII.186.4; проект № 0371-2018-0033.

тексте. Один из них связан с работами Д.Н. Замятина и его коллег [6; 18] по проблематике географических образов. Другим авторитетным примером стали социокультурные портреты регионов России, представленные в одноимённом исследовательском проекте [1; 10].

Понятно, что при схематично-образном подходе к феномену колонизации трудно задать какую-либо строгую последовательность рассмотрения выдвинутых позиций, поэтому целесообразно именовать их по фамилии автора или же по названию научных направлений.

Схема Головнёва

Одну из концептуальных схем, претендующих на предельно обобщённое видение явления колонизации, выдвинул отечественный антрополог А.В. Головнёв [5]. Сделано это в русле авторской концепции *антропологии движения* [4]. Примечательно, что ещё тогда автор избрал в качестве ключевых методологических моментов мотивационно-деятельностные *схемы* и историко-антропологические *сценарии* [4 с. 14–23]. Однако при изучении колонизации он, если и использует их, то лишь в неявном виде. Видимо, это неслучайно. Раскрывая феномен колонизации предельно широко как "пространственное движение живой материи", как "механизм распространения жизни в природе и культур в ойкумене" [5, с. 13], автор, по сути дела, выходит за рамки антропологического подхода и погружает проблему в биологический контекст. Он откровенно заявляет, что сложности антропологического исследования колонизации вызваны тем, что её истоки выходят за пределы истории человеческого рода. Запечатлённый в колонизации механизм движения достался человеку от природы. Таким образом, в соответствии с авторской логикой: "Не человек породил колонизацию, а колонизация – человека" [5, с. 14]. Уже здесь намечены опорные (а в чём-то и спорные) моменты концептуальной схемы, которые затем раскрываются в иерархии частей, глав и параграфов. Их можно рассматривать как своего рода информационный каталог изучения мирового колонизационного процесса.

Монография (а тем самым, и схема как структура текста) состоит из трёх частей. Первая – это своего рода экскурс в антропологические истоки колонизации, сопряжённый с общетеоретическими и общеисторическими схемами её интерпретации. Вторая и третья части посвящены двум основным стадиям (сценариям) отечественной колонизации: а) магистралям Руси и б) приращению России. Далее идёт разделение на главы, а глав – на параграфы. Их названия настолько ёмкие, что эта привычная иерархическая (древовидная, с ветвлением сверху вниз) схема рубрикации в данном случае может быть дополнена инверсивной *образной* формой: дерево, корни которого – это антропологические истоки проблемы, ствол – это история колонизации, а крона – её национальные версии.

На наш взгляд, подобное инверсивное сопоставление схемы с образом способно дать наглядное представление о взаимосвязи обширного исторического материала с концепцией антропологического видения проблемы. Кроме того, оно обладает определённым эвристическим потенциалом, поскольку намечает точки роста новых перспективных направлений научного поиска. Наконец, это позволяет говорить об оригинальной образно-концептуальной схеме, в которой отечественная колонизация органично вписана в контекст мировой.

Схема Цимбаева

Следующая по степени обобщения схема отечественной колонизации принадлежит отечественному историку Н.И. Цимбаеву. Первоначальный конспект этой схемы он привёл в монографии, посвящённой Сергею Соловьёву, которая вышла из печати ещё до распада СССР [21, с. 259–267]. А в 1997 г. опубликовал статью, в которой история России представлена "как история страны, которая колонизируется, и история государства, которое стремится подчинить себе этот изначально стихийный процесс" [19, с. 19–42]. Ещё через десять лет автор использовал её почти без изменений в качестве вводной главы монографии с символическим названием "Историософия на развалинах империи" [19].

Суть схемы, предложенной Цимбаевым для раскрытия исходного тезиса, выражена в известной формуле В.О. Ключевского: "История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной её территорией" [8, с. 31]. Но, как известно, Ключевский не первый, кто сформулировал свой взгляд на отечественную историю подобным образом. Его предшественником был С.М. Соловьёв, утверждавший: "В русской истории мы замечаем то главное явление, что государство при расширении своих владений занимает обширные пустые пространства и населяет их, государственная область расширяется преимущественно посредством колонизации" [13, с. 28]. Но и С.М. Соловьёв не был первооткрывателем такого взгляда, поскольку развил мысль своего учителя М.П. Погодина о "бродяжничестве" населения Древней Руси [19].

Однако дальнейшей реконструкции этой схемы автор не предпринимает. А ведь её можно обнаружить в размышлениях П.Я. Чаадаева, утверждавшего, что "есть один факт, который властно господствует над всем нашим историческим движением, который красной нитью проходит через всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю её философию... это – факт географический" [22, с. 161]. Впрочем, истоки такого видения проявились намного раньше, поскольку ещё до того, как стать достоянием общественной мысли, отразились в фольклоре и прочно закрепились в языке. Так, русский историк XIX в. А.П. Щапов обращал внимание на обилие в русском языке антропоморфных слов, связанных с духовно-практическим опытом народа. Одним из самых показательных он считал слово *вселенная*, из которого, как ни смотри, выглядывают "уши" русского мужика, занятого привычным делом – вселением в новый дом [23, с. 74]. Вселенная для него – не какой-то там абстрактный *космос*, даже не *ойкумена* (хотя *вселенная* считается калькой этого слова), но *мир* (община), *дом*, куда предстоит *вселиться* всем *миром*.

Может быть, в такой привычности и проявляется некий инвариант культурной динамики – экстенсивное стремление к вселению. Особого внимания в связи с этим заслуживает жанр русского утопического романа в форме путешествия с плавным переходом от земных реалий к космическим. Близкие мотивы прослеживаются в произведениях русских мыслителей-космистов. Так, Н.Ф. Фёдоров в своем космическом проекте преобразования мира на началах общего дела говорит об этом достаточно определённо: "Ширь русской земли способствует образованию подобных характеров (Фёдоров имеет в виду богатей, землепроходцев, казачество и т.д.); наш простор служит переходом к простору небесного пространства, этого нового поприща для великого подвига" [15, с. 358]. Таким образом, тезис о географичности, об истории как смене мест, предстаёт как своеобразная синтагма отечественной культуры, проявляющаяся в парадигмах крупных колонизаций-освоений (в этом смысле – и в освоении космического пространства).

Однако автор строит свою схему в другом направлении. Понимание истории России как её географии побуждает его сосредоточиться на исключительности этой истории. "Для народов Западной Европы природа была мать, для Восточной, для народов, которым суждено было здесь действовать, – матека, ибо они изначально были поставлены в невыгодные условия" [19, с. 11]. Данная формула, многократно оспоренная и методологически, и идеологически, имеет в данном случае совсем другое смысловое содержание. По сути дела, она символизирует переход от универсальности схемы – к уникальности образа. При этом в одних случаях концептуальные схемы погружаются в образный контекст. Это, прежде всего, ёмкие и точные портреты реальных исторических лиц. Здесь Алексей Хомяков и Фёдор Тютчев, казалось бы, близкие друг другу мыслители, предлагающие оригинальные, но резко отличающиеся друг от друга историософские схемы. Здесь и деятели славянофильского движения: Александр Кошелев, Юрий Самарин, Иван Аксаков. Здесь и полемизирующие о роли интеллигенции Михаил Гершензон и Григорий Ландау. Затем географию мысли. сменяет география веры – речь идёт о Русской Православной церкви в годы испытаний (1900–1941).

Заключительный раздел монографии несёт особую нагрузку. Это своего рода *авторская подстановка в текст*, когда исследователь переосмысливает произведение искусства, биографический или же теоретический материал с позиций личного жизненного опыта и индивидуальных предпочтений.

Здесь представлены Алексей Константинович Толстой, которого можно считать зачинателем иронической историософии, и его современник Евгений Петрович Карнович – подвизник народного образования и энтузиаст юридического просвещения. Затем портретную галерею реальных исторических лиц контекстно дополняют персонажи художественных произведений советского периода: фильма "На семи ветрах" и прозы Вячеслава Кондратьева. Их в какой-то мере можно считать образной основой историософской схемы настоящего и ближайшего будущего.

Сибирский фронтир

Это ещё одна образно-концептуальная схема, которая не только продолжает привлекать внимание исследователей, но и время от времени становится предметом научной полемики [2]. Обращение отечественных авторов, в первую очередь, сибирских историков, к сопоставлению американского фронтира и колонизации Сибири [11; 17] началось задолго до перевода книги Тёрнера на русский язык [14]. Оно оказалось довольно продуктивным. Хотя, возможно, первоначальным импульсом стало само слово фронтир, не отягощённое (в явном виде) такими негативными ассоциациями и коннотациями, как слова колонизация и колониализм. Между тем, различие между российской колонизацией и американским фронтиром весьма существенное – как формальное, так и содержательное.

Фронтир – это линия фронта, противостояния. Но чтобы смягчить прямой перевод, предпочитают другие варианты: порубежье, граница между освоенными и неосвоенными землями, подвижная граница и т.п.

Под воздействием книги Тёрнера в США постепенно создавалась легенда об истинно американском духе – Духе Фронтира, о людях Фронтира – мужественных, честных, простых и работающих. О тех, кто всегда был вооружён, поскольку должен дать отпор каждому, кто посягал на его жилище, на жизнь его близких.

Между тем, неявным синонимом фронтира является геноцид – не особо артикулируемое в литературе, замалчиваемое в легенде, но реальное уничтожение не только сокровищ индейской цивилизации, но и самих краснокожих "варваров", в том числе женщин и детей. Поэтому чем дальше отходило американское общество от романтического Духа Фронтира, тем больше он превращался в идеологему, впечатывался в сознание американцев в качестве национального символа.

Современные же сибирские историки, взяв этот термин на вооружение, явно или неявно заняты поисками содержательной типологии сибирского фронтира, словно не замечая, что отличие российской колонизации от американского фронтира не столько типологическое, сколько топологическое. Освоение Сибири было не фронтирным, а маршрутным [16]. Первые водно-сухопутные пути (волоки) через Уральские горы, бравшие своё начало в бассейнах рек Северной Двины и Печоры, в летописных источниках упоминаются с XI в. Основное назначение подобных маршрутов сводилось к осуществлению торговли жителями Великого Новгорода, а позднее Москвы с Югрой – хантскими и мансийскими землями, расположенными к востоку от Урала в нижнем течении Оби. Несмотря на то, что к середине XV в. коренными жителями этих территорий формально была признана власть царя Ивана III, на протяжении долгого времени подобные маршруты предназначались лишь для ведения торговли и обложения данью местных народов, по сути дела, не преследуя задач колонизации.

Поэтому первым линейным маршрутом целенаправленного освоения территории Сибири русскими можно считать Бабиновскую дорогу, построенную вскоре после похода дружины Ермака. В этот период наличие надёжных сухопутных путей стало одним из необходимых условий для закрепления за Русью сибирских земель. Признанный к тому времени официальным Вишеро-Лозьвинский волок оказался не в состоянии справиться со всё возрастающим потоком людей и грузов. Начинаясь в центре Перми Великой Чердыни, он проходил по реке Вишере и её притоку Велсу. Затем путники вынуждены были оставлять свои суда, пешим или конным ходом преодолевая Уральские горы. Следующий водный участок пути шёл по реке Лозьве. Он достигал Лозьвинского городка, выполнявшего в ту пору роль своеобразного перева-

лочного пункта, далее направляясь вглубь Сибири по рекам Тавде, Туре, Тоболу, Иртышу и Оби...

К сожалению, и в настоящее время маршрутная схема в принципиальном отношении почти не изменилась. Транссибирская железнодорожная магистраль и по сей день остаётся единственным сквозным маршрутом, соединяющим столицу с восточносибирскими и дальневосточными регионами.

В работах сибирских историков об этом отчасти сказано при сравнении схем заселения Сибири и Северной Америки [17, с. 36–49]. Но основное внимание уделено сопоставлению образов сибирских и североамериканских городов. Здесь уж точно схематизм и образность тесно переплетены. Приведены художественно-публицистические портреты людей на фронтире. Здесь и типологические зарисовки представителей различных слоёв гражданского общества, и характеристики отдельных губернаторов, военачальников, духовенства и т.д. [17, с. 63–86]. Образному видению способствует и то, что историко-географическая схема поиска природных ресурсов переплетена с нравственно-психологической атмосферой золотой лихорадки. Радикальный протестантизм и русский раскол сопоставлены в контексте реформационных процессов и при этом помещены в пространственно-временную схему эпохи великих переселений [17, с. 50–62].

Схема Эткинда

Концепцию российской колонизации, предложенную Александром Эткиндо [24], не сразу удаётся интерпретировать как схему – поначалу она образна. Автор начинает с описания того, чем был удивлён Вальтер Бенямин, побывавший в Москве в 1927 г. Здесь и то, что Россия не знает романтического образа Востока, и его беседы с московскими интеллектуалами о неспособности крестьянской массы воспринимать киноискусство, поскольку при просмотре кинофильмов крестьянин не может следить за параллельным развитием двух линий повествования. Вслед за этим следует вывод о том, что колонизация посредством кино дала осечку.

Эти и другие образные эпизоды из жизни довоенной России можно рассматривать как своего рода подготовку к ключевому авторскому вопросу: "Итак, что же такое внутренняя колонизация – метафора или механизм?" [24, с. 16]. А затем к ответу на него, проясняющему авторскую позицию, а в какой-то степени и авторскую схему: "Как метафора, раскрывающая механизм, внутренняя колонизация – старинный и хорошо проверенный инструмент познания" [24, с. 17]. Ещё через несколько страниц он частично обнажает свою схему, характеризуя её структуру в двух измерениях: тематическом и хронологическом. [24, с. 21].

Артикулированная автором последовательность текста – ещё одно измерение схемы. Первые две главы – это неявный диалог с концепцией "Ориентализма" Эдварда Саида по поводу контекста холодной войны. Затем автор включается в сферу дискуссий о происхождении российской монархии и версий о природе внутренней колонизации. Четвёртая глава посвящена парадигме самоколонизации и её отражению в трудах по российской историографии XIX в. В последующих главах анализируются экономические (торговля пушниной) и институциональные (сословие, община, органы власти) факторы внутренней колонизации.

Двигаясь от истории к литературе и обратно, Эткиндо, не только начинает обрисовку схемы с образов, но и органично их в неё включает. Это прежде всего его интерпретации критических текстов об имперском опыте, авторами которых были как отечественные (Толстой, Гоголь, Бахтин), так и зарубежные (Дефо, Конрад) авторы. И даже Кант, который, как известно, одно время был российским подданным.

Схема Эткиндо отчасти пересекается со схемой Цимбаева. Это неудивительно, поскольку речь идёт об одном объекте. Интересно другое, они удачно дополняют друг друга, практически нигде друг другу не противоречат. Впрочем, это можно сказать обо всех рассмотренных концепциях.

Подводя итог предпринятого рассмотрения, следует отметить, что список концепций отечественной колонизации, проанализированных с целью выявления характерных концептуальных схем и соответствующих им образов, не является полным, и вряд ли такого рода задача вообще выполнима.

Поэтому, во-первых, рассмотрены работы, опубликованные уже в XXI в., но тем не менее опирающиеся на классическое наследие прошлых столетий, во-вторых, те из них, которые встретили отклик в среде научного сообщества, и в-третьих, те, что с точки зрения автора наиболее репрезентативно отражают заявленную тему.

Литература

1. Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. Коллективный научный труд. Сост. и отв. ред. чл.-корр. РАН Н.И. Лапин. Редколлегия: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева, Н.А. Касавина. М., Весь мир, 2016. 345 с.
2. Бостан К.А., Кузнецов А.М. Идея "фронттира": выгодное приобретение или опасный "фантом"? // Ойкумена: Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 73–84.
3. Ганопольский М.Г. Структура расселения региона: опыт социокультурного прочтения // Ойкумена: Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 73–84.
4. Головнёв А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; "Волот", 2009. 496 с.
5. Головнёв А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. 592 с.
6. Замятин Д.Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.
7. Кант. Критика чистого разума. Собр. соч. в 6-ти т. Т. 3. М., 1964. 779 с.
8. Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. 1. М. 1956. 427 с.
9. Негетти А. Мир образов. СПб.: "Онтопсихология", 2008. 256 с.
10. Проблемы социокультурной модернизации регионов России. Сост., отв. ред. Н.И.Лапин, Л.А.Беляева. М., Academia, 2013. 415 с.
11. Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, Издательство ИДМИ. 2001. 113 с.
12. Розин В.М. Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании. М.: Либроком. 2011. 256 с.
13. Соловьёв С.М. Избранные труды. М., 1983. 440 с.
14. Тёрнер Фредерик Дж. Фронтир в американской истории. М.: Весь Мир, 2009. 304 с.
15. Фёдоров Н.Ф. Соч. М., 1982. 709 с.
16. Фёдоров Р.Ю., Ганопольский М.Г., Освоение Урала и Сибири как социокультурный процесс. Структура, коммуникации, ценности // LAP LAMBERT Academic Publishing Saarbrücken, 2011. 133 с.
17. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 12–20 вв.: общее и особенное. Новосибирск: РИПЭЛ плюс., 2002. Вып. 2. 96 с.
18. Хрестоматия по географии России. Образ страны: Пространства России / Авт.-сост. Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин; предисл. Л.В. Смирнягина; послесл. В.А. Подороги. М.: МИРОС, 1994. 156 с.
19. Цимбаев Н.И. До горизонта – земля! (К пониманию истории России) // Вопросы философии. 1997, № 1. С. 19–42.
20. Цимбаев Н.И. Историософия на развалинах империи. М.: Издательский дом Международного университета. 2007. 616 с.
21. Цимбаев Н.И. Сергей Соловьёв. М., 1990.
22. Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего // Сочинения. М., 1989. 656 с.
23. Щапов А.П. Соч. СПб. Т.1. 1906. 803 с.
24. Эткин А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России/ 2-е изд. М.: НЛЮ, 2014. 448 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Atlas modernizatsii Rossii i eyo regionov: sotsioekonomicheskie i sotsiokul'turnye tendentsii i problemy. Kollektivnyj nauchnyj trud. Sost. i отв. red. chl.-korr. RAN N.I. Lapin. Redkollegiya: N.I. Lapin, L.A. Belyaeva, N.A. Kasavina. M., Ves' mir, 2016. 345 s.
2. Bostan K.A., Kuznetsov A.M. Ideya "frontira": vygodnoe priobretenie ili opasnyj "fantom"? // Ojkumena: Regionovedcheskie issledovaniya. 2018. № 1. S. 73–84.
3. Ganopol'skij M.G. Struktura rasseleniya regiona: opyt sotsiokul'turnogo prochteniya // Ojkumena: Regionovedcheskie issledovaniya. 2018. № 1. S. 73–84.
4. Golovnyov A.V. Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoj Evrazii). Ekaterinburg: UrO RAN; "Volot", 2009. 496 s.
5. Golovnyov A.V. Fenomen kolonizatsii. Ekaterinburg: UrO RAN, 2015. 592 s.

6. Zamyatin D.N. Modelirovanie geograficheskikh obrazov: Prostranstvo gumanitarnoj geografii. Smolensk: Ojkumena, 1999. 256 s.
7. Kant. Kritika chistogo razuma. Sobr. soch. v 6-ti t. T. 3. M., 1964. 779 s.
8. Klyuchevskij V.O. Kurs russoj istorii. T. 1. M. 1956. 427 s.
9. Menegetti A. Mir obrazov. SPB.: "Ontopsikhologiya", 2008. 256 s.
10. Problemy sotsiokul'turnoj modernizatsii regionov Rossii. Sost., otv. red. N.I.Lapin, L.A.Belyaeva. M., Academia, 2013. 415 s.
11. Rezun D.YA., Lamin V.A., Mamsik T.S., SHilovskij M.V. Frontir v istorii Sibiri i Severnoj Ameriki v XVII–XX vv.: obshhee i osobennoe. Novosibirsk, Izdatel'stvo IDMI. 2001. 113 s.
12. Rozin V.M. Vvedenie v skhemologiyu: skhemy v filosofii, kul'ture, nauke, proektirovanii. M.: Librokom. 2011. 256 s.
13. Solov'yov S.M. Izbrannye trudy. M., 1983. 440 s.
14. Tyorner Frederik Dzh. Frontir v amerikanskoj istorii. M.: Ves' Mir, 2009. 304 s.
15. Fyodorov N.F. Soch. M., 1982. 709 s.
16. Fyodorov R.YU., Ganopol'skij M.G., Osvoenie Urala i Sibiri kak sotsiokul'turnyj protsess. Struktura, kommunikatsii, tsnnosti // LAP LAMBERT Academic Publishing Saarbrucken, 2011. 133 s.
17. Frontir v istorii Sibiri i Severnoj Ameriki v 12–20 vv.: obshhee i osobennoe. Novosibirsk: RIPEHL plus., 2002. Vyp. 2. 96 s.
18. KHrestomatiya po geografii Rossii. Obraz strany: Prostranstva Rossii / Avt.-sost. D.N. Zamyatin, A.N. Zamyatin; predisl. L.V. Smirnyagina; poslesl. V.A. Podorogi. M.: MIROS, 1994. 156 s.
19. TSimbaev N.I. Do gorizonta – zemlya! (K ponimaniyu istorii Rossii) // Voprosy filosofii. 1997, № 1. S. 19–42.
20. TSimbaev N.I. Istoriософия на развалинах империи. M.: Izdatel'skij dom Mezhdunarodnogo universiteta. 2007. 616 s.
21. TSimbaev N.I. Sergej Solov'yov. M., 1990.
22. CHaadaev P.YA. Apologiya sumasshedshego // Sochineniya. M., 1989. 656 s.
23. SHHapov A.P. Soch. SPb. T.1. 1906. 803 s.
24. EHtkind A.M. Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskij opyt Rossii/ 2-e izd. M.: NLO, 2014. 448 s.

Ганопольский М.Г. Российская колонизация: схемы и образы

Статья представляет собой попытку рассмотрения феномена российской колонизации не столько в исторической последовательности, сколько концептуально. Сделано это на основе современного прочтения ключевых понятий – схемы и образа. Объектом анализа являются авторитетные теоретические позиции и актуальные эмпирические источники в области изучения отечественной колонизации, введённые в научный оборот как отдельными представителями различных областей социально-гуманитарного и естественнонаучного знания, так и комплексными научно-исследовательскими коллективами.

Ключевые слова: *колонизация, фронтир, схема, образ, социокультурный портрет, антропология движения*

Ganopolsky M.G. Russian colonization: schemes and images

The article is an attempt of author to consider the phenomenon of Russian colonization not so much in historical sequence as conceptually. It is done on the basis of a modern perusal of key concepts such as a scheme and an image. The object of analysis consists of authoritative theoretical positions and actual empirical sources in the field of studying Russian colonization. Those were introduced by individual researchers (members of various fields of social and humanitarian knowledge and science) and complex research teams into scientific circulation.

Key words: *colonization, frontier, scheme, image, socio-cultural portrait, anthropology of movement*

Для цитирования: Ганопольский М.Г. Российская колонизация: схемы и образы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 3. С. 38–44. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/38-44

For citation: Ganopolsky M.G. Russian colonization: schemes and images // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 3. P. 38–44. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/38-44

"Епархиальные ведомости" – недооцененный источник

В последние годы в протестантских общинах наблюдается тенденция, связанная с возросшим интересом верующих к истории возникновения и развития местных протестантских общин. Христиане, посещающие общины, возникшие в 1990-е годы, обычно помнят недолгую историю своих общин. Одним из основных носителей информации в общинах, способных рассказать о советском послевоенном периоде жизни протестантов, являются верующие, находящиеся в преклонном возрасте. Часто их воспоминания составляют детские впечатления, которые человеческая память сохранила до настоящего времени. Если история возникновения общины начинается в начале XX в. или ранее, то естественно, в таких случаях приходится обращаться к другим источникам, несущим информацию о верующих протестантского исповедания.

Особенностью протестантских верующих в России является устное распространение истин Священного Писания. Ведение летописей общин, дневников и других письменных документов, описывающих события, происходящие в религиозном мире, не являлось характерной чертой протестантов. Следствием этого стало крайне незначительное число письменных источников, принадлежащих протестантам, особенно содержащих информацию о начальном периоде возникновения и распространения протестантских идей в том или ином регионе России. Отношение протестантов к источникам, авторами которых являются верующие православного исповедания, нередко настроенное, а иногда и неоправданно враждебное.

Возникновение и распространение протестантизма происходило не одинаково в разных регионах огромной России. В некоторых губерниях протестанты были представлены небольшим количеством, измеряемым несколькими десятками человек. Их основной целью было выживание во враждебно настроенном окружении и передача своих убеждений следующему поколению. Задач, связанных с ведением летописей, повествующих о жизни протестантских общин, в период их возникновения, не ставилось. Естественным следствием такой ситуации становится почти полное отсутствие информации о протестантах в период их появления в таком регионе.

Неоценимую помощь для исследователя или для христианина не равнодушного к истории своей общины может оказать обращение к периодическому изданию, издававшемуся РПЦ и носящему название "Епархиальные ведомости". Издание представляло собой "местные офиц. церковные периодические издания (журналы), выходившие в 63 епархиях Российской Православной Церкви в 1860–1922 гг." [5].

Рассмотрим Тульский регион в качестве примера, в котором "Тульские епархиальные ведомости. Тула 1862–1918" [10] предоставляют сведения о сектантах различных деноминаций в Тульской губернии в период их появления на Тульской земле. В Тульской губернии журнал выходил с 1862 по 1918 гг. два раза в месяц, а с 1905 по 1917 четыре раза в месяц и информировал о положении дел в РПЦ в Тульском регионе.

К началу XVIII в. по национальному составу население России состояло на 70 % из русских людей [1]. "В этническом отношении ...Тульская губерния была, как говорилось, "сплошь великорусской", поскольку русские составляли 99,54 % всего населения (1 412 946 чел.)... По вероисповеданиям 99,85 % составляли православные, далее шли старообрядцы – 0,07 %." [4]. Быть русским по национальности означало исповедовать христианство в рамках

Российской Православной Церкви. Приведенная статистика наглядно демонстрирует это утверждение. Естественным следствием исторически сложившейся религиозной ситуации в таком регионе является заинтересованность Православной Церкви следить за духовным состоянием своей паствы, а в случаях появления сектантов посредством систематически выходящих "Епархиальных ведомостей" информировать об этом священнослужителей своей и других епархий.

Сведения из миссионерских отчетов, являвшихся частью издания, представляют особый интерес и могут использоваться как достоверный материал при проведении исследования истории появления протестантских общин. Сектанты являлись объектом миссионерской деятельности православных епархиальных миссионеров, и проанализированную информацию о проделанной работе оформляли в форме миссионерских отчетов. Эти отчеты периодически печатались в "Епархиальных ведомостях".

Несколько приведенных примеров из "Епархиальных ведомостей" демонстрируют разные аспекты протестантизма в Тульской губернии начала XX в. Так, в "Тульских епархиальных ведомостях" от 1908 г. была опубликована статья Д. Скворцова, в которой он пишет: "...До меня дошли довольно тревожные вести об особом развитии и усилении там секты, потому что последователи пашковщины с 1905 г. "очень подняли голову и преусердно начали пропаганду среди православных". Поэтому, по долгу миссионера, я решил немедленно съездить в это село для возможного миссионерского воздействия" [9, с. 386–387]. Этот пример показывает, как повлиял выход указа "Об укреплении начал веротерпимости" [3] 1905 г. на активизацию деятельности протестантских деноминаций.

Другой пример позволяет увидеть стремление простого народа к знанию духовных истин Священного Писания, которые проповедовали в данном случае штундисты. Миссионер описывает события, происходившие в селе Хрущев, следующим словами: "Когда двери были открыты для меня, то народ бросился в дом Быкова, и он с трудом успел снова запереть их; однако успело набраться народу полная изба. Упоминаю об этих подробностях для того, чтобы показать, насколько Хрущевские обитатели заинтересованы "новым учителем", и поэтому, – как необходимо самое внимательное отношение к проявившемуся там движению" [6, с. 152].

Еще один пример показывает социальный состав населения, присутствовавшего на публичных беседах, на которых дискутировали представители протестантов и Православной Церкви: "Тут была и интеллигенция (несколько лиц, прибывших с дач и из соседних сел), и служащие на заводе Хомякова и, наконец, крестьяне, коих все-таки было большинство" [8, с. 315].

Приведены только три примера, но и они наглядно демонстрируют, что исследователь, который готов выйти за рамки конфессиональных ограничений в поисках источников, найдет сведения, которые могут изменить его представление об исторической реальности.

В защиту достоверности информации, представленной в издании, выпускаемом Православной Церковью, могут служить следующие аргументы. Во-первых, целью издания было информирование о переписке с императорским домом и руководством государства, о распоряжениях и мероприятиях епархиального начальства, о новостях в сфере образования и финансовых отчетах. В ведомостях печатались церковные календари и духовные статьи, разъяснялись тексты Священного Писания и предоставлялись сведения о миссионерской деятельности с выявлением случаев активизации сектантов. Представляется маловероятным, чтобы такое серьезное издание печатало намеренно недостоверную информацию об этой категории верующих на протяжении нескольких десятков лет.

Во-вторых, РПЦ гораздо в большей степени волновало влияние на православных верующих раскольников, а не сектантов. Это объяснялось значительно превосходящим числом раскольников в Тульской губернии по сравнению с сектантами. Сектантов было просто распознать по открытому вероисповеданию своих убеждений, отличавшемуся от православного. Раскольники часто формально соблюдали внешние ритуальные требования, предъявляемые РПЦ, и ничем не отличались от православных верующих. Истинные свои убеждения они исповедовали в узком кругу единомыслителей. Поэтому в мис-

сионерских отчетах больше внимания уделяется старообрядцам различных толков: поморский, австрийский, нетовцы, а также таким течениям, как хлысты, скопцы. О верующих, которых относили к секте пашковцев, евангельских христиан, баптистов, штундистов, информация встречается гораздо реже, и занимает меньше места в подаваемых отчетах. Этот факт является подтверждением малочисленности сектантов, а не намеренно заниженного их количества. В данном случае о сектантах упоминается скорее как о факте их присутствия на территории Тульской губернии, а не их возможном влиянии на православных верующих, что также подтверждает беспристрастное отношение издательства к протестантам.

В-третьих, необходимо помнить, что служители миссионерского отдела, сотрудники издания являлись православными верующими, исповедующими нравственные принципы христианского учения. В частности, заповедь, призывающая не лжесвидетельствовать, дает основание полагать, что предоставляемая в издании информация достоверно освещает предлагаемые события и факты.

Наибольший вклад в работу миссионерского отдела РПЦ Тульской епархии внесли миссионеры Г.И. Панов, Д.И. Скворцов. Результаты своего труда они описывали в статьях, отчетах, письмах, наблюдениях, дошедших до нашего времени и позволивших увидеть возникновение и распространение протестантских идей в Тульской губернии. Г.И. Панов – богослов, историк, миссионер – осуществлял миссионерскую деятельность в Тульской губернии на протяжении 30 лет до 1896 г. Им опубликовано много работ о расколосектантстве в Тульском регионе. Основной акцент в миссионерской деятельности Панов делал на противостояние раскольникам, так как они составляли подавляющее большинство по сравнению с сектантами протестантского направления. Его статьи о сектантах, которые читали жители Тульской губернии, носили больше информационный, профилактический характер.

"Начиная с 4 октября 1900 г. и до 1917 г., должность епархиального миссионера исполнял преподаватель духовной семинарии Д.И. Скворцов. Его миссионерская деятельность заключалась в сборе подробных сведений о расколосектантстве в епархии, в проведении публичных и частных бесед в Туле и уездах, зараженных расколом, в выполнении некоторых поручений епархиального начальства, касательно расколосектантства" [2]. На период работы Д.И. Скворцова в должности епархиального миссионера приходилось начало оживления деятельности пашковцев в Тульской губернии, а также появления штундистов, баптистов, евангельских христиан. Поэтому миссионерская деятельность Д.И. Скворцова представляет большой интерес, чем работа других миссионеров в предыдущий период.

За 16 лет миссионерской деятельности Скворцов совершил неоднократные поездки по всей Тульской губернии, выявив уезды, в которых раскольники и сектанты проявляли активность. Скворцов имел научную степень магистра богословия, что соответствует современному уровню кандидата наук и свидетельствует о высоком качестве и профессионализме его работы. Он использовал знания в проведении публичных бесед и достигал поставленных целей по ограничению распространения сектантских учений. Его ревностное отношение к выполнению своих обязанностей приводило к сдерживанию православных верующих, намеревающихся присоединиться к сектантству или расколу. Его публичные беседы вызвали искреннюю заинтересованность духовными вопросами слушающих, и как результат – оказание ими предпочтения православной позиции в вопросе веры. Выражение участниками бесед неподдельной благодарности он считал лучшей наградой для миссионера. Составленные им подробные отчеты о миссионерской деятельности позволили иметь представление о сектантстве в Тульском регионе в дореволюционный период.

Описанные в "Тульских епархиальных ведомостях" даже единичные случаи посещения Тульской губернии сектантскими проповедниками или присутствие в каком-либо из населенных пунктов одной семьи сектантов или даже одного из сектантов свидетельствуют о тщательности и добросовестности работы миссионерского отдела. Это является еще одним фактором, подтверждающим тщательный анализ и достоверность предоставляемой информации в данном издании.

Кроме перечисленных аргументов в защиту репрезентативности информации, находящейся в "Тульских епархиальных ведомостях", необходимо признать отсутствие источников, которые бы опровергали или ставили под сомнение достоверность сведений этого издания. Таких источников не удалось обнаружить ни среди светских исследований, ни среди трудов, опубликованных исследователями, принадлежащими к протестантским деноминациям, которые в наибольшей степени заинтересованы в достоверности исторической правды относительно своих предшественников по вере.

Ниже приведен один из выводов, сделанный епархиальным миссионером Д. Скворцовым и напечатанный в "Тульских епархиальных ведомостях", который наглядно демонстрирует положение протестантов в Тульской губернии в начале XX в. В результате многолетнего исследования ситуации, связанной с распространением раскольников и сектантов в Тульской губернии, миссионер приходит к следующему заключению: "Тульская епархия не может быть отнесена к числу епархий, особо зараженных расколосектантством, хотя в ней и имеют место, как раскольники-старообрядцы, так и сектанты довольно разнообразных видов. По приблизительному исчислению исполняющего обязанность Тульского епархиального миссионера Дмитрия Скворцова, основанному на 16-летнем изучении и знакомстве с местным расколосектантством, – всего старообрядцев и сектантов в Тульской епархии насчитывается до 2500 душ обоего пола и, во всяком случае, ни как не более трех тысяч. Из этого числа наибольшая часть падает на долю старообрядцев, коих насчитывается около двух тысяч, причем в одном городе Туле их несколько более тысячи человек; ... За старообрядцами в Тульской епархии по численности последователей следуют секты хлыстов и скопцов, которые проживают почти исключительно в уездах Белевском и Одоевском (до 400 человек обоего пола). Затем следуют штундо-баптисты и пашковцы – приблизительно человек до 70 (в селе Афанасьева, Алексинского уезда, и в селах Хрущове, Тульского уезда, и Сергиевском, Крапивенского уезда, и единицы в некоторых других местах).

Этот краткий обзор Тульского расколосектантства со стороны численности показывает, что оно совсем не представляет собою какой-либо грозной и опасной для церкви силы: расколосектантское население в Тульской епархии как бы совершенно затеривается и, так сказать, расплывается в массе православных, – и только в некоторых местностях и по временам вспыхивают в нем не безопасные огоньки, призывающие к вниманию, бдительности и предосторожности пастырей Тульской церкви" [7, с. 3–4].

Обращение к "Тульским епархиальным ведомостям" как к источнику, содержащему наиболее системно представленную и проанализированную информацию о деятельности сектантов в Тульском регионе, позволяет сформировать обоснованное представление о численности, динамике, локализации протестантов на территории губернии, их взаимоотношении с православными верующими, выявить методы распространения протестантских идей, наблюдать другие особенности жизни протестантов. Найти источник, в котором информация была бы похожим образом исследована, обработана и представлена, является достаточно редким случаем. Пренебречь возможностью обращения к такому источнику для исследователя будет непростительной ошибкой, а для христианина, интересующегося историей протестантизма, проявлением лениости и безответственного отношения к своим предшественникам по вере.

Издания "Епархиальных ведомостей" можно найти в областной библиотеке города, Государственном архиве областного центра, архиве местной епархии РПЦ. Издания могут быть представлены в электронном виде. Независимо от того, где находятся и в каком виде они представлены, усилия, потраченные на поиск информации, находящейся в издании, будут многократно вознаграждены приближением к истине, позволяющей воссоздавать историческую реальность возникновения и развития протестантизма в своем регионе.

Литература

1. Водарский Я.О., Кабузан В.М. Территория и население России в XV–XVIII вв. Атеистический сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ateism.ru/> (дата обращения: 27.10.2016).
2. Лисицына О. Церковные реформы, направленные на изменение положения раскольников и сектантов в конце XIX – начале XX вв. (региональный аспект). Тульский информационно-консультативный центр по вопросам сектантства. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.olds-sektain.lgb.ru/histori/tula%20histori%20all%204.html> (дата обращения: 12.11.2016).
3. Николай II, Указ "Об укреплении начал веротерпимости". ДРЕВО открытая православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://drevo-info.ru/articles/10330.html> (дата обращения: 04.11.2016).
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел; Под ред. Н. А. Троицкого. – [СПб.], XLIV. Тульская губерния, 1904. Электронная библиотека ГПИБ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elib.shpl.ru/> (дата обращения: 27.10.2016).
5. Прот. Александр Троицкий. Епархиальные ведомости. Православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/190001.html> (дата обращения: 28.06.2017).
6. Скворцов Д. Миссионерская деятельность Епархиального миссионера Тульской епархии за вторую половину 1903 г. // Тульские епархиальные ведомости. 1904. № 6. С. 147–153.
7. Скворцов Д. Миссионерское дело в Тульской епархии за 1915 год. Статья составлена на основании Миссионерского отчета по Тульской епархии за 1915 год. Тула. 1917. 22 с.
8. Скворцов, Д. Наблюдения и впечатления миссионера. // Тульские епархиальные ведомости. 1903. № 9. С. 314–316.
9. Скворцов, Д. Пашковцы в с. Сергиевском Тульской губернии и две миссионерские поездки в названное село. // Тульские епархиальные ведомости. 1908. № 21. С. 386–398.
10. Тульские епархиальные ведомости. Тула, 1862–1918. Духовенство Русской Православной Церкви в XX веке. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/688/> (дата обращения: 28.10.2016).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Vodarskij YA.O., Kabuzan V.M. Territoriya i naselenie Rossii v XV–XVIII vv. Ateisticheskij sajt. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.ateism.ru/> (data obrashheniya: 27.10.2016).
2. Lisitsyna O. TSerkovnye reformy, napravlennye na izmenenie polozheniya raskol'nikov i sektantov v kontse XIX – nachale KHKH vv. (regional'nyj aspekt). Tul'skij informatsionno-konsul'tativnyj tsentr po voprosam sektantstva. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.olds-sektain.lgb.ru/histori/tula%20histori%20all%204.html> (data obrashheniya: 12.11.2016).
3. Nikolaj II, Ukaz "Ob ukreplenii nachal veroterpimosti". DREVO otkrytaya pravoslavnaya ehntsiklopediya. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://drevo-info.ru/articles/10330.html> (data obrashheniya: 04.11.2016).
4. Pervaya vseobshhaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 goda. Izd. TSentr. Stat. komitetom M-va vn. del; Pod red. N. A. Trojnitckogo. – [SPb.], XLIV. Tul'skaya guberniya, 1904. EHlektronnaya biblioteka GPIB. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.elib.shpl.ru/> (data obrashheniya: 27.10.2016).
5. Prot. Aleksandr Troitskij. Eparkhial'nye vedomosti. Pravoslavnaya ehntsiklopediya. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/190001.html> (data obrashheniya: 28.06.2017).
6. Skvortsov D. Missionerskaya deyatel'nost' Eparkhial'nogo missionera Tul'skoj eparkhii za vtoruyu polovinu 1903 g. // Tul'skie eparkhial'nye vedomosti. 1904. № 6. S. 147–153.
7. Skvortsov D. Missionerskoe delo v Tul'skoj eparkhii za 1915 god. Stat'ya sostavlena na osnovanii Missionerskogo otcheta po Tul'skoj eparkhii za 1915 god. Tula. 1917. 22 s.
8. Skvortsov, D. Nablyudeniya i vpechatleniya missionera. // Tul'skie eparkhial'nye vedomosti. 1903. № 9. S. 314–316.
9. Skvortsov, D. Pashkovtsy v s. Sergievskom Tul'skoj gubernii i dve missionerskie poezdki v nazvanное село. // Tul'skie eparkhial'nye vedomosti. 1908. № 21. S. 386–398.
10. Tul'skie eparkhial'nye vedomosti. Tula, 1862–1918. Duhovenstvo Russkoj Pravoslavnoj TSerkvi v KHKH veke. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/688/> (data obrashheniya: 28.10.2016).

Бартов В.П. "Епархиальные ведомости" – недооцененный источник.

Исследователи истории развития протестантизма в регионах России, придерживающиеся протестантских взглядов, нередко имеют неоправданные предубеждения обращаться к первоисточникам, написанными православными авторами. Иногда такие первоисточники являются единственными, откуда можно получить информацию о событиях определенного периода времени. Для примера используется периодическое издание РПЦ "Тульские епархиальные ведомости". В издании сведения о сектантах в Тульской губернии упорядочены, проанализированы, содержат статистический материал и выводы.

Ключевые слова: РПЦ, Епархиальные ведомости, раскольники, сектанты, протестанты, миссионер

Bartov V.P. "Eparchial Bulletin" – under-evaluated source.

Those of the researchers of the history of Protestantism in the regions Russia who share protestant beliefs, are often unreasonably biased against materials authored by written by Orthodox authors. Sometimes such materials are the only credible accounts of events of a certain period. This is illustrated by considering the Eparchial Bulletin of the Tula region that is a periodical published by the Russian Orthodox Church. In the bulletin information about the sectarians in the Tula province is ordered, analyzed, contains statistical material and conclusions.

Key words: Russian Orthodox Church, Eparchial Bulletin, dissenters, sectarians, Protestants, missionary

Для цитирования: Бартов В.П. "Епархиальные ведомости" – недооцененный источник // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 3. С. 45–50. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/45-50

For citation: Bartov V.P. "Eparchial Bulletin" – under-evaluated source // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 3. P. 45–50. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/45-50

УДК 351.745(571.63)

Черномаз В.А.

Полиция Владивостока в событиях 1905 г.

Начало XX в. в истории России характеризуется двумя непосредственно связанными между собой событиями, которые стали большим потрясением для страны. Это – русско-японская война и первая русская революция 1905–1907 гг. Причём хронологическое наложение этих событий приходится на 1905 г., который стал одним из наиболее сложных и трагичных во всей истории г. Владивостока.

Начало русско-японской войны существенно осложнило деятельность полиции Владивостока. 24 января 1904 г. Владивостокская крепость была переведена на осадное положение, действовавшее по 26 сентября 1905 г., которое серьёзно нарушило обычный ход жизни города, возложив на городскую полицию новые задачи. В частности, в условиях войны потребовалось усилить надзор за населением крепости. Изъятие многих дел из ведения мировых судей и рассмотрение этих дел в административном порядке значительно расширили обязанности полиции по составлению протоколов и производству дознаний. Увеличение гарнизона на несколько десятков тысяч человек также потребовало усиленной работы чинов полиции по поддержанию в крепости общественного порядка. (См.: РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 34. Л. 288)¹.

Вместе с тем, исключительные условия службы городской полиции во время осадного положения резко выявили все её слабые стороны. Прежде всего, существенной проблемой для владивостокской полиции в данный период стала её низкая штатная численность и некомплект штатов. Штаты Владивостокского городского полицейского управления, утверждённые 10 февраля 1903 г. в составе 114 чел. (полицмейстер, 2 его помощника, 3 пристава, 9 околоточных надзирателей, 94 пеших городских и 5 конных) (Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 13), совершенно не соответствовали реальным условиям службы как по числу чинов полиции, так и по размерам получаемого ими денежного содержания. Особенности территории и населения города, его особые жизненные условия как военного и коммерческого порта и крепости, ставили г. Владивосток в исключительные условия среди прочих городов, одинаковых с ним по численности населения. К этим условиям можно отнести, в частности, большие размеры территории города, который был расположен на берегу бухты на протяжении свыше 5 вёрст. Кроме того, к его территории относились также острова Русский, Аскольд и Попова (район 1-й полицейской части) и дачные местности Первая Речка, Седанка и Океанская, расположенные на протяжении 38 вёрст по линии железной дороги (район 2-й части). Крайнюю недостаточность штата городской полиции показывал, например, тот факт, что только общественные зрелища требовали ежедневного дежурства на них двух приставов, а нередко и всех трёх. Из 9 околоточных надзирателей ежедневно двое или трое назначались на дежурство на общественные зрелища, трое – на дежурство в полицейских участках и трое были задействованы на ночных обходах по городу. Таким образом, старшие чины городской полиции вынуждены были дежурить практически беспрерывно, не имея возможности отдыха, в ущерб исполнению иных обязанностей (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 18).

Отмеченная ситуация усугублялась некомплексом личного состава. При и так невысокой штатной численности в 114 чел. некомплект городской

¹ РГИА ДВ – Российский государственный архив Дальнего Востока.

полицейской в 1904–1905 гг. составлял 28 единиц. Вакантными оставались должности помощника полицмейстера, пристава, околоточного, 23 пеших и 2 конных городских. Указанный некомплект образовался вследствие увольнения со службы лиц, неспособных к исполнению своих обязанностей, прежде всего вследствие "худой нравственности". После начала войны, в связи с оттоком из города населения, заполнить вакансии оказалось невозможно "в виду совершенного отсутствия в опустевшем городе контингента, из коего возможно было бы пополнить штат городских" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 13).

Значительный некомплект городских стал причиной уменьшения числа полицейских постов в городе, что в значительной степени ослабило общий полицейский надзор и сделало невозможным несение службы городских в трёхсменном режиме. Соответственно, несение постовой службы осуществлялось в двухсменном режиме по 12 часов. При этом городские сменялись с постов каждые 6 часов, назначаясь в промежутках между несением постовой службы в различные наряды. Следствием таких условий несения службы являлось переутомление большинства городских, которые, будучи лишены возможности отдыха, были не в состоянии выполнять свои обязанности на должном уровне. К 14 апреля 1905 г., при двухсменной службе городских, в городе имелось всего 18 полицейских постов, при этом площадь каждого поста составляла в среднем 46875 кв. саженей или 19,5 десятин крайне пересечённой городской селитебной площади. Кроме того, некомплект штата чинов полиции вызывал необходимость временного замещения высших должностей нижними чинами, что также не могло содействовать высокому качеству исполнения ими служебных обязанностей (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 13).

Как отмечалось в докладной записке владивостокского полицмейстера, "в то время, когда полиции требовалась особо усиленная служба, она помимо прочих условий, осложнивших её деятельность, являлась уже в значительной мере ослабленной вследствие некомплекта штата, который и в полном своём составе и при нормальном положении вещей является недостаточным для выполнения требований, предъявляемых к службе полиции во Владивостоке как крепости, военном и коммерческом порте и единственном торговом пункте для многомиллионной торговли на Дальнем Востоке" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 14).

Серьёзную проблему в условиях военного времени представляло наличие в городе значительного количества корейского и китайского населения, в целях усиления надзора за которым, в соответствии приказом по крепости № 723 от 16 декабря 1904 г., в составе городской полиции в январе 1905 г. было организовано особое отделение так называемой "инородческой полиции" в составе трёх офицеров и 14 нижних чинов (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 14). Вместе с тем, в период нахождения города на осадном положении, вследствие неправильной постановки дела в существовавшем при городском полицейском управлении адресном столе, не было налажено строгой регистрации населения, что не позволяло иметь достоверные сведения о его численности. Не было предпринято каких-либо мер в отношении охраны города и населения от артиллерийских обстрелов вражескими кораблями, как это, в частности, имело место в феврале 1905 г. Городской пожарной обоз и пожарная команда не соответствовали своим задачам и в мирное время, а для охраны города от пожаров во время артобстрелов "они представлялись совершенно ничтожными средствами" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 14).

Вопреки интересам службы в крепости, находящейся на осадном положении, не было налажено эффективного взаимодействия между различными полицейскими подразделениями, функционировавшими в крепостном районе. Как отмечалось, полицмейстер, начальник крепостной жандармской команды, начальник Владивостокского отделения Жандармского полицейского управления Уссурийской железной дороги и капитан коммерческого порта "действовали каждый самостоятельно и в течение всего времени осадного положения никаких вопросов к общему обсуждению не возбуждалось", что, естественно, не могло содействовать успеху полицейского надзора (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 14).

С увеличением числа личного состава гарнизона, расквартированного в домах гражданских жителей города, среди нижних чинов армии и флота усилилось пьянство и, как следствие, резко возросло количество фактов на-

рушения с их стороны общественного порядка, для пресечения которых полицейский надзор оказался недостаточным. Так, в период с 1 февраля 1904 г. по 1 октября 1905 г. в крепости было зарегистрировано 118 случаев проступков и преступлений, совершенных нижними чинами армии и флота, и 187 случаев нарушения ими тишины и порядка (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 16). Вместе с тем подобное явление было характерно не только для нижних чинов, но и для офицеров, развитие разгула со стороны которых доходило до крайних пределов, последствием чего были частые случаи нарушений общественного порядка в публичных местах, причём последними нередко обнажалось оружие. За отмеченный период было зарегистрировано 53 случая нарушения тишины и порядка и нанесения оскорблений действием со стороны офицеров (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 17). При этом, как отмечалось, эти цифры были значительно меньше действительных, так как во многих случаях беспорядки прекращались комендантскими адъютантами без участия чинов полиции и не регистрировались.

15 марта 1905 г. вместо подполковника в отставке В.И. Андреева новым полицмейстером г. Владивостока был назначен надворный советник А.М. Чернов, которому комендантом крепости было приказано безотлагательно представить доклад о мерах по улучшению службы полиции. Найдя представленные полицмейстером А.М. Черновым соображения, соответствующими поставленной цели, комендантом были сделаны соответствующие распоряжения по их реализации. Так, в частности, для усиления наиболее важных полицейских постов приказом по крепости от 30 апреля 1905 г. стали назначаться в ежедневный наряд 16 нижних чинов её гарнизона. Для наблюдения за порядком в городе в праздничные дни, когда число увольняемых в город нижних чинов доходило до нескольких тысяч, выславшийся в распоряжение полиции наряд патрульных от местного гарнизона был доведён до 75 чел. С 23 мая 1905 г. для усиления наружной службы полиции к городскому полицейскому управлению приказом по крепости № 403 для несения обязанностей городских было прикомандировано 68 нижних чинов армии. Из них 23 чел. было направлено на пополнение штата команды городских, а за счёт остальных 45 образованы 15 новых трёхсменных полицейских постов. В результате число полицейских постов в городе было доведено до 35. Помимо восстановления трёхсменного режима несения службы, эта мера дала возможность образовать при каждой из трёх полицейских частей города резерв, который мог быть вызван по первому требованию для прекращения возникших беспорядков. Прикомандированным к полицейскому управлению нижним чинам было назначено вознаграждение по 10 руб. в месяц на человека, которые выдавались из ежемесячного остатка штатных сумм на содержание городских, образовывавшегося вследствие некомплекта команды городских. Провиантское довольствие и приварочные деньги нижние чины получали из своих частей. Таким образом, нижние чины получали вознаграждение, одинаковое с городскими. Для компенсации значительных расходов классных чинов полиции на разъезды по городу комендантом крепости были назначены добавочные разъездные деньги в размере: полицмейстеру – 83 руб., его помощникам – по 20 руб., приставам – по 25 руб. и околоточным надзирателям, по штату совсем не получающим разъездных денег – по 20 руб. в месяц (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 15).

В упомянутой докладной записке особое внимание уделялось правильно поставленной сыскной полиции, при этом отмечалось, что "в крепости же и, в особенности, в военное время этот орган службы полиции приобретает особо важное значение в отношении выяснения и пресечения шпионства, а также выяснение сведений, своевременное получение которых содействовало бы сохранению порядка в крепостном районе" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 15). Вместе с тем, организовать сыскную полицию в том составе, как это требовалось в действительности, в условиях военного времени не представлялось возможным, так как среди оставшегося в городе населения нельзя было найти способных к этому делу лиц. Как отмечалось, организовать такую полицию в то время оказалось невозможно уже потому, что для этого рода деятельности "требуется весьма тщательный выбор служащих, успех службы которых главнейшим образом будет зависеть от степени знакомства их со все-

ми слоями населения крепости и условиями его быта и жизни" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 15).

Тем не менее, на ассигнованные комендантом крепости 2 тыс. руб. содержалось несколько агентов, при помощи которых представлялась возможность получать сведения о настроении среди нижних чинов армии и флота, а также осуществлять наблюдение за иностранным и русским населением. Раскрытие полицией при содействии тайных агентов ряда преступлений, совершенных нижними чинами армии и флота, имело важное значение, показав последним наличие наблюдения за ними. Тайный надзор за китайским населением дал возможность выяснить так называемых порочных китайцев, которые были безотлагательно выселены из города, что привело к уменьшению числа хунхузов. Вместе с тем, как отмечалось, временная организация сыскной части существенных результатов дать не может даже при затрате больших денежных средств, и "получаемые от такой организации сведения в большинстве случаев являются отрывочными, маловероятными, случайными, а потому и малосущественными для дела" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 16).

Для усиления надзора за нижними чинами город был разделён на пять участков, в каждом из которых выделялись особые команды патрулей морского ведомства во главе с офицерами. От пехотных частей в праздничные дни высылались усиленные дозоры. В распоряжение полицеймейстера была командирована полусотня казаков, выставлявшая дневные и ночные разъезды по городу и его окрестностям. Наряду с введением усиленного полицейского надзора, комендантом крепости был отдан ряд приказов по гарнизону крепости и обязательных для населения постановлений в отношении сохранения порядка и тишины в городе. В частности, в целях предотвращения пьянства среди нижних чинов гарнизона ограничивалась торговля спиртными напитками. Так, была прекращена торговля крепкими напитками в питейных заведениях, и их продажа стала осуществляться только из винно-бакалейных лавок и так называемых "рейнсковых" погребов. Накануне праздников и в праздничные дни продажа крепких спиртных напитков была разрешена только до 12 часов дня. Торговля спиртным в заведениях, имеющих буфеты и кухни, была ограничена до 21 часа в заведениях низшего разряда и до 1 часа ночи во всех прочих. Кроме того, открытие новых заведений для продажи крепких спиртных напитков было запрещено (см.: РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 16.).

Ограничение мест и часов торговли крепкими спиртными напитками содействовало уменьшению пьянства между нижними чинами, а ограничение торговли в ресторанах и гостиницах до 1 часа ночи прекратило развитие разгула среди офицеров. Однако данные меры в то же время породили так называемое тайное корчемство и нелегальную продажу крепких спиртных напитков. Борьба с этим явлением стала ещё одним направлением деятельности полиции, существенно увеличив приходившуюся на неё нагрузку по пресечению нарушений и преследованию виновных. Применявшиеся к сохранению тишины и порядка в городе мероприятия вызвали необходимость и быстрого наказания виновных в неисполнении приказов и постановлений коменданта крепости, поэтому дела этой категории приказом по крепости были изъяты из ведения мировых судей и переданы в ведение управляющего гражданской частью в крепости для разрешения их административным порядком. Эта мера дала наилучшие результаты, но в то же время создала для чинов полиции огромный объём работы, так как по каждому нарушению приходилось составлять подробные дознания с опросом всех причастных к делу лиц, что вызывало усиленную канцелярскую переписку. (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 17).

Меры по усилению контроля за китайским и корейским населением заключались в том, что члены семей китайских и корейских рабочих, а также все лица из их числа, неспособные к труду, были выселены из крепости, а остальные предупреждены, что будут выселены все, не имеющие определённых и постоянных занятий. Китайцы, работавшие в фортах крепости, были зарегистрированы, и каждый из них снабжён металлическим значком с буквой К. В целях предотвращения практиковавшейся среди иностранцев передачи друг другу российских видов на жительство и проживания под чужим

именем, что исключало возможность установления личности, китайцы были обязаны представить в органы полиции свои фотографии, одна из которых помещалась на документ, а другая оставлялась в полицейском управлении (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 17.).

В дальнейшем владивостокская полиция вынуждена была столкнуться с серьёзными испытаниями в виде массовых беспорядков, имевших место во Владивостоке в конце 1905 – начале 1906 гг., в которых самое активное участие приняли нижние чины армии и флота. К осени 1905 г. здесь скопилось огромная масса солдат и матросов (несколько десятков тысяч человек), многие из которых были участниками боевых действий на территории Маньчжурии. При этом следует учитывать морально-психологическое состояние вчерашних фронтовиков, переживших все тяготы позорно проигранной войны, часть из которых побывала в японском плену, ожидавших скорейшей демобилизации в крайне тяжёлых бытовых условиях. В такой обстановке они встретили Манифест "Об усовершенствовании государственного порядка", подписанный Николаем II 17 октября 1905 г.

Владивостокский полицмейстер, "в виду возможности, что вследствие Манифеста 17 октября с. г. в городе могут проявиться манифестации населения, сходки и процессии с флагами", 23 октября 1905 г. сообщал подчинённому ему приставам, что "со стороны полиции не следует принимать никаких мер против выражения чувств населения, наблюдая лишь за тем, чтобы не было совершено какого-либо насилия над имуществом жителей" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 23). Приставам предлагалось лично разъяснить об этом околоточным надзирателям и городовым и убедить, что последние "вполне усвоят данное распоряжение". Чином полиции приказывалось "иметь усиленный надзор в городе" и о "всяком проявлении народного движения" сообщать полицмейстеру по телефону. Особо предписывалось ни при каких случаях не вступать в конфликты с офицерами по поводу нарушения ими тишины и порядка, обращаясь в этих случаях к содействию комендантских адъютантов, а в исключительных случаях "обращаться в форме просьбы и быть строго сдержанным".

Одновременно военное командование в лице командира 8-й Восточно-Сибирской дивизии категорически запретило офицерам, чиновникам и нижним чинам посещение всякого рода публичных собраний и митингов (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 38.), что стало последней каплей, переполнившей чашу терпения нижних чинов.

Как сообщил 25 октября 1905 г. полицмейстер А.М. Чернов в своём рапорте военному губернатору Приморской области, со снятием 26 сентября 1905 г. в крепости осадного положения, проявления уличных беспорядков главным образом со стороны нижних чинов флота усилились. Так, 22 октября имели место крупные беспорядки на ул. Пологой, где толпа матросов и солдат в несколько сот человек произвели разгром русского дома терпимости, выжившийся в уничтожении забора, оконных рам и внутренней обстановки, причём было похищено некоторое имущество и деньги. Сторожеу заведения были нанесены тяжкие побои, вследствие которых его жизнь оказалась под угрозой. Вместе с тем полицмейстером было заблаговременно сообщено коменданту города о необходимости принять меры по предотвращению беспорядков, которые, по имевшимся сведениям, ожидалось 21, 22 и 23 октября. Полицмейстер просил о назначении усиленного дозора от флота и пехоты под командованием офицера, но дозор выслан не был, и только по возникновении беспорядков по личному обращению полицмейстера к коменданту города в штабе крепости были вызваны патрули от флота и конно-охотничья команда. Однако дозор прибыл уже после погрома, развитие которого было остановлено приставом 3-й части, которому полицмейстером была выслана в помощь часть полицейского резерва от 2-й части (см.: РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 42).

24 октября полицмейстер экстренно просил коменданта города выслать усиленные дозоры, но на ул. Пологую до наступления вечера патрули высланы так и не были. 25 октября полицмейстер вновь просил коменданта города о высылке дозора, но таковые своевременно не прибыли, и толпа матросов и солдат различных кораблей и частей возобновили беспорядки на ул. Пологой, которые были приостановлены приставом и случайно подошедшим к месту

происшествия артиллерийским офицером, при виде которого нижние чины тотчас разошлись.

По имевшимся у полицмейстера негласным сведениям, 26 октября после предполагавшегося митинга должно было состояться какое-то шествие. В то же время нижние чины армии и флота имели намерение произвести разгром всей ул. Пологой и винно-бакалейной торговли на ней, в связи с чем полицмейстер полагал необходимым с 26 октября установить в городе усиленные дозоры армии и флота под командованием офицеров, в том числе и на ул. Пологой, но не по пути предполагаемого шествия. Эти дозоры предлагалось установить в течение дня и на все время, пока не уляжется возбуждение, произведённое манифестом от 17 октября.

В указанном рапорте военному губернатору полицмейстер также отмечал, что "как нижние чины армии и флота, так равно и рабочий класс населения не могут себе усвоить значение манифеста 17 октября", а потому "для успокоения их возбуждённого состояния" он полагал необходимым обращение к ним высшего начальства с разъяснением значения манифеста и призывом к нижним чинам гарнизона. Поскольку единственным источником информации, удовлетворяющим их интерес к происходящим в России событиям, являлась местная пресса, полицмейстер выражал убеждённость, что "если бы в этих органах было бы помещено хотя несколько строк призыва их к порядку и прекращению бесчинств, творимых ими и простым понятным им языком была бы выяснена вся несвоевременность именно в данное время допускать грубое насилие и нарушать тишину и порядок, то этот призыв к здравому чувству и уму простого человека принёс бы существенную пользу" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 43).

На состоявшемся 26 октября массовом митинге жителей г. Владивостока высказывались обвинения в адрес местной администрации в том, что ею своевременно не публикуются "правительственные распоряжения, касающиеся изменения порядка управления в империи на началах высочайшего манифеста 17 октября", и принято решение о проведении очередного митинга в воскресенье 30 октября в здании цирка. На следующий день, 27 октября 1905 г., за три дня до начала массовых беспорядков, полицмейстер в своём очередном рапорте докладывал военному губернатору о назначенном на 30 октября втором митинге, на который распоряжением коменданта крепости допуск нижних чинов запрещался. В связи с этим, на основе анализа ситуации в городе, он предупреждал о возможных беспорядках, о том, что "на Пологой улице или на базаре могут возникнуть беспорядки со стороны нижних чинов" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 49).

28 октября 1905 г. и. о. военного губернатора Приморской области Е. Смирнов выпустил обращение к общественности, в котором разъяснялось, что "во-первых, Манифест 17 октября даёт только общие основания реформы, не касаясь деталей, а во-вторых, никаких существенных распоряжений в развитие его начал пока не получено". Далее обращалось внимание на то, что высочайший указ о свободе собраний был издан 12 октября, т.е. до обнародования Манифеста 17 октября и поэтому "в некоторых своих частях не согласуется с основными положениями Манифеста, что легко может повести к недоразумениям". В связи с этим и. о. губернатора считал необходимым "обождать дополнений и разъяснений". При этом он апеллировал к тому, что "участие армии в делах политических и общественных не допускается ни в одном из старых западно-европейских конституционных государств" и обращался к здравому смыслу и такту участников, устроителей и распорядителей общественных собраний в городе, убедительно прося их "соблюдать полный порядок и спокойствие... ни в коем случае не возбуждать дурных инстинктов толпы, не прибегать к самоуправству и буйствам" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 51). Однако никаких последствий обращение не возымело, 30 октября в городе начались беспорядки.

Накануне, 29 октября, помощник пристава доложил и. о. военного губернатора и коменданту крепости о необходимости назначить в каждый участок усиленные дозоры под командой офицеров. Комендантом крепости было отдано распоряжение коменданту города о назначении в каждый полицейский участок отрядов под командованием офицеров, однако своевременно

эти команды в полицейские участки не прибыли (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 33. Л. 225).

Беспорядки начались утром 30 октября на Базарной площади в районе 2-го полицейского участка (ныне сквер им. К. Суханова), где толпа, преимущественно состоявшая из нижних чинов армии и флота, начала разбивать и поджигать китайские лавки. В 11 часов дня пристав 3-го участка Оболянинов, получив сообщение о погроме на базаре, немедленно телефонировал коменданту города, прося выслать усиленный патруль, но, не дождавшись такового, лично поехал в штаб крепости. Команда городских 3-го участка состояла из 34 чел., из которых 13 были вооружены пашками и револьверами, остальные 21 чел. – винтовками. 30 октября на постах находились 11 городских, при этом каждый из них имел с собой по одному патрульному (очевидно из военнотружущих). Свободные от постов городские (23 чел.) находились при участке, где также пребывал патруль от 32-го Восточно-Сибирского полка в количестве 12 чел. во главе с унтер-офицером. Между 12.00 и 13.00 в 3-й участок прибыл с 54 нижними чинами 32-го Восточно-Сибирского полка подпоручик Лактионов. Взяв с собой 20 солдат, он отправился на базар, остальные же нижние чины и городские под руководством пристава Оболянинова и околотовных надзирателей Курницкого и Кусковского заняли посты на улицах в районе 3-го участка (см.: РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 33. Л. 219).

В это время на базаре толпа, вооружённая камнями, избила пристава 2-го участка И.И. Ситникова, но он с городскими и патрулями, с опасностью для собственной жизни, сделал все возможное для недопущения погрома, и до прибытия подкрепления толпе удалось разбить только три лавочки. Прибывшая на базар команда во главе с подпоручиком Лактионовым оттеснила толпу от китайских лавок к ул. Светланской, произведя два ружейных залпа в воздух (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 33. Л. 225).

В это время толпы солдат начали производить разгром лавок и частных домов в разных частях города. Получив сведения, что толпа солдат в несколько сот человек напала на городское полицейское управление, помощник полицмейстера привёл к нему полуроту от 29-го Восточно-Сибирского полка, которая, подвергшись нападению со стороны толпы, отказалась выполнить приказ открыть огонь. В результате нападения в полицейском управлении камнями были выбиты все окна. Дела и бумаги оказались в целости только благодаря энергии вольнонаёмного писца из запасных Николая Покровского, который в течение трёх суток никуда не отлучался из полицейского управления и, бесменно дежуря, обеспечивал сохранность казённого имущества (см.: РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 33. Л. 226).

Воспользовавшись уходом военной команды с базара, которая была переброшена на ул. Пологую, толпа разгромила его. Завершив погром базара, бесчинствующая толпа разделилась на три части, одна из которых, направившись по ул. Светланской, разбивала, грабила и поджигала магазины, другая пошла по ул. Алеутской улице и третья – по Пекинской (ныне ул. адм. Фокина). В это же время, в 18 часов, толпа численностью около 800 чел., состоявшая из матросов, солдат и гражданского населения, направилась по ул. Верхне-Пологой на ул. Пологую, разбивая на пути окна, грабя лавки и поджигая дома. На углу Пологой и Алеутской выстроилась полурота 32-го Восточно-Сибирского стрелкового полка под командованием поручика Лактионова. Толпа, с криками "Ура", разбила и разграбила номера "Харьковское подворье" и, бросаясь камнями, подошла к ресторану "Яр". Поручик Лактионов и пристав Оболянинов трижды обратились к толпе с требованием остановиться, предупредив об применении оружия. Толпа проигнорировала данное требование, забросав патруль камнями. При этом из толпы последовало в патруль несколько револьверных выстрелов, после чего патруль дал три залпа вверх. Толпа продолжала напирать. Поручик Лактионов дал приказ нижним чинам открыть огонь, после чего толпа бросилась назад, разделившись на две части. Одна пошла на Китайскую улицу (ныне Океанский проспект), а другая – в Корейскую слободку. Корейцы, вооружённые револьверами, топорами и палками, встретили толпу, не допустив поджогов и грабежей (см.: РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 33. Л. 219-221).

Агитаторы, угрожая постовым городским убить их, заставили последних в 18 часов оставить посты на территории 3-й полицейской части, в свя-

зи с чем на углу улиц Пологой и Алеутской, у железнодорожных переездов на улицах Алеутской и Корейской (ныне ул. Пограничная) были поставлены заставы и разосланы по всему району военные патрули, на которых лежала обязанность недопущения сборища публики, предупреждение поджогов и грабежей. Задерживались для проверки личности разные лица, при этом те, у кого обнаруживалось оружие или награбленное имущество, отправлялись на гауптвахту. Против тех, кто оказывал вооружённое сопротивление и "дерзкую грубость", применялось оружие. Так, как мы уже отмечали, команда подпоручика Лактионова стреляла по грабителям и поджигателям вниз по ул. Алеутской. Прибывшая в три часа дня к 3-му полицейскому участку полурота 30-го Восточно-Сибирского полка в составе 76 нижних чинов во главе с капитаном Фальковским применила оружие по бесчинствующим лицам на улицах Верхне-Пологой и Комаровской (ныне ул. Прапорщика Комарова) по направлению к Корейской слободке. Были задержаны с поличным на месте поджигания несколько нижних чинов флота и гражданских лиц, которые были отправлены на гауптвахту (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 33. Л. 221).

Около 9 часов вечера сюда прибыл капитан Литвинов с 81 чел. нижних чинов 10-й роты 32-го Восточно-Сибирского полка. Один взвод роты был размещён на углу улиц Китайской и Пекинской, взвод – на ул. Семеновской, взвод – на указанном выше мосту, а команда военной полиции патрулировала проход возле полотна железной дороги. Военнослужащим было вменено в обязанность никого не пропускать на этих пунктах, в случае же насилий со стороны толпы применять оружие (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 33. Л. 232).

Беспорядки в этот день охватили и территорию 1-й полицейской части. После погрома, учинённого чинами армии и флота на базаре, около 5 часов вечера из группы погромщиков выделились несколько полупьяных солдат и матросов, которые направились на окраину Матросской слободки, где на ул. Ивановской начали громить китайские киоски. Туда приставом 1-й части П.И. Кошелевым был направлен околоточный надзиратель М.М. Крамарчук с дозором. В это время другая группа погромщиков, шедшая из города, скопилась на Экипажной дамбе, близ магазина Кунст и Альберса (ныне угол ул. Светланской и Капитана Шефнера). К этой толпе из экипажа с криками "Ура" вышли матросы с топорами, ломami, лопатами. Околоточный Крамарчук доложил через посыльного пристава, что толпа увеличивается и что он без подкрепления не в состоянии что-либо предпринять. Пристав Кошелев, написав краткую записку в 30-й Восточно-Сибирский полк с просьбой о высылке в помощь роты солдат, отправился к толпе на Экипажную дамбу, где начал уговаривать собравшихся прекратить противоправные действия. Толпа численностью до 600 чел. не подчинилась требованиям пристава, начав избивать его, нанося удары по лицу, голове и затылку. Одновременно ею была разгромлена одна из лавок. Погромщики начали распивать захваченные при погроме спиртные напитки, приходя ещё в большее возбуждение. Затем был разграблен и подожжён магазин Кунста и Альберса. После этого, уже около 8 часов вечера, толпа направилась на площадь Экипажного оврага, где принялась распивать спиртные напитки. Приставу П.И. Кошелеву пришлось пробираться через толпы возбуждённого народа по ул. Мальцевской (ныне ул. Капитана Шефнера) и Афанасьевской (ныне часть ул. Светланской от ост. Дальзавод до ул. Капитана Шефнера), пытаясь проникнуть в центр города с просьбой о помощи. В районе женской гимназии (ныне школа № 9 на ул. Пушкинской) он был обстрелян, и ему пришлось спастись ползком. Затем ему пришлось переодеться в гражданскую одежду, чтобы избежать расправы. П.И. Кошелев долгое время вынужден был находиться среди буйствующей толпы, изнутри наблюдая совершаемые её противоправные действия. Некоторые городские его участка, спасая свою жизнь, также вынуждены были переодеться в гражданскую одежду (см.: РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 33. Л. 224).

При 1-й части находилась команда 13-й роты 30-го Восточно-Сибирского стрелкового полка в составе 54 чел. под командованием старшего унтер-офицера П. Луковникова, которая в течение 30 и 31 октября, бесценно находясь при участке, отстаивала его от толпы бунтовавших, из которой по ней было произведено несколько выстрелов. Только благодаря распорядительности унтер-офицера П. Луковникова и исполнительности его команды помещения полицейской команды, канцелярии участка и квартира пристава, а также

и смежные с ними дома уцелели от полного разгрома (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 169).

Получив сведения о разгроме полицейских участков, помощник полицмейстера около 12 ночи явился к и. о. военного губернатора и коменданту крепости с докладом, что полицейские участки не функционируют. Вечером город охватили пожары. Выехавшую городскую пожарную команду толпа не допустила к тушению пожар, перерезав у пожарной машины шланги. Несколько городских оказались ранеными. Вследствие угрозы для жизни городских помощник полицмейстера дал разрешение переодеться им в гражданскую одежду (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 33. Л. 227).

31 октября волнения в городе продолжались. Так, в час дня толпа, состоявшая из матросов, солдат и гражданских, численностью около 2000 чел., подошла с национальными флагами к квартире коменданта крепости и заявила, что прекратит беспорядки, если комендант даст им два оркестра военной музыки и выпустит арестантов. Получив музыку, толпа выпустила арестованных из крепостной гауптвахты, а затем и из гражданской тюрьмы, ограбила квартиру её начальника и подожгла тюрьму (см.: РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 33. Л. 219).

Та же толпа в 4 часа дня с национальными флагами, несколькими портретами императора и двумя военными оркестрами подошла к 3-му полицейскому участку с пением молитвы "Спаси, Господи". Военные команды, прикомандированные к участку и вся команда городских 3-го участка во главе с капитанами Литвиновым и Фальковским, подпоручиком Лактионовым, приставом Обольяниновым и околоточными надзирателями Курницким и Кусковским выстроились у участка, приняв меры предосторожности. Толпа потребовала у пристава Обольянинова освободить арестованных. Получив ответ, что арестованных в участке нет, толпа потребовала, чтобы пристав предъявил книгу арестованных. Пристав отказался выполнить это требование и, выйдя за фронт войск, побежал за угол на ул. Алеутскую. За ним погнались несколько матросов и тотчас же из толпы раздались выстрелы и полетели камни. Толпа с флагами зашла во двор участка и осмотрела карцер, в котором не было арестованных. Из толпы были слышны крики: "Жги бумаги и участок", "Ищи пристава, надо его убить", – после чего толпа пошла по ул. Алеутской. При этом старший команды городских Заречный уговаривал толпу не жечь участок (см.: РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 33. Л. 221). После выхода из строя подпоручика Лактионова, его команда поступила под начальство капитана Литвинова, который со своей командой отстоял от разгрома весь район, прилегающий к ул. Пологой (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 169).

Вместе с тем, далеко не все воинские команды, отряженные в помощь полиции, должным образом выполняли свой долг. Так, в ночь на 1 ноября нижними чинами 39-го Восточно-Сибирского полка был разграблен винно-бакалейный магазин фирмы Кунст и Альберс, причём офицеры этого полка сами раздавали водку и вино нижним чинам. Свидетелями этого являлись патрули 29-го, 40-го Восточно-Сибирских полков и крепостной артиллерии, которые проходили мимо, будучи сами в нетрезвом виде. Территория 3-го участка охранялась 1 ноября теми же частями войск и городскими в том же составе и при тех же мерах охранения. Так, до часу дня 10-я рота 32-го Восточно-Сибирского полка находилась на ул. Пекинской. В час дня она была направлена на ул. Светланскую, и все остальное время кварталы, которые удалось отстоять от погромщиков, охранялись чинами военной полиции. У лиц, которые несли с собой награбленное имущество, это имущество изымалось, а сами эти лица препровождались на соседний пост на ул. Светланскую для дальнейшего их направления на гауптвахту. (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 33. Л. 231-232).

1 ноября толпа матросов, артиллеристов и выпущенных 31 октября из тюрьмы арестантов в количестве около 200 чел. совершила нападение на постоялый двор на Семеновском покое, содержавшийся китайским поданным, и ограбила его (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 33. Л. 222). Высланный патруль и полицейская команда рассеяли толпу, из которой был открыт огонь по полицейским, несколько лиц было задержано и отправлено на крепостную гауптвахту. К вечеру в город вошли казачьи части, которые смогли восстановить порядок. В ходе беспорядков практически все полицейские учреждения города подверглись нападению и разгрому. После восстановления в городе

порядка полиции предстояло осуществить розыск похищенного имущества и привлечь к ответственности лиц, изблечённых в грабежах, поджогах и участии в беспорядках.

Таким образом, полиция Владивостока в период русско-японской войны и первой русской революции вынуждена была действовать в новых, весьма сложных условиях, которые существенно расширили круг её задач и обязанностей. В частности, одними из главных её задач в указанный период стали обеспечение действия режима осадного положения на территории Владивостокской крепости и противодействие массовым беспорядкам, главными участниками которых являлись военнослужащие армии и флота и городские маргинальные элементы. Понятно, что при крайне низкой штатной численности (113 штатных единиц) и имеющемся некомплекте (28 чел.), она не могла в полной мере выполнять возлагавшиеся на неё обязанности, в частности, обеспечить защиту города от погромов, имевших место 30 октября – 1 ноября 1905 г. Поэтому основную роль в подавлении произошедших беспорядков и пресечении погромов сыграли армейские подразделения. Вместе с тем, полиция Владивостока обладала информацией о готовившихся беспорядках, о чем полицмейстером заранее уведомлялись вышестоящие власти и предлагались соответствующие меры по их предупреждению, которые не были в полной мере реализованы. Чины владивостокской городской полиции, сохраняя верность служебному долгу, даже в самых сложных условиях выполняли свои служебные обязанности, обеспечивая защиту населения города и его имущества от погромщиков и мародёров.

Черномаз В.А. Полиция Владивостока в событиях 1905 г.

В статье рассматривается деятельность полиции Владивостока в условиях осадного положения, введённого во Владивостокской крепости в период русско-японской войны 1904-1905 гг., а также массовых беспорядков, произошедших в городе 30 октября – 1 ноября 1905 г. Анализируются недостатки в её структуре и функционировании, меры, которые предпринимались в указанный период по их устранению, формы взаимодействия полиции с подразделениями войск местного гарнизона по пресечению массовых беспорядков.

Ключевые слова: *полиция, массовые беспорядки, осадное положение, русско-японская война, гарнизон крепости*

Chernomaz V.A. The police of Vladivostok in the events of 1905.

The article discusses the activities of the police of Vladivostok in a state of siege that was imposed in the Vladivostok fortress during the Russian-Japanese War of 1904-1905 and mass riots that occurred in the city on 30 October – 1 November 1905. The author analyses the defects in its structure and functioning, measures taken by authorities during the specified period for their elimination, forms of interaction of the police with units of the local garrison troops for the suppression of riots.

Key words: *police, mass riots, state of siege (martial law), Russian-Japanese War, fortress garrison*

Для цитирования: Черномаз В.А. Полиция Владивостока в событиях 1905 г. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 3. С. 51–60. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/51-60

For citation: Chernomaz V.A. The police of Vladivostok in the events of 1905. // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 3. P. 51–60. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/51-60

УДК 947.083.7(571.6):351.761.1

Позняк Т.З.

**"Сухой закон",
региональные власти и население Владивостока
в период Первой мировой войны и Революции 1917 г.**

Интерес к теме введения в Российской империи в 1914 г. запрета торговли спиртными напитками резко усилился в год столетия с начала Первой мировой войны как к одной из проблем, связанной с патриотическим порывом населения. Исследователи отмечают наряду с позитивным эффектом от введения "сухого закона" в России – уменьшением пьянства и уровня преступности, ростом доходов населения – и его неэффективность: населением фактически повсеместно, и в губерниях европейской части страны, и в Сибири практиковались изготовление самогона, бражки, подпольная торговля спиртными напитками, а также употребление различных спиртосодержащих жидкостей – лака, политуры, одеколона, лечебных настоек [6, с. 21–23; 8, с. 152–157; 10, с. 71–72; 11, с. 88–92]. Одним из важнейших негативных эффектов стало падение доходов государства, вызвавшее увеличение налогов [8, с. 155]. Порядок введения "сухого закона" и реакция торгово-промышленных кругов и населения Дальнего Востока на него в годы Первой мировой войны уже рассматривалась исследователями [5, с. 53–58; 13, с. 153–156; 17, с. 202–208], однако авторами затрагивались далеко не все аспекты этой обширной проблемы.

Данное исследование выполнено в рамках истории повседневности, в качестве методологической основы послужили идеи А. Людтке. Его концепция "истории повседневности" – это изучение прошлого через историю повседневных социальных практик в любых сферах жизни общества, тщательное исследование поведения рядовых людей в конкретных жизненных ситуациях. Людке вводит ряд принципиально важных понятий, одно из которых трудно переводимое на русский язык "Eigensinn" – "своеволие" или "своенравное упрямство". А. Людке, изучая неформальные отношения и трудовые практики рабочих Германии 1920–1940-х гг., трактует это своеволие как отстаивание рабочим определённой автономии на рабочем месте, тем самым рабочие оставляли себе пространство и свободу выбора в условиях нарастающего давления властей, включая заводскую администрацию [7, с. 20–23].

Цель статьи показать на примере Владивостока действия региональных властей по обеспечению реализации "сухого закона" и практики обхода населением введённых запретов на торговлю и употребление спиртных напитков. Хронологические рамки исследования – от начала до конца Первой мировой войны (1914–1918), включая революционный год. Действия властей – правительства и региональной администрации – здесь рассматриваются как своеобразный "вызов", нарушивший привычную повседневную жизнь населения, а действия рядовых горожан – как ответ на этот вызов, способ нормализации повседневности, возвращения привычного времяпровождения и источника дохода.

С началом войны 19 июля 1914 г.¹ в Российской империи на время проведения мобилизации был введён запрет на торговлю крепкими спиртными

¹ Все даты в статье даны по старому стилю.

© Позняк Т.З., 2018

ПОЗНЯК Татьяна Зиновьевна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). E-mail: 777olga777@bk.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-81-01009-ОГН/18 "Повседневная жизнь населения г. Владивостока от Первой мировой до гражданской войны (1914–1922)"

напитками, кроме ресторанов 1 разряда, клубов, собраний и аптек, а в определённом радиусе от призывных участков всех спиртных напитков, включая вино и пиво. Сроком открытия продажи крепких напитков Минфином первоначально было намечено 7, затем 16 августа и 1 сентября. 22 августа 1914 г. продажа спирта, водки и водочных изделий высочайше была прекращена до окончания войны, запрещалась также торговля виноградным вином крепостью свыше 16 % и производство пива крепостью более 3,7 %. Относительно пива и вина в годы войны публиковался целый ряд положений то запрещавших их, то вновь разрешавших на определённых условиях. 27 сентября 1914 г. Николай II утвердил положение Совета Министров о праве земских и городских самоуправлений подавать ходатайства о воспрещении продажи крепких напитков на подведомственной им территории навсегда [12, с. 85–88].

Особенностью Дальнего Востока были более поздние сроки мобилизации. Высочайший указ Правительствующему Сенату о мобилизации в Приморской и Амурской областях (и ряде других регионов) был подписан 1 сентября 1914 г., согласно ему, были призваны на действительную службу нижние чины запаса армии, вызваны с льгот казаки Амурского и Уссурийского казачьих войск, было приказано поставить лошадей, повозки и упряжь [14. 1914. 23 сент.; 15, с. 80–81]. Временно командующий войсками Приамурского военного округа С.С. Саввич телеграммой на места первым днём мобилизации объявил 15 сентября (РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 2. Д. 1164. Л. 9)² [15, с. 81–82].

С началом войны региональные власти увеличили масштабы нормотворчества относительно спиртных напитков, первые регламентирующие документы августа ещё не содержали положений о запрете торговли ими, а касались ужесточения наказания за торговлю спиртным без необходимых документов, а также распития спиртных напитков и появление в пьяном виде в общественных местах. Например, Приамурский генерал-губернатор (далее ПГГ) Н. Л. Гондатти подобные Обязательные постановления издал 4 августа 1914 г. (№ 458) и 1 сентября 1914 г. (№ 529). Первым запрещалось "распитие крепких напитков на улицах, дорогах, площадях и в других открытых местах, в черте усадебной оседлости в селениях и в помещениях крестьянского общественного управления; появление в общественных местах, в черте усадебной оседлости селений и на проезжих дорогах в состоянии явного опьянения; хранение в селениях крепких напитков в помещениях частных лиц в количестве, явно превышающем потребности лиц, населяющих эти помещения", а "владельцам домов в черте усадебной оседлости селений вменяется в обязанность не допускать в принадлежащих им помещениях неразрешённой продажи крепких напитков и о производстве таковой немедленно извещать полицию или сельские общественные власти..." (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 663. Л. 15). Вторым запрещалось "в заведениях всякого рода открытых для публики, без приобретения установленных на питейную продажу патентов, хранение и употребление всяких крепких напитков, хотя бы оные были принесены самими посетителями заведений"; а также хранение и распитие напитков в заведениях, не имеющих патентов, и пр. (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 663. Л. 23). Наказание по этим и последующим постановлениям ПГГ военного времени были однотипными – денежный штраф до 3000 рублей или тюремное заключение до 3-х месяцев; право наложения взысканий за нарушение предоставлялось военным губернаторам Приморской и Амурской областей, Камчатскому и Сахалинскому губернаторам.

Это были только первые месяцы войны, в дальнейшем появлялись все новые распоряжения. Только Комендант Владивостокской крепости, генерал-лейтенант С. С. Саввич за июль-сентябрь 1914 г. издал более двух десятков различных приказов и особых оповещений. Первые его приказы вводили ограничения на работу заведений, где распивались спиртные напитки – № 1 от 19 июля 1914 г. – до 12 часов вечера [15, с. 67]; № 6 от 27 июля 1914 г. – до 11 часов (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 116. Л. 46). И только "особым оповещением по Владивостокскому крепостному району № 8 от 4 августа 1914 года" была запрещена продажа и распитие спиртных напитков во всех ресторанах, клубах, собраниях, столовых, питейных и проч. учреждени-

² РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.

ях, на станциях железных дорог, шантанах и проч. увеселительных местах, открытых для общественного пользования. Распитие крепких напитков запрещалось и на улицах, площадях, набережных, бульварах, дорогах, в садах и вообще вне жилищ, более того, в крепостном районе нельзя было находиться в нетрезвом состоянии, запрещался "провоз и пронос спиртных напитков из селитебных частей в район крепости" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 116. Л. 31). Оно не содержало ограничений по срокам действия, оповещение № 10 от 11 августа 1914 г., дополняя предыдущее, запретило "продажу спиртных напитков по 15 августа сего года включительно во всех торговых заведениях, торгующих спиртными напитками на вынос". Подобный же приказ № 13 от 15 августа 1914 г. продлил этот запрет до 1 сентября, разрешив продажу только виноградного вина (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 116. Л. 12, 17).

Судя по годовым отчётам за 1914 г. приставов полицейских частей Владивостока, эти запреты привели к снижению уровня преступности и уменьшению количества пьяных на городских улицах. Пристав 4-й части 3 февраля 1915 г. докладывал полицмейстеру: "Трактиры, рестораны и другие торговые предприятия, производившие торговлю спиртными напитками, закрыты и в данное время некоторые вообще не функционируют, вследствие запрещения продажи спиртных напитков. Со второй половины 1914 г. в виду запрещения на торговлю спиртными напитками количество преступлений и проступков значительно уменьшилось и весьма изредка на улице можно встретить выпившего и то последнее явление происходит только из-за контрабандного привоза спирта из пределов Маньчжурии" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 139. Л. 2). Пристав 2-й полицейской части в отчёте за 1914 г. писал, что "...с воспрещением продажи спиртных напитков рабочее население пришло в более нормальное состояние. Преступность в цифрах хотя и не убавилась, но имеет уже не такой тяжкий характер, как в предыдущие года, арестное же помещение за это время остаётся совершенно свободным от лиц, задерживаемых до вытрезвления" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 139. Л. 5об.-6).

Реакция местного населения на нововведение, нарушившее привычный образ жизни, была различной – от полной и безоговорочной поддержки до негласного сопротивления. Местная общественность на волне патриотического подъёма поддержала политику правительства, важнейшим фактором выступало отношение российской интеллигенции к пьянству народа как злу, которое надо искоренять введением начального образования, пропагандой полезного времяпровождения и здорового образа жизни. Общественные организации и думы дальневосточных городов принимали резолюции в поддержку "сухого закона". В конце 1914 – начале 1915 г. думы Владивостока, Благовещенска, Хабаровска и Николаевска-на-Амуре подали ходатайство на имя Приамурского генерал-губернатора об отмене торговли спиртными напитками навсегда" [1. 23 янв.; 2. 27 марта].

Однако многочисленные факты свидетельствовали, что введение сухого закона, если и поддерживалось, то больше в виде ритуальных верноподданнических практик. Как и на всей территории страны, в регионе сразу после введения "сухого закона" стали фиксировать разного рода нарушения его. В Амурской и Приморской областях при проницаемости российско-китайской границы с прекращением производства спиртных напитков на российской территории наблюдался быстрый рост контрабанды спиртных напитков из приграничных районов Маньчжурии, некоторые селения превратили "подвоз спирта в профессию" [5, с. 56-57; 11, с. 102; 17, с. 202-208]. Открытое недовольство выражали владельцы винокуренных заводов и виноторговцы, терпевшие значительные убытки в условиях и без того тяжёлого экономического положения в регионе [2, 2 янв.; 5, с. 55]. Сразу после введения запрета в управы городов посыпались заявления от предпринимателей, торговавших спиртными напитками, на "сложение" или уменьшение трактирных сборов, на снятие недоимок по сборам ввиду убытков и "плачевного" состояния торговли (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 254. Л. 323-323об., 374об.-375).

Война вызвала дополнительные расходы на выплаты жалованья служащим, призванным в войска, помощь беженцам, закупки продовольствия и прочие экстренные нужды. Помощь "терпящим нужду" в виду запрета на торговлю спиртными напитками не была приоритетом для городского самоуправления. Торговцам приходилось выживать самим, и они выживали, де-

монстрируя изобретательность и нежелание соблюдать запреты, приводившие их к разорению. Изобретательность торговцев по сокрытию спиртных напитков не знала предела – их зарывали в землю, прятали на чердаках, в подвалах, размещали не в торговых залах, а в смежных жилых помещениях, но часто просто игнорировали запрет и нелегально продавали алкоголь в столовых, чайных, харчевнях, гостиницах, также изощённо действовали контрабандисты – провозили контрабанду в специальных поясах, прятали в бочки с квашеной капустой, солёной рыбой и пр.

Находчивость городских обывателей была поистине удивительна: они употребляли суррогаты и китайскую или корейскую водку вместо русской, выезжали на китайскую сторону и потребляли ханшин там, выпрашивали рецепты у врачей и приобретали спирт и вина в аптеке, нелегально производили спиртные напитки на дому и содержали тайные притоны для их потребления и пр. Владивостокская газета "Далёкая окраина" все военные годы была переполнена заметками о нелегальной торговле спиртным в столовых, трактирах, лавках, о составлении протоколов за появление в пьяном виде в общественных местах, об отравлении политурой, денатурированным спиртом, борцом, шпанскими, об обнаружении полицией тех или иных нарушений, что говорит как о масштабах нарушений, так и об интенсивной работе местной полиции [2. 6, 9, 14, янв., 3, 8, 11, 22, 24, 25, 27 февр., 15, 17, 18, 27, 28, 29, 31 марта, 1, 3, 6, 9, 10, 11, 16, 18, 25 апр., 8, 14, 16, 21, 23, 27, 30 мая, 20, 23, 24, 25, 27 июня, 1, 3, 8, 9, 11, 15, 23, 26, 29 июля, 13, 19, 23, 26 авг., 6, 11, 25 сент., 11, 13, 15, 22 окт.].

На практики обхода запретов накладывала отпечаток и такая особенность Владивостока, как присутствие большого числа азиатских мигрантов. Производство китайских и корейских национальных пьянящих напитков – сули, кваксы, ханшина – приняло "промышленные масштабы". В местных столовых и трактирах вместо водки и разведённого спирта стали предлагать сули – бутылка по 1 руб., а её выгонка обходилась в 6-7 коп. [2. 21, 27 мая, 7 июня]. В циркулярном письме и.д. полицмейстера Владивостока Л.П. Тауца от 14 февраля 1915 г. приставам и полицейским указывалось: в городе "развились продажа корейцами своего национального спиртного напитка, под названием "квакса" ... напиток этот по крепости мало уступает водке и публика, в особенности рабочий люд, довольно охотно покупают кваксу и конечно напиваются". Приставам предлагалось принять "все зависящие меры, чрез посредство чинов наружной полиции, вверенных им участков, к поимке продавцов-корейцев кваксой и торговцев – политурой и лаком без разрешения и привлекать их к ответственности в административном порядке" (РГИА ДВ. Ф515. Оп. 1. Д. 14. 508 Л. 75а-75а об.).

Запасы спиртного в домах и лавках горожан, выявленные в ходе полицейских проверок, потрясают воображение: 10 августа в погребе-кладовой при пашлычной Григорова было обнаружено около 33-х вёдер виноградного вина (в бутылках и баллонах) и чуть больше 1 ведра спирта [2. 12 авг.]. 30 августа из кладовой дома № 213 по Николаевскому проспекту у домовладельца А. Сенжина украли 27 ящиков коньяка [2. 1 сент.]. 30 сентября 1915 г. на углу Китайской и Пекинской улиц задержали ломового извозчика, перевозившего домашние вещи, в них оказались припрятанными 118 бутылок и 57 полбутылок разных вин [2. 1 окт.]. И таких примеров можно привести бесчисленное множество.

Неудивительно, что сухой закон значительной частью населения был встречен весьма прохладно, пьянство в довоенное время в дальневосточных городах было не просто повсеместным явлением и нередко принимало безобразные формы, а воспринималось населением едва ли не в качестве социальной нормы. Можно, конечно, допустить склонность местной прессы к преувеличению, созданию гипертрофированного образа местных обывателей. Позволю себе привести лишь одну цитату из многочисленных публикаций о нравах в дальневосточных городах. Автор "Комар" на страницах газеты "Дальний Восток" весьма нелестно характеризовал нравы Владивостока: "Ну уж и пили мы вчера! – повествует один обыватель другому каким-то хрипловатым "шепотком", явно свидетельствующим, что выпито, действительно, было в надлежащую. Черт знает, как пили и что пили! Водку пили, пиво пили, "медведя" давили, потом опять принялись за водку... На почве таких выпивок, доводящих

человека до полного скотоподобия, и процветают разные местные "Калинки", "Малинки", "Колхиды" и т.п. – где пьяное свинство доходит до своего апогея и ликует в своём безобразии, уже не стесняясь, открыто, – приправленное такими же "пьяными" праностями, в виде свихнувшихся крестьянских баб и солдаток..." [3. 26 февр.].

Региональные власти реагировали на многочисленные нарушения закона введением новых запретов, фактически все военные годы непрерывно издавались все новые постановления, рассылались циркуляры, направленные на борьбу с очередными нарушениями закона. Это напоминало своеобразное "латание дыр", "штопанье прорех": власти издавали постановления, касавшиеся одних нарушений, тут же появлялись другие – и это требовало новых приказов. По ним можно судить об изобретательности населения, стремившегося оставить себе свободное пространство выбора в условиях все усиливавшегося давления государства и ухудшающихся условий жизни.

28 августа 1914 г. Военный губернатор Приморской области (далее ВГПО) А. Д. Сташевский разослал на места циркуляр № 49584, где указывал, что в области "сильно развита тайная продажа крепких напитков населению и нижним чинам" и требовал для "искоренения зла... должностным лицам... учредить самое строжайшее наблюдение за недопущением ввоза и распространения среди населения и нижних чинов контрабандного спорта и других крепких напитков. ... принять самые энергичные меры к прекращению вообще корчемства среди населения и тайной продажи спиртных напитков... Виновных в распространении тайной продажи крепких напитков немедленно задерживать и доносить мне для наложения взыскания" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 66. Л. 96).

Обязательное постановление ПГГ от 13 ноября 1914 г. № 701 запрещало отпуск из аптек, аптекарских магазинов и торговых заведений древесного спирта и спиртового лака; постановлением от 9 января 1915 г. № 1 к ним была добавлена политура. Продажа технических средств допускалась только по предъявлении покупателями удостоверения от полиции, свидетельствующего, что они необходимы "для хозяйственных или техническо-промышленных целей" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 14. Л. 67; Ф. 702. Оп. 1. Д. 663. Л. 27, 28.); его же постановление от 2 сентября 1915 г. № 9 запрещало "изготовление, приобретение, сбыт и хранение предметов, специально приспособленных для переноса тайным образом спирта и вообще спиртных напитков" [15. 1915. 8 сент.] (РГИА ДВ. Ф. 7 02. Оп. 1. Д. 663. Л. 37).

В январе 1915 г. власти обратили внимание на повсеместную продажу спиртных напитков из аптек. 13 января 1915 г. ПГГ сообщил военному губернатору Приморской области, что "аптеки и аптекарские магазины отпускают в неумеренном количестве спиртные напитки, сделав их предметом торговли". 18 января губернатор сделал "надлежащее указание правительственным гражданским врачам, владельцам и управляющим аптек области". Однако, видимо, оно не принесло должного результата, потому что генерал-губернатор повторил своё требование 23 января, а губернатор в циркуляре от 9 февраля 1915 г. распорядился аптекам, аптекарским складам и магазинам отпуск спиртных напитков, выписку винного спирта врачами для больных по рецептам ограничить 50 гр. для внутреннего употребления и 100 гр. для наружного для одного больного; прочих вин, перечисленных в аптекарской таксе, – 400 мл. Приобретение из складов и магазинов аптеками вин и спирта производилось исключительно по удостоверениям Врачебного управления. В прошениях о разрешении приобрести нужное аптеке количество вина и спирта, подаваемых во Врачебное отделение Приморского областного правления, аптекари должны были указать, когда в последний раз, сколько именно было разрешено приобрести и каких именно напитков, куда и сколько их израсходовано и сколько имеется на лицо к моменту подачи прошения. Аптеки должны были завести "особую материальную книгу прихода и расхода спиртных напитков" и представлять её ежемесячно между 1–5 числом в г. Владивостоке во Врачебное Отделение областного правления, в прочих городах городовым, а в уездах уездным врачам, вместе с рецептами и другими документами на просмотр соответствия записи расходам. Аптекам запрещалось "отпускать вина и спирт по каким-либо запискам врачей", только по рецептам (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 14. Л. 75).

ли последнее с торговым залом непосредственное сообщение" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 79. Л. 111-111об.).

Этот шквал приказов создаёт стойкое ощущение, с одной стороны, что власть уповала на рассылаемые бумаги и приказы как на меру, которая могла как-то исправить ситуацию, с другой – осознание бессилия власти в борьбе с практиками сопротивления населения. Издание многочисленных распоряжений, посвящённых борьбе с нарушителями сухого закона, не было исключительным явлением, а вероятно, лишь одним из проявлений усилившейся бюрократизации. Бесконечные отчёты и ответы на запросы вышестоящих инстанций требовали от полицеймейстеров и полицейских приставов значительного времени, которое приходилось отнимать от реальной борьбы с нарушителями и преступниками. Так что остаётся большим вопросом, что было причиной неэффективности – низкий уровень исполнительской дисциплины или невозможность выполнить колоссальный объем работы?

Среди населения было немало местных общественных деятелей и рядовых обывателей, поддерживавших введение "сухого закона". На страницах местной прессы регулярно появлялись публикации о вреде пьянства, положительном воздействии сухого закона на здоровье и "нравственное состояние нации" [2. 22 июня]. Безымянный автор статьи "Борьба с зелёным змием" признавал, что "местами горько пьют древесный и денатурированный спирт, политуру, одеколон, кислушку (из мела), настойки из одурманивающих грибов, практикуют домашнюю варку пива... отравляются кое-где и другими суррогатами, ищут выхода в игре в карты, которая по свидетельству наблюдателей народной жизни, получает широкое распространение..." и подчёркивал острую необходимость просветительства среди населения о вреде алкогольных напитков [2. 15 янв.].

У полиции появились добровольные помощники в борьбе с торговлей спиртными напитками: среди делопроизводственной переписки немало встречается обращений горожан, указывавших на нарушителей и требовавших их наказать. В конце июля 1915 г. на имя Коменданта крепости гор. Владивостока поступило анонимное письмо: "... В крепости у Вас идёт тайная, но и вполне явная торговля спиртными напитками. До того явная, что даже пьяница приводит в смущение. Городской сад "Веранда" каждому посетителю предлагают водку и другие напитки, подают в бутылках из под Ситро, берут два руб. за бут., коньяку 8 руб. Счётов теперь не дают так как их нужно оплачивать марками, записи делают на бумаге. Торгует буфетчик и на вынос, склад видимо при саде. Сидит тут же и околоточный, но он ничего (старается) не видеть, ведь им это очень выгодно. Лакей заявляет, что два раза попались, но выкрутились "ничего". В саду "Италия" идёт, как и в городском саду, торговля вином во всех шашлычных подвалах. Номера Ефимова (бывшие) по Китайской улице, склад вина. Ресторан "Золотой Рог" пожалуйста сколько угодно. А вот и мелкое учреждение для солдатиков. Лавчонка против трамвайного парка. Солдат обирают, за стаканчик один руб. Офицерство особенно пользуется большим доверием в этих садах, т.к. не опасно, положиться можно. Если зайти на веранду и подойти к столику офицера, то пожалуйста что угодно найдёте, а от суда (отсуда) взяв 2-3 полбутылки идут в шантан (где между прочим Вам ничего не дадут спиртного, но вносят не препятствуют) и идёт там веселье, а иногда и безобразия. ... Не повторились ли бы Московские дела у нас в крепости. Вино обогащает 10 подлецов, но и возбуждает 1000" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 141. Л. 45.). Это письмо комендант переслал губернатору области, который в свою очередь распорядился произвести расследование и внезапные обыски во всех заведениях, указанных в переписке, а о результатах доложить (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 141. Л. 45об.). Среди архивных материалов по сухому закону выявлены не только анонимные, но и подписанные письма с требованиями прекратить пьяные безобразия в ресторанах и шашлычных и подозрения в подкупе полицейских чинов, которые закрывают глаза на творящиеся безобразия (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 14. Л. 278-279об.).

После Февральской революции 1917 г. Временное правительство оставило в силе все ограничения, действовавшие в рамках сухого закона. Постановлением Временного правительства 27 марта 1917 г. была запрещена повсеместно в России продажа "для питьевого потребления крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ из каких бы припасов

и материалов и какими бы способами эти напитки и вещества ни были приготовлены" [16, с. 115-117]. Во Владивостоке, как и других городах, борьбу с торговлей спиртными напитками и пьянством взяли на себя Комитет общественной безопасности, исполком Совета рабочих и солдатских депутатов, органы городского самоуправления. Они публиковали воззвания к населению, в дополнение к общероссийским распоряжениям издавали местные нормативные документы, направленные на борьбу с контрабандой спиртных напитков, торговлей и употреблением их. На третьем заседании КОБа Приморской области 7 марта 1917 г. было принято решение о создании секции по борьбе со спиртными напитками. 15 марта 1917 г. на страницах "Известий КОБа Приморской области" было опубликовано воззвание этой секции к населению. В дальнейшем КОБ ещё не раз поднимал вопросы борьбы с пьянством [4. 12, 15 марта, 3 мая].

Октябрьский переворот в Петрограде привёл к массовым пьяным пограмм, разгулу анархии, преступности и вынудил большевиков принимать экстренные меры для борьбы с этим явлением. Несмотря на существовавший запрет, власть столкнулась с пьяными погромами, принявшими в некоторых регионах масштабы катастрофы, деморализация власти привела к пьяной вакханалии [9, с. 196-206; 10, с. 73]. Большинство мер СНК были нацелены не столько на борьбу с пьянством и производством спиртных напитков, сколько с пьяными погромами, спекулянтами, крестьянами, уклонявшихся от сдачи зерна государству и пускавшими его на производство самогона.

На Дальнем Востоке в период с октября 1917 г. и до июля 1918 г. наряду с Советами продолжали действовать запрещённые на территории, подконтрольной СНК, земские и городские самоуправления. В отношении торговли и употребления спиртных напитков в регионе действовали законы Временного правительства и издавались местные нормативные акты. 30 ноября 1917 г. Владивостокская городская дума издала "согласно ст.108 Городового Положения п.п. 17, 26 и 28" два обязательных постановления "О ликвидации оставшихся на водочных заводах и в торговых заведениях всех водочных изделий и спиртовых морсов (настойки)" и "По борьбе с пьянством в гор. Владивостоке". Первым предлагалось "всем владельцам спирта и водочных изделий в городе Владивостоке в течение одного месяца со времени опубликования означенного распоряжения хлебное вино в 40 % в розливе, водочные изделия (коньяки, ликёры, наливки, настойки) вывезти для продажи или на хранение за границу в Японию со сложением акциза при соблюдении акцизных и таможенных формальностей; спирт же и хлебное вино в 40 %, хранящееся в бочках, передать в склад секции для денатурирования по цене, установленной Правительством для конфискованных напитков 8 коп. за градус со сложением акциза или денатурировать их на местах в своих складах с обязательством продажи такового, установленной Городскою Управою". В случае неисполнения распоряжения к указанному сроку, спирт и хлебное вино в 40 % реквизируются для денатурации; водочные же изделия уничтожались "без всякого вознаграждения от казны" (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 767. Л. 32).

Второе постановление запрещало продажу "спиртных и спиртосодержащих напитков в трактирных заведениях, ресторанах, бильярдных, шашлычных, в залах общественных собраний, театрах, кофейных и других заведениях, открытых для посещения публики", в случае обнаружения продажи, хранения и распития нарушителям грозила конфискация напитков и закрытие заведений (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 767. Л. 33, 36). С объявлением себя единственной властью во Владивостоке 25 января 1918 г. Исполком Советов рабочих и солдатских депутатов издал постановление, в котором говорилось, "что лица, занимающиеся продажей спиртных напитков, предаются суду с конфискацией имущества" (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 808. Л. 149).

Нововведением революционного времени стало образование в городе Секции по борьбе со спиртными напитками при КОБе, затем Комиссии и летучего отряда по борьбе с пьянством во главе с Бадариным, подчинявшихся Исполкому Совета. Летучий отряд выявлял нарушителей среди торговцев, содержателей ресторанов и столовых, составлял протоколы и представлял их в Исполком Совета, проводил облавы, реагировал на сигналы населения. Владивостокский Совет рабочих депутатов предлагал начальнику городской милиции в случае обнаружения нарушений лиц, занимавшихся продажей

спиртных напитков, предавать суду с конфискацией имущества, а рестораны и столовые "немедленно конфисковать и передать со всем инвентарём в распоряжение Областного Комитета Биржи Труда для устройства в них дешёвых столовых, крайне необходимых для безработных и беднейшего населения города" (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 808. Л. 149-149об.). Несмотря на смену правительства, население продолжало игнорировать запреты, распивало спиртные напитки не только в ресторанах, трактирах, торговавших ими нелегально, но и устраивало тайные притоны в частных квартирах, на борту пароходов, стоявших на рейде (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 808. Л. 62-62об.).

Введение сухого закона на Дальнем Востоке, как и в стране в целом, наряду с его масштабным одобрением в виде верноподданнических телеграмм благодарности, многочисленных собраний с резолюциями поддержки, постановлений городских дум о запрете торговли спиртным навсегда, встретило и сопротивление населения – часто не проговариваемое, но от этого не менее действенное. Мера, направленная на уменьшение погромов и беспорядков в военное время, привела к сохранению пьянства с замещением привычных спиртных напитков суррогатами, контрабанде и нелегальному производству спиртных напитков. Лишение русского человека традиционного средства релаксации, предпринимателей – доходов, а казны – значительных финансовых поступлений в условиях военного времени было явно непродуманным решением имперской власти. Свершившаяся революция и приход к власти Временного правительства, а затем Совнаркома мало что изменило в отношении сухого закона и его нарушений: власть продолжала запрещать, население нарушать. Предприниматели Владивостока продолжали изготавливать, нелегально ввозить из заграницы, хранить и продавать, городской обыватель и военные всех родов войск – употреблять спиртные напитки. Население в условиях нарастающего давления власти оставляло себе свободное пространство выбора, препятствовало вторжению регламентирующих норм в свою жизнь, постоянно изобретая все новые способы обхода запретов. Подобное поведение рядового обывателя, скорее всего, было не сознательным протестом против власти и её требований, а бессознательным способом нормализации повседневности, стремлением жить обычной жизнью с привычными радостями и удовольствиями, своеобразным своеволием, протестом против ухудшающихся условий жизни, дороговизны, жестокости войны, стресса. Представители же власти демонстрировали стойкое непонимание бесполезности вала приказов, если надзор за их исполнением полиция и сменившая её милиция не могли осуществлять в виду малочисленности штатов, загруженности бумажной работой и многочисленности, даже тотальности, нарушений. Введение сухого закона в России и повседневные практики сопротивления населения этому нововведению являются прекрасной иллюстрацией невозможности директивного и быстрого изменения привычного образа жизни.

Литература

1. Амурский лиман. Николаевск-на-Амуре, 1915.
2. Далёкая окраина. Владивосток, 1915.
3. Дальний Восток. Владивосток, 1895.
4. Известия Комитета общественной безопасности Приморской области. Владивосток, 1917.
5. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999. 365 с.
6. Казаковцев С.В. Вятская губерния в 1914-1917 гг.: война, власть и население // Новый исторический вестник. 2009. № 2 (20). С.18–25.
7. Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. 271 с.
8. Мак-Ки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России: 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного коллоквиума. СПб., 1999. С. 147–159.
9. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. 632 с.
10. Николаев А.В. Антиалкогольные кампании XX века в России // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 67–78.
11. Обзор Приморской области за 1914 год. Владивосток, 1916. 106 (79) с.

12. Пашков Е.В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 80–93.
13. Позняк Т.З. Динамика общественных настроений в городах российского Дальнего Востока в годы Первой мировой войны // Вглядываясь в прошлое: Мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России. Владивосток: ДВО РАН, 2015. С.136–169.
14. Приамурские ведомости. Хабаровск.
15. Приамурское генерал-губернаторство в годы Первой мировой войны: штрихи времени, голоса современников. Документы и материалы. Владивосток: РГИА ДВ, 2014. 279 с.
16. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Петроград, 1917. Вып. 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. 555 с.
17. Устюгова О.А. Контрабандная торговля спиртными напитками на Дальнем Востоке накануне и в годы Первой мировой войны // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны. Владивосток, 2016. С. 202–208.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Amurskij liman. Nikolaevsk-na-Amure, 1915.
2. Dalyokaya okraina. Vladivostok, 1915.
3. Dal'nij Vostok. Vladivostok, 1895.
4. Izvestiya Komiteta obshhestvennoj bezopasnosti Primorskoj oblasti. Vladivostok, 1917.
5. Ikonnikova T.YA. Dal'nevostochnyj tyl Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny. Khabarovsk, 1999. 365 s.
6. Kazakovtsev S.V. Vyatskaya guberniya v 1914-1917 gg.: vojna, vlast' i naselenie // Novyj istoricheskij vestnik. 2009. № 2 (20). S.18–25.
7. Lyudtke A. Istoriya povsednevnosti v Germanii: Novye podkhody k izucheniyu truda, vojny i vlasti. M.: ROSSPEHN, 2010. 271 s.
8. Mak-Ki A. Sukhoj zakon v gody Pervoj mirovoj vojny: prichiny, kontseptsiya i posledstviya vvedeniya sukhogo zakona v Rossii: 1914–1917 gg. // Rossiya i Pervaya mirovaya vojna: Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma. SPb., 1999. S. 147–159.
9. Narskij I.V. ZHizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg. M., 2001. 632 s.
10. Nikolaev A.V. Antialkogol'nye kampanii XX veka v Rossii // Voprosy istorii. 2008. № 11. S. 67–78.
11. Obzor Primorskoj oblasti za 1914 god. Vladivostok, 1916. 106 (79) s.
12. Pashkov E.V. Antialkogol'naya kompaniya v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny // Voprosy istorii. 2010. № 10. S. 80–93.
13. Poznyak T.Z. Dinamika obshhestvennykh nastroyenij v gorodakh rossijskogo Dal'nego Vostoka v gody Pervoj mirovoj vojny // Vglyadyvayas' v proshloe: Mirovyje vojny XX veka v istorii Dal'nego Vostoka Rossii. Vladivostok: DVO RAN, 2015. S.136–169.
14. Priamurskie vedomosti. Khabarovsk.
15. Priamurskoe general-gubernatorstvo v gody Pervoj mirovoj vojny: shtrikhi vremeni, golosa sovremennikov. Dokumenty i materialy. Vladivostok: RGIА DV, 2014. 279 s.
16. Sbornik ukazov i postanovlenij Vremennogo pravitel'stva. Petrograd, 1917. Vyp. 1. 27 fevralya – 5 maya 1917 g. 555 s.
17. Ustyugova O.A. Kontrabandnaya trgovlya spirtnymi napitkami na Dal'nem Vostoke nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny // Dal'nij Vostok Rossii i strany Vostochnoj Azii nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny. Vladivostok, 2016. S. 202–208.

Позняк Т.З. "Сухой закон", региональные власти и население Владивостока в период Первой мировой войны и Революции 1917 г.

Статья посвящена деятельности региональной администрации по введению в действие "сухого закона" и повседневным поведенческим практикам рядовых горожан, направленным на обход, игнорирование введшихся запретов на торговлю и употребление спиртных напитков. Введение новых запретов и ужесточение наказаний, призванных прекратить нарушения, не приводило к ожидаемым результатам, а вызывало лишь новые способы обхода запретов. Население Владивостока продолжало изготавливать, нелегально ввозить из-за границы, хранить, продавать, употреблять спиртные напитки. Подобное поведение, скорее всего, было не сознательным протестом против власти и её требований, а бессознательным механизмом нормализации повседневности, попыткой сохранить привычную жизнь с привычными радостями и удовольствиями, своевольным упрямством, обеспечивавшим свободу выбора в условиях нарастающего давления власти, своеобразным протестом против ухудшающихся условий жизни, дороговизны, жестокости войны, стресса.

Ключевые слова: *сухой закон, Первая мировая война, революция 1917 г., история повседневности, Владивосток, полиция, региональная администрация, общество*

Poznyak T.Z. The Prohibition of alcohol, regional authorities and the population of Vladivostok during the World War I and the Russian Revolution 1917

The article is devoted to the regional administration activities on the implementation of the Prohibition of alcohol and everyday behavioral practices of ordinary citizens, aimed at circumventing, ignoring the imposed prohibitions on trade and consumption of alcoholic beverages. The introduction of new bans and tightening of punishments designed to stop violations did not lead to the expected results, but it was caused only new ways of circumventing bans. The population of Vladivostok continued to produce, to illegally import, to store, to sell, and to drink alcoholic beverages. Such behavior, most likely, was not a conscious protest to the authorities and their demands, but an unconscious mechanism for the normalization of everyday life, an attempt to preserve the familiar life with customary joys and pleasures, self-willed stubbornness, providing freedom of choice in the face of mounting power pressure, a kind of protest deteriorating living conditions, high cost, cruelty of war, stress.

Key words: *Prohibition of alcohol, World War I, Russian Revolution of 1917, the history of everyday life, Vladivostok, regional administration, policy, society*

Для цитирования: Позняк Т.З. "Сухой закон", региональные власти и население Владивостока в период Первой мировой войны и Революции 1917 г. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 3. С. 61–71. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/61-71

For citation: Poznyak T.Z. The Prohibition of alcohol, regional authorities and the population of Vladivostok during the World War I and the Russian Revolution 1917 // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 3. P. 61–71. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/61-71

УДК 001.38:62

Хисамутдинова Н.В.

Из Владивостока – в Америку: к 125-летию со дня рождения инженера А. М. Понятова (1892–1980)

Об инженере Александре Матвеевиче Понятове, прославившемся благодаря своим изобретениям в США, в России долгое время ничего не писали, как и о других русских эмигрантах с подобной судьбой. С одной стороны, вопросы эмиграции были под запретом по идеологическим причинам, а с другой, проводить исследования мешала труднодоступность зарубежных материалов. Даже с окончанием "холодной войны" и появлением возможности исследователям из России работать в архивах и библиотеках других стран поиск биографических сведений остаётся сложной задачей. Лишь немногие эмигранты оставили воспоминания или дневники, жизнеописания других приходится собирать по крупицам, отыскивая факты их биографий в различных источниках: архивных коллекциях, музейных экспозициях, периодической печати.

Сведения об Александре Матвеевиче Понятове также разрознены. Его анкета, заполненная для Клуба русских инженеров в Лос-Анджелесе, имеется в коллекции Русско-Американского культурно-просветительского общества Музея русской культуры (Сан-Франциско). В ежегодных отчётах Клуба русских инженеров имя Понятова упоминается среди лиц, выступивших в Клубе с лекциями, и благодетелей. О нём часто писала и пресса, особенно русская: Понятов был известен в русской общине как активный общественный деятель.

Несмотря на появление в последние годы в России ряда публикаций о Понятове и его деятельности в США [1; 2; 5], тема эта не утратила актуальности благодаря обнаружению новых источников. Они позволяют уточнить биографические данные и узнать новые подробности жизни русского инженера в эмиграции.

А.М. Понятов (Alexander Poniatoff) (25 марта 1892 г., Казанская губ. – 24 октября 1980, г. Санта Клара (Калифорния) получил инженерное образование в Высшем политехникуме г. Карлсруэ (Karlsruhe), старейшем высшем техническом учебном заведении Германии. Туда он уехал из Москвы, опасаясь ареста: студентом Императорского Московского технического училища (ныне Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана) он участвовал в студенческих политических демонстрациях (МРК, РАКПО, Анкета А.М. Понятова)¹.

В политехникуме Понятов прошёл обучение по двум специальностям, инженера-механика и электротехника, и возвращаться в Россию, судя по всему, не торопился. В 1913 г. родные переслали ему повестку о призыве на военную службу, но молодой инженер её проигнорировал. С началом Первой мировой войны он бежал из Германии в Бельгию, а затем в Англию, откуда русское посольство всё-таки отправило его на родину. Понятов поступил на службу в военно-морской флот, и, окончив лётную школу, служил во время войны в морской авиации, летая на гидросамолёте. Дальнейшей карьере лётчика помешало тяжёлое ранение, полученное во время аварии, после которого пришлось долго лечиться. В Гражданскую войну Понятов в чине поручика присоединился к белым частям. Он воевал на Восточном фронте в армии генерала В. О. Каппеля и, отступая с войсками зимой 1920 г. через Сибирь на

¹ МРК – Музей русской культуры (г. Сан-Франциско);
РАКПО – Коллекция Русско-Американского культурно-просветительского общества

Дальний Восток, стал участником знаменитого Ледяного похода через Байкал [6, с. 3].

Владивосток был последним российским пристанищем для остатков белых формирований. В октябре 1922 г., перед самым приходом сюда частей Народно-революционной армии, несколько тысяч беженцев ушли в Корею, а затем в Шанхай на кораблях Сибирской флотилии под командованием контр-адмирала Ю.К. Старка: воинские части, кадетские корпуса, учреждения Морского ведомства, члены офицерских семей – более двадцати переполненных судов. В Шанхае пути эмигрантов разделились. Моряки Сибирской флотилии через некоторое время отправились в Манилу, а оттуда на американском "Меррите" в Сан-Франциско. Большинство же беженцев, в том числе и Понятов, остались в Шанхае. Он нашёл место помощника инженера в Шанхайской энергетической компании (Shanghai Power Company) и работал там до 1927 г. пока не получил возможность отправиться дальше – сначала во Францию, где оставался недолго, а затем в Америку. В первые годы Понятов жил в Нью-Йорке и работал инженером в научно-исследовательском отделе компании "Дженерал Электрик" (General Electric Company) в соседнем промышленном городке Скенектади (Schenectady). К 1932 г., времени получения американского гражданства, он переехал в Калифорнию, где женился на американке Хейзел Гесс (Hazel Hess), которую и он, и друзья звали по-русски Еленой. Супруги поселились в маленьком городке Атертоне в 50 км от Сан-Франциско. С ними жили и племянницы Понятова, которым он в период Гражданской войны помог вовремя перебраться на Дальний Восток (МРК. Коллекция РАКПО. Анкета А.М. Понятова). Вероятно, в Америку они приехали в 1920-е гг. из Харбина в составе одной из студенческих групп: США охотно давали визы молодым русским эмигрантам, желавшим получить образование в американских учебных заведениях.

Понятов сначала работал инженером в Тихоокеанской газозлектрической компании (Pacific Gas and Electric Company), а потом перешёл на завод компании Dalmo-Victor Westinghouse, выпускавший электрооборудование для самолётов. И та, и другая должности были связаны с исследованиями, которым инженер посвящал и всё свободное время после работы, проводя эксперименты в своём гараже. В 1944 г. Понятов организовал собственное производство и стал изготавливать комплектующие для авиационных радиолокационных станций, которые производила Dalmo-Victor.

Вскоре направление деятельности пришлось поменять: после окончания войны заказов у Dalmo-Victor значительно поубавилось, и в 1946 г. компания Понятова, в которой числилось всего несколько человек, переключилась на выпуск электромеханических устройств, электродвигателей и генераторов. А ещё через год произошло событие, которое заставило вновь изменить производство и стал изготавлять комплектующие для авиационных радиолокационных станций, которые производила Dalmo-Victor.

Вскоре направление деятельности пришлось поменять: после окончания войны заказов у Dalmo-Victor значительно поубавилось, и в 1946 г. компания Понятова, в которой числилось всего несколько человек, переключилась на выпуск электромеханических устройств, электродвигателей и генераторов. А ещё через год произошло событие, которое заставило вновь изменить производство и стал изготавлять комплектующие для авиационных радиолокационных станций, которые производила Dalmo-Victor.

Идея магнитофона в то время была уже не нова. Начиная с Т.А. Эдисона, создавшего в 1877 г. фонограф, попытки записи звука предпринимались регулярно. Другой американец, инженер Оберлин Смит (Oberlin Smith), экспериментируя с фонографом, разработал принцип магнитной записи. Его статьёй "Некоторые возможные формы фонографа" (Some Possible Forms of Phonograph), напечатанной в 1889 г. нью-йоркским журналом "Электрический мир" (Electrical World), заинтересовался датчанин Вальдемар Поульсен (Valdemar Poulsen). Он изготовил в 1895 г. первое устройство для магнитной записи, телеграфон, используя в качестве носителя звука стальную проволоку.

Немецкий изобретатель Курт Штилле (Kurt Stille) пошёл ещё дальше: в 1903 г. он усовершенствовал телеграфон Поульсена, добавив электронный усилитель. В качестве звуконосителя он оставил стальную проволоку, заменив её позднее на стальную ленту, которая меньше рвалась и путалась. Другой немецкий инженер, Фриц Пфлеймер (Fritz Pfelemer), в 1927 г. использовал идею Поульсена о возможности записывать звук не на металл, а на бумажную

ленту, покрытую железным порошком. Она хорошо намагничивалась и была относительно дешёвым материалом, а качество звукозаписи обеспечивала высокое. Такую плёнку стала использовать немецкая фирма AEG в первом коммерческом устройстве для магнитной записи "Магнетофон-K1", впервые показанном публике в 1935 г.

Усовершенствованная модель этого аппарата и попала после войны в Америку, где в то время тоже велись разработки по звукозаписи, но технология отличалась от немецкой. В США отработывали запись звука на диск из толстой пластмассовой плёнки, и уже всё было подготовлено для массового выпуска соответствующих профессиональных и бытовых аппаратов.

Звукозаписывающую аппаратуру принципиально нового типа, одной из первых в США, начала конструировать компания Понятова Ampex Electric Corporation. Первые буквы в названии – это его собственные инициалы. Добавленные к ним буквы "ex" исследователи творчества Понятова трактуют по-разному. Одни считают, что это сокращение от "excellent", что в переводе с английского означает "отличный, превосходный", другие связывают их со словом "experimental" (экспериментальный). Оба варианта выглядят одинаково приемлемыми: продукция понятовской компании была, действительно, и экспериментальной, и отличной.

В группу из четырёх инженеров-разработчиков вошёл и Муллин, а в качестве главного конструктора Понятов пригласил Линдсея. Работал с Понятовым и другой русский инженер, Мирон Столяров (Miron Stolaroff) [8, p. 220]. У компании Понятова имелись и конкуренты. Кроме его группы над звукозаписывающим аппаратом на основе немецкой технологии работала и другая научно-изобретательская американская фирма – Brush Development Company. Первый катушечный магнитофон Soundmirror BK 401, предназначенный для бытового применения, она выпустила уже в 1946 г., когда Ampex только искал подходы к теме.

Наличие конкурентов не смущало Понятова и его единомышленников: Ampex делал расчёт не на индивидуальных потребителей, а на широкий рынок профессиональной аппаратуры, где, правда, тоже имелся соперник, инженер-электрик и изобретатель Ричард Хоуланд Рейнджер (Richard Howland Ranger), получивший к тому времени известность разработками электронных музыкальных инструментов и изобретением факсимильной связи. В основу его звукозаписывающего аппарата, "Рейнджерфона", тоже легли немецкие технологии, с которыми инженер познакомился во время Второй мировой войны в Германии.

В октябре 1947 г. в Радиоцентре Голливуда компания Понятова впервые представила публике свой магнитофон Ampex 200A, а в апреле 1948 г. он поступил в продажу. Аппараты под серийными номерами 1 и 2 купил знаменитый американский эстрадный певец и актёр Бинг Кросби. Он был недоволен качеством записи на диски и быстро оценил преимущества магнитной ленты, особенно то, что запись радиопрограммы можно было при необходимости прервать, а потом путём монтажа удалить "пустой" фрагмент плёнки. В этом он убедился ещё во время демонстрации Муллином трофейных аппаратов и заказал такое же устройство Рейнджеру, но качество записи на "Рейнджерфона" его разочаровало. Магнитофон же Понятова ему всем понравился, и он остановил свой выбор на Ampex 200A для записи своего телевизионного шоу сезона 1947–1948 гг. [8, p. 220].

Сотрудники радио- и телестудий видели в новинке немало преимуществ. Звукозапись на ленте можно было монтировать, вырезая ножницами ненужное и склеивая концы. К тому же ленту можно было использовать неоднократно, так как при записи звука предыдущая запись автоматически стиралась с помощью специальной головки. Тем не менее, идея замены прочных и надёжных дисков на тонкую магнитную ленту многим казалась сомнительной, и скептики долго одерживали верх в спорах о том, какой аппарат лучше. Руководство и инженеры радио- и телевизионных студий осторожничали, и магнитофон Понятова поначалу не нашёл широкого спроса. Возможно, одной из причин этого была и высокая цена. Ampex 200A стоил 5,2 тыс. долларов, больше, чем среднегодовая зарплата американца того времени.

Отличную рекламу магнитофону Ampex создал Кросби. После успешного выхода в эфир программы артиста, записанной на плёнку, его представи-

тели обратились к Понятову с крупным заказом на студийные магнитофоны для телевизионных студий сразу нескольких американских штатов. Правда, банки отказали предпринимателю в деньгах на расширение производства: новая технология всё ещё вызывала сомнения, да и фирму тогда никто не знал, и тут вновь помог Кросби, прислав чек на 50 тысяч долларов, большие деньги по тем временам.

Гарольд Линдсей понимал, что их магнитофон должен обладать высочайшими характеристиками, чтобы доказать, что магнитная лента не менее надёжна, чем диски. Очевидцы утверждают, что главному конструктору приходилось убеждать рачительного Понятова в том, что при производстве аппарата им нельзя экономить на материалах и комплектующих, напротив, следует использовать всё самое лучшее: двигатели, металл, бумагу, - чтобы их магнитофон был прочным, надёжным и соответствовал представлениям звукооператоров о высококачественной профессиональной аппаратуре [6, с. 3]. И это удалось.

Фрэнк Маркс (Frank Marx), главный инженер телекомпании ABC (American Broadcasting Company), сообщал в 1948 г., что, записывая концерты Кросби и другие шоу в течение 22 недель на магнитофон фирмы Amrex для повторного воспроизведения их в дневное время, компания достигла существенной экономии и потеряла только три минуты из 2 618 часов эфирного времени [9]. После подобных заявлений скептицизм быстро растаял, и спрос на магнитофоны понятовской фирмы был обеспечен. Вскоре ни одна ширококовещательная компания в США не могла обойтись без них. К маю 1949 г. большинство крупных телевизионных студий США были оборудованы магнитофонами, изготовленными Amrex, а через десять лет эти аппараты разошлись и по миру.

Один из первых аппаратов Amrex, выпущенных в количестве 112 штук, демонстрируется в Музее магнитной записи (The Amrex Museum of Magnetic Recording) при Стэнфордском университете. В течение 31 года этот магнитофон безотказно работал в отделении Национальной ширококовещательной компании (National Broadcasting Company, NBC) в г. Бурбенке (Burbank) (Калифорния) без крупного ремонта и каких-либо усовершенствований. Он мог обеспечить качественную звукозапись даже после того, как NBC заменила эти аппараты на более современную аппаратуру. Как утверждают специалисты, записи, сделанные на Amrex Model 200 в 1948 г., соответствуют и нынешним основным профессиональным критериям [8, p. 221].

Высокое качество магнитофонов Понятова произвело революцию в области звукозаписи и предопределило дальнейшую судьбу фирмы Amrex. Её успешному росту способствовало и начало производства собственной магнитной ленты. Пригодились и прежние контакты с военными заказчиками: им тоже была нужна надёжная аппаратура магнитной записи. Каждый год конструкция магнитофона фирмы Amrex совершенствовалась, и он становился всё дешевле. В 1949 г. Понятов приступил к выпуску аппарата Amrex Model 300, который стоил уже 1550 долларов, а в 1950 г. появилась новая модель стоимостью 985 долларов. С 1954 г. профессиональные магнитофоны приобрели стереозвучание, а через год Amrex создал первую в мире музыкальную стереоаппаратуру для домашнего употребления. В качестве главных характеристик продукции фирмы Понятова отмечали надёжность, долговечность, удобство в эксплуатации.

Техническим усовершенствованиям, которые вели компанию к процветанию, Понятов был во многом обязан Г. Линдсею. Позднее о роли главного конструктора компании писали: "If Alex Poniatoff had wanted to name the one engineer most responsible for Amrex's success over the last 35 years, he would have had to choose that talented man who cared for people above all else" (Если бы Алексу Понятову понадобилось назвать одного единственного инженера, ответственного за успех "Амpekса" на протяжении последних 35 лет, ему бы пришлось выбрать этого талантливого человека, который прежде всего заботился о людях) [8, p. 221].

В начале 1960-х годов число различных моделей Amrex достигло тысячи! [9]. Уже по этой цифре можно судить о том, какую кропотливую работу вела компания, шаг за шагом продвигаясь вперёд. К этому моменту звукозапись в реальном времени пришла и в кинематограф. В 1952 г. в резуль-

тате сотрудничества с кинорежиссёром Майком Тоддом был разработан способ записи звука на киноплёнку, которая позволяла воспроизвести в кино и стереофонический звук, дававший зрителю ощущение реальности. Система звукозаписи Todd-AO motion picture system, несмотря на высокую стоимость, оказалась востребована: многие кинотеатры США стали оснащаться ею. В свою очередь Понятов и его компания Ampex получили премию "Оскар" за технические достижения в области киноискусства от Американской академии кинематографических искусств и наук (Academy of Motion Picture Arts and Sciences) [3].

В 1966 г. по заказу нью-йоркской студии звукозаписи Mirasound Studios Ampex сконструировал первый 16-дорожечный магнитофон, а через год компания начала производство нового варианта этой модели, первого в мире профессионального 16-дорожечного магнитофона. Он быстро завоевал рынок благодаря высокой надёжности и превосходному качеству звука. На счету компании был ещё и 24-дорожечный аппарат, выпущенный в 1979 г., который многие специалисты считают наиболее совершенной моделью. Магнитофон имел очень прочную конструкцию и выдающиеся аудио-характеристики. Пишут, что он мог бы конкурировать по качеству звука с первыми цифровыми аппаратами. Правда, продажи шли неважно из-за высокой стоимости магнитофона: были распроданы только сто штук [7].

Среди технических новинок были и устройство для механического монтажа, и аппарат замедленного воспроизведения сигналов, однако главным достижением Понятова и его помощников стало изобретение профессионального видеоманитофона. Понятов составив очень сильный творческий коллектив, приняв на работу ещё несколько молодых инженеров. Одним из них был студент Стэнфордского университета Рей Долби (Ray Dolby), будущий знаменитый изобретатель, чьими электроакустическими системами нынче оснащены все кинотеатры. Главным техническим советником Понятова в то время стал инженер-конструктор Чарльз Гинзбург, недавний выпускник университета в Сан-Хозе, уже получивший известность в техническом мире благодаря своим изобретениям. Надо отдать должное Понятову – он умел находить единомышленников!

Известный деятель Гостелерадио СССР В.Г. Маковеев, посетивший в составе советской делегации компанию А. М. Понятова в мае 1974 г., писал: "...Понятов сказал, что если бы он и его коллеги заранее представляли себе все трудности, которые предстояло преодолеть при создании видеоманитофона, то никогда не взялись бы за эту работу! Ведь сам видеоманитофон – это лишь вершина технологической пирамиды, а для её создания в то время не хватало множества "кирпичей". ...В механике потребовалось достижение микронных точностей, в электронике – использование новых методов обработки сигнала; этот перечень можно продолжать бесконечно. В итоге видеоманитофон оказался наиболее сложным серийным радиотехническим прибором того времени, и чтобы разработать и организовать производство самого аппарата и видеоленты в условиях небольшой фирмы с очень ограниченными средствами, потребовалось сочетание героических усилий с гениальными научно-техническими решениями" [2, с. 88].

Все трудности удалось преодолеть, и видеоманитная запись была освоена. В марте 1956 г. на съезде Национальной ассоциации радиотелевизионных журналистов (National Association of Broadcasters) в Чикаго Ampex продемонстрировал первый коммерческий видеоманитофон. Вскоре эту аппаратуру использовала телерадиокомпания CBS (Columbia Broadcasting System) для повторного выпуска в эфир программы новостей. Новые технические возможности произвели фурор на американском телевидении: магнитной видеозаписью системы Ampex захотели пользоваться все телевизионные студии. Как пишут очевидцы, во многих аппаратных появились портреты Понятова, а сам процесс видеозаписи стали называть "ампексированием" [6, с. 3]. Несколько позже видеоманитофоны нашли применение и в других областях, в частности, с 1958 г. их стало использовать космическое агентство США. Всё это помогло фирме Ampex занять ведущее место в мире среди разработчиков и производителей видеозаписывающей аппаратуры. Она его удерживала почти полвека, превратившись из маленькой компании в огромную корпорацию со штатом в 15 тыс. человек и оборотом в полмиллиарда долларов. Обладая па-

тентами на ряд важных изобретений в области звукозаписи, он долгое время не давал возможности конкурентам из других стран, прежде всего Японии и США, обогнать его, хотя попытки разрушить компанию Понятова и купить её по частям предпринимались неоднократно [8, p. 221].

Разработки компании и личные заслуги А. М. Понятова отмечены многими наградами, в том числе телевизионным аналогом "Оскара" премиями "Эмми" (Emmy Award), медалью "За достижения" Американской ассоциации электроники (American Electronics Association) и др. В знак выдающегося вклада Понятова в развитие телевизионной техники Американское общество инженеров кино и телевидения (Society of Motion Picture and Television Engineers, SMPTE) учредило в 1982 г. "Золотую медаль имени Понятова" (SMPTE Poniatoff Gold Medal), присуждаемую за заслуги в области магнитной записи электрических сигналов.

Понятов оставался в компании в должности директора до 1955 г., а затем был в ней председателем совета директоров. В 1970 г. он вышел в отставку, став почётным председателем. В последние годы жизни инженер-предприниматель активно участвовал в жизни местной русской общины и занимался благотворительностью. Он был председателем Общества русских лётчиков в США, председателем Общества друзей Дома Святого Владимира, доверенным лицом благотворительного Фонда Кулаева. В Кружке русских инженеров в Лос-Анджелесе он был почётным членом наряду с другими русскими инженерами, получившими известность в Америке (В.К. Зворыкиным, И.И. Сикорским, С.П. Тимошенко), и иногда выступал там с лекциями (МРК). Коллекция Русско-Американского культурно-просветительского общества). Он не оставлял без внимания просьбы коллег и содействовал трудоустройству некоторых. Особенно много Понятов помогал отдельным лицам и группам, занимавшимся медицинскими исследованиями: он считал профилактику заболеваний самым важным аспектом здравоохранения и всегда откликался на просьбы о поддержке таких проектов. Неслучайно его избирали председателем попечительского совета в Институте науки и медицины имени Лайнуса Полинга (Linus Carl Pauling) [4, с. 4].

Понятов умер 24 октября 1980 г. в возрасте 88 лет в г. Санта Клара (Калифорния). "Ушёл из жизни ещё один из ряда знаменитых русских эмигрантов в Америке – Александр Матвеевич Понятов, создавший здесь многомиллионное предприятие АМПЕКС, специализировавшееся на выпуске особо чувствительных и высшего качества магнитофонов.... Вдова Елена Александровна и племянники просят вместо цветов в память почившего отправлять пожертвования на гуманитарные цели через газету "Русская жизнь" [4, с. 4].

У Ampex были открыты представительства в 30 странах. Существовали и торговые связи с Москвой: компания Понятова более двадцати лет продавала СССР магнитные ленты и оборудование для телестудий, но советское представительство появилось у неё лишь в 1991 г., спустя десять лет после кончины её создателя.

Из воспоминаний В.Г. Маковеева, одним из первых рассказавших в России о А.М. Понятове: "Нам сказали, что Понятов в делах фирмы не участвует (ему тогда было уже 82 года), но на фирме очень чтят своего основателя, для него сохранён рабочий кабинет, и мы с ним обязательно встретимся. Мы увидели, как высокий худощавый старик подъехал на автомобиле к персональной стоянке (крупными белыми буквами на асфальте было написано "Poniatoff"), пересел в поданное ему электрическое кресло-коляску (у него были парализованы ноги) и по коридору направился в свой кабинет. После официальных приветствий он сказал, что выписывает газету "Известия" и старается следить за событиями в России. Мы коротко рассказали ему о развитии телевидения на его родине и о наших работах по видеозаписи, подчеркнув, что считаем себя его последователями. Мы попросили его рассказать молодым российским инженерам, как он добился успеха. Понятов оживился и сказал, что у него есть несколько собственных правил, которые могут быть интересны другим: нужно всю жизнь учиться; ничего не надо считать догмой; необходимо всегда стараться сделать чуть больше, чем от тебя ждёт начальник (это будет обязательно замечено); следует избегать любых конфликтов, поскольку вероятность быть правым у вас не более 50 %" [2, с. 89]. Думается, именно

эти правила и способствовали успехам, научно-техническим и коммерческим, русского инженера в Америке.

В настоящее время "персональная история" приобретает особое значение для усвоения опыта прошлого. Обращение к жизненному пути людей, причастных к мировому научно-техническому прогрессу, анализ их деятельности и связей позволяет понять внутренний фактор развития науки и техники. Их уникальный опыт, во многом поучительный и плодотворный, сегодня приобретает особую актуальность в связи с усилением миграционных процессов. Исторический урок, полученный в результате эпохальных событий начала XX в., свидетельствует о том, что российские научно-технические ценности, а в частности опыт русских инженеров, могут успешно конкурировать в условиях Запада. Пример тому – успешная работа в Америке Александра Матвеевича Понятова.

Автор благодарит сотрудника Музея русской культуры в Сан-Франциско Ива Франкена за возможность работать с коллекцией русских газет в США и документами Русско-Американского культурно-просветительского общества и использовать эти материалы для подготовки статьи.

Литература

1. Лейтес Л.С. Разработчики первых профессиональных видеоманитофонов // Техника кино и телевидения. 2003. № 1. С. 84–87.
2. Маковеев В.Г. Александр Понятов – создатель видеоманитофона. 110 лет со дня рождения // Broadcasting. Телевидение и радиовещание. 2002. № 1. С. 86–90.
3. Музей русской культуры (МРК, Сан-Франциско). Коллекция Русско-Американского культурно-просветительского общества.
4. Н.П. Скончался А.М. Понятов: (Некролог) // Русская жизнь. Сан-Франциско, 1980. 29 окт.
5. Самохин В. П. Александр Понятов и его Ampex // Звукорежиссёр. М., 2008. № 4. С. 75–79.
6. Уход в отставку председателя правления "Ампекс" А.М. Понятова // Новая заря. Сан-Франциско, 1970. 10 июня.
7. Ampex – 16 and 24-track Recorders. Электр. ресурс: Портал Liquisearch. [Электронный ресурс]. URL: http://www.liquisearch.com/ampex/16_and_24-track_recorders (дата обращения 12.02.2017).
8. Hammar, P. In Memoriam // Journal of the Audio Engineering Society. 1981. Vol. 2: № 3, March. P. 220–221.
9. Museum of Magnetic Sound Recording. [Электронный ресурс]. URL: <http://museumofmagneticsoundrecording.org/CollectionAmpex.html> (дата обращения 15.02.2017).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Lejtes L.S. Razrabotchiki pervykh professional'nykh videomagnitofonov // Tekhnika kino i televideniya. 2003. № 1. S. 84–87.
2. Makoveev V.G. Aleksandr Ponyatov – sozdatel' videomagnitofona. 110 let so dnya rozhdeniya // Broadcasting. Televidenie i radioveshhanie. 2002. № 1. S. 86–90.
3. Muzej russkoj kul'tury (MRK, San-Frantsisko). Kolleksiya Russko-Amerikanskogo kul'turno-prosvetitel'skogo obshhestva.
4. N.P. Skonchalsya A.M. Ponyatov: (Nekrolog) // Rusckaya zhizn'. San-Frantsisko, 1980. 29 okt.
5. Samokhin V. P. Aleksandr Ponyatov i ego Ampex // Zvukorezhissyor. M., 2008. № 4. S. 75–79.
6. Ukhod v otstavku predsedatelya pravleniya "Ampeks" A.M. Ponyatova // Novaya zarya. San-Frantsisko, 1970. 10 iyunya.
7. Ampex – 16 and 24-track Recorders. EHlektр. resurs: Portal Liquisearch. [EHlektронnyj resurs]. URL: http://www.liquisearch.com/ampex/16_and_24-track_recorders (data obrashheniya 12.02.2017).
8. Hammar, P. In Memoriam // Journal of the Audio Engineering Society. 1981. Vol. 2: № 3, March. P. 220–221.
9. Museum of Magnetic Sound Recording. [EHlektронnyj resurs]. URL: <http://museumofmagneticsoundrecording.org/CollectionAmpex.html> (data obrashheniya 15.02.2017).

Хисамутдинова Н.В. Из Владивостока – в Америку: к 125-летию со дня рождения инженера А. М. Понятова (1892–1980).

В статье сообщаются биографические сведения о русском инженере А. М. Понятове, получившем известность во всем мире благодаря своим изобретениям в области звуко- и видеозаписи. Оказавшись в ходе Гражданской войны 1918–1922 гг. во Владивостоке, он вместе с остатками белых частей эмигрировал в Шанхай, а затем переехал в США, где создал компанию по производству магнитофонов для радио- и телестудий. Статья основана на материалах Музея русской культуры (Сан-Франциско) и русской прессы в Америке, которые добавляют к биографии Понятова новые, ранее неизвестные факты.

Ключевые слова: *эмиграция, русские инженеры в Америке, "Ампекс", звукозапись*

Khisamutdinova N.V. From Vladivostok to America: Commemorating the 125th Anniversary of A.M. Poniatoff (1892–1980).

The article reveals new biographical information of a Russian engineer A.M. Poniatoff who became well-known all over the world with his innovations in sound- and video recording. During the Civil War in Russia (1918–1922), he came to Vladivostok with the remnants of White forces and left Russia initially for Shanghai and then for the USA. There, he organized a company and started producing tape recorders for radio- and television broadcasting companies. The article is based on documents from the Museum of Russian Culture (San Francisco) and Russian newspapers in America. They add new and previously unknown facts to Poniatoff's biography.

Key words: *emigration, Russian engineers in America, Ampex, sound recording*

Для цитирования: Хисамутдинова Н.В. Из Владивостока – в Америку: к 125-летию со дня рождения инженера А. М. Понятова (1892–1980) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 3. С. 72–79. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/72-79

For citation: Khisamutdinova N.V. From Vladivostok to America: Commemorating the 125th Anniversary of A.M. Poniatoff (1892–1980) // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 3. P. 72–79. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/72-79

Ещё одна лагунная адаптация населения залива Петра Великого в голоцене

Введение

Переходный период от атлантического периода голоцена к суббореальному – время значительных природных и социальных изменений, связанных с похолоданием климата и падением уровня моря. В предшествующий период, во второй половине атлантического периода голоцена, происходило максимальное потепление климата, сопряжённое с подъёмом уровня моря примерно на 3 метра выше современного. В результате на морских побережьях по всему миру образовалось множество ингрессионных заливов и морских лагун. Береговая линия удлинилась и усложнилась, морские побережья стали экологически более разнообразными и продуктивными. Это было наиболее благоприятное время для проживания человека на морском побережье. В конце атлантического периода голоцена мы наблюдаем множество вариантов лагунных адаптаций древнего населения. В приморских районах увеличивается численность и плотность населения. В бассейне Японского моря распространяются поведенческие (культурные) адаптации лагунного типа, реконструированные по материалам бухты Бойсмана [4]. В континентальных районах переживали свой расцвет и расширение ареала земледельческие адаптации.

С окончанием атлантического периода голоцена отмечаются катастрофические социальные изменения по всему миру [5; 6]. Они были вызваны похолоданием климата, сопряжённым с падением уровня моря на четыре метра ниже современного. В континентальных и приморских районах произошло разрушение привычных ресурсных баз древнего населения. В этот период формируется множество типов адаптивных реакций населения на эти изменения. Характер адаптивных реакций обуславливался различиями в ландшафтно-климатических изменениях, уровнем развития и культурными традициями землепользования социумов, вынужденных принимать вызовы окружающей среды.

Так, в древнем Египте в ответ на сужение и дестабилизацию ресурсной базы земледелия происходило усиление стратификации общества, проявившееся в активизации строительства пирамид (пирамида Хеопса) и появлении календаря. В этот период создавались пирамиды на побережье Перу. Земледельцы Англии построили пирамиду (Силбери), каменные аллеи Эйвбери, Стоунхэндж и подобные ему сооружения (Вудхэнджи), которые позволяли получать точную информацию о точках отсчёта в земледельческом цикле жизнеобеспечения в условиях дестабилизации климата и агроклиматических ресурсов.

Земледельцы Маньчжурии (культура Хуншань) сооружали святилища богине плодородия [1, с. 45–47]. В Маньчжурии и Южном Китае разные культурные группы земледельцев мигрируют к морским побережьям в поисках устойчивых условий для земледелия. В береговых зонах происходила ча-

© Вострецов Ю.Е., Еловская О.А., Гасилин В.В., 2018

ВОСТРЕЦОВ Юрий Евгеньевич, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** vost54@mail.ru

ЕЛОВСКАЯ Олеся Александровна, младший научный сотрудник Тихоокеанского океанологического института им. Иличева ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** olesya-sharova@mail.ru

ГАСИЛИН Вячеслав Владимирович, канд. биол. наук, старший научный сотрудник Института растений и животных УрО РАН (г. Екатеринбург). **E-mail:** GasilinV@yandex.ru

стичная смена населения и культурного облика, связанная с замещением и/или ассимиляцией охотников-собирателей-рыболовов, что выразилось, в частности, и в смене керамических традиций [5].

В переходный период от атлантического периода голоцена к суббореальному на большей части бассейна Японского моря произошла смена лагунных адаптаций (бойсманского типа) на открытоморские.

События переходного периода в заливе Петра Великого

Рассмотрим, какой характер носили адаптивные изменения в этот период в заливе Петра Великого. По природному и культурному разнообразию залив представляет собой наиболее богатый участок западного побережья Японского моря. На протяжении всей истории этот район привлекал людей своим ресурсным изобилием и разнообразием. Здесь формировались своеобразные и яркие культурные адаптации как пришлых, так и автохтонных групп населения.

С целью выяснения того, как природная специфика различных частей залива Петра Великого отразилась на формировании моделей поведенческих адаптаций населения при переходе от атлантического периода голоцена к суббореальному, проводились мультидисциплинарные исследования на неолитическом памятнике Волчанец-1 в заливе Восток, расположенном в восточной части залива Петра Великого. Ранее, в его западной части, уже предпринималась реконструкция модели адаптации неолитического населения переходного периода, обитавшего на песчаной косе в палеолагуне устья р. Гладкой, впадающей в бухту Экспедиции залива Посыета (поселение Зайсановка-7). Обитатели этого поселения представляли собой потомков ранних земледельцев, переселившихся из континентальных районов среднего течения р. Туманной (поселение Синчен) на морское побережье. Они ассимилировали другие группы ранних земледельцев, которые ранее переселились на побережье из континентальных районов западного Приморья (поселение Кроуновка-1). Выяснилось, что поселение функционировало на песчаной косе, отделяющей палеолагуну р. Гладкой от моря (бухта Экспедиции) на начальной фазе похолодания климата, сопряжённого с падением уровня моря в интервале около 4800–4500 л.н. В результате анализа всей совокупности экофактов и артефактов, извлечённых из раковинных куч и жилого пространства поселения, удалось реконструировать основные виды деятельности населения, их сезонную последовательность и, в целом, представить систему жизнеобеспечения ранних земледельцев после того, как они переселились на морское побережье [8; 9; 12, р. 11]. В результате совместных исследований археологов и естественников (палеогеографов, малакологов, ихтиологов, зоологов, археоботаников), выяснилось, что при переселении на морское побережье ранние земледельцы сохранили навыки земледелия, но его роль уменьшилась в пользу морского рыболовства и собирательства диких растений [8].

Какая же модель адаптации сложилась в это время в восточной части залива Петра Великого, более удалённой от путей миграции ранних земледельцев?

Памятник Волчанец-1 расположен на северо-западном побережье бухты Восток залива Петра Великого. Поселение локализуется на стратегически важном для контроля и доступа к ресурсам лагуны месте – на окончании песчаной косы, сформировавшейся во второй половине атлантического периода голоцена в нижнем течении р. Волчанки. Коса отделяла палеолагуну, контуры которой хорошо прослеживаются на современном рельефе, от залива Восток. Границы памятника определялись по площади распространения раковинных отложений, прослеживаемых на поверхности и соответствующих площади уплощённой части песчаной косы. Высота косы составляла 2,3–2,5 м над уровнем реки.

В культурном отношении археологические материалы представляются достаточно однородными. Обнаруживается близость к неолитическим отложениям памятника Валентин-перешеек (нижний слой), расположенного в бухте Валентин на юго-восточном побережье Приморья и существовавшего около 4500 л. н. [2, с. 24].

Стратиграфия песчаной косы на всём протяжении памятника была, вероятно, примерно одинаковой. Она образовалась во время намыва песка

волнами при трансгрессиях и регрессиях моря, а также в результате эоловых отложений и состоит из переслаивающихся линз песка, которые иногда проявлялись при просыхании. Древние поверхности косы периодически задерживались с образованием почвенного горизонта, потом опять покрывались песком и т. д. Таким образом, в её разрезе просматриваются неровные слои тёмного песка (древние почвы) с размытыми границами. В обрыве косы выявлено шесть горизонтов обитания неолитического человека, разделённых переслаивавшимися песками. Самый древний горизонт залегал на глубине 175 см от дневной поверхности. Это была раковинная куча, состоявшая из 36 единиц отложения раковин моллюсков. Каждая единица отложения представляет собой результат разового (дневного) сбора моллюсков.

В верхних пяти горизонтах обитания выделены 65 единиц отложения раковин, но в основном в двух верхних горизонтах, а также отдельные фрагменты раковин из различных горизонтов обитания [10, с. 62]. В каждом горизонте обитания кроме раковинных отложений прослеживались очаги, производственные площадки, кости и отолиты рыб, птиц, наземных и морских млекопитающих, карбонизированные остатки древесины и дикорастущих растений, а также фрагменты керамических сосудов и каменные артефакты. Судя по полученным радиоуглеродным датам, поселение функционировало в интервале 4720–4290 л.н., таким образом, попадая в переходный период от атлантика к суббореалу голоцена, связанному с похолоданием климата, сопряжённым с падением уровня моря. Раскопки велись по разработанной методике исследования памятников с раковинными отложениями [3; 7].

Система жизнеобеспечения населения памятника Волчанец-1

В результате анализа экофактов и артефактов появилась возможность реконструировать отдельные отрасли хозяйственной деятельности и тенденции их изменений. Кроме того, удалось реконструировать систему жизнеобеспечения в целом (рис. 1).

Собирательство морских моллюсков практиковалось обитателями поселения постоянно, но роль его менялась во времени. В раковинных отложениях памятника Волчанец-1 найдено 17 промысловых видов моллюсков, среди которых по частоте встречаемости и массе раковин доминирует устрица (до 95 % от общей массы раковин), относительно часто добывались раковины корбикулы и мидии Грея (*Crenomytilus grayanus*), реже – спизулы сахалинской (*Spisula sachalinensis*), анадары Броутона (*Anadara broughtonii*) и приморского гребешка (*Mizuchopecten yessoensis*). Остальные виды моллюсков отмечены в небольшом количестве или единичными находками, что свидетельствует об их попутном сборе при вылове основных промысловых объектов [10, с. 63]. Однако в пределах всей толщи раковинных отложений и слоёв раковины моллюсков распределялись неравномерно.

В раковинной куче, представлявшей самый ранний горизонт обитания, где устрицы составляли 95 %, выявлена тенденция уменьшения размеров раковин устриц от нижних единиц отложения к верхним. В последующем горизонте обитания преобладали раковины солоноватоводной корбикулы японской длиной 8–33 мм, обитавшей в лагуне, единично встречались устрица, мидия Грея, фрагменты крупных створок анадары Броутона. Кроме того, там обнаружен ныне вымерший, теплолюбивый моллюск *M. Lusoria*. Это означает, что в период существования меретрикса в заливе Восток температура воды зимой не опускалась ниже +1,5 °С. Следовательно, на самом раннем этапе поселение Волчанец-1 функционировало при более тёплых климатических условиях, чем в настоящее время.

В дальнейшем при собирательстве моллюсков люди попеременно использовали то лагунные виды (корбикула, устрица), то морские (мидия, мия, спизула, анадара), в небольшом количестве, не приводившим к формированию различного слоя (кучи), что свидетельствует незначительной роли морских моллюсков как пищевого ресурса [10]. В пятом горизонте в заполнении ям 3 и 4, в слое тёмно-коричневого песка, единично встречается *Spisula sachalinensis*, представленная левой створкой длиной 82 мм, имевшей возраст 7 лет и выловленной в июле – августе. В последнем горизонте обитания, представленном мощной раковинной кучей, наблюдалась аналогичная закономерность: уменьшение размера раковин устриц от нижних единиц отложе-

ния к верхним. Интенсивное собирание устриц отражает нехватку пищевых ресурсов и значительную переэксплуатацию (выедание) ближайшего устричника.

Охотничья деятельность населения памятника Волчанец-1 документируется находками ретушированных и шлифованных наконечников стрел и ножей для разделки и костей животных. Всего было обнаружено около 2000 костных остатков млекопитающих, птиц и рептилий (табл. 1), из которых идентифицировано 1893 ед. Из них 70 % остатков принадлежит копытным млекопитающим. Чаще всего встречались кости благородного оленя и косули сибирской, 4 % костей принадлежали диким хищникам, 12 % – ластоногим, в том числе и сивучу. Из домашних животных определены только кости собаки, которая могла быть не только помощником при охоте, но и объектом питания. Охота на копытных осуществлялась в основном в холодное время года, хотя косули могли добываться круглогодично. Ластоногих обычно добывали на берегу в местах разномышения и отдыха, таких как песчаные косы лагун. Дельфины вряд ли случайная добыча в лагуне, где они обычно кормятся. Охота на дельфинов была распространена в неолите бассейна Японского моря повсеместно.

Птиц обычно добывали во время сезонных перелётов весной и осенью, когда они образовывали большие скопления в лагунах и теряли осторожность. Хищников и рептилий добывали от случая к случаю.

Обращают внимание колебания объектов добычи в разных горизонтах обитания. Это может объясняться одновременным действием двух факторов. Во-первых, неравномерностью репрезентативности остатков хозяйственной деятельности на разных горизонтах обитания. Во-вторых, колебаниями численности объектов добычи, связанных как с сезонностью, так и изменениями условий окружающей среды, обусловленных похолоданием и падением уровня моря. Наиболее выразительно адаптивная реакция на колебания ресурсов просматривается в периоды спада охоты на копытных – основной объект охоты в горизонтах VI, II, I. Это отчасти компенсируется интенсификацией собирательства устриц и, возможно, барсуков, места расположения которых предсказуемы.

Рыболовство неолитических обитателей памятника иллюстрируется находками каменных грузил, выполненных на плоских овальных гальках с двумя выбоинами, фрагментами костяных составных крючков, костяными остриями и остатками костей рыб. Всего было обнаружено около 3000 костей, из которых идентифицировано 2319 ед. [11, с. 113-114]. Население памятника Волчанец-1 добывало не менее 17 видов рыб в трёх водных средах лагуны, озере, море. Эти элементы ландшафтов входили в реконструированную зону хозяйственного использования поселения в радиусе 5 км. В основном, это были камбалы, краснопёрки, дальневосточная навага и тихоокеанская сельдь. Большое значение имели также тихоокеанские лососи, керчаки (бычки-рогатки), японская скумбрия, кефалевые, морские окуни. Остальные виды (терпуги, азиатская корюшка и др.), возможно, попадали в качестве прилова. Редкие остатки тихоокеанских лососей на памятниках бассейна Японского моря свидетельствуют скорее об их плохой сохранности, чем о неважности как ресурса, тем более что по сравнению с количеством их остатков в раковинных отложениях других памятников, на Волчанце-1 лососёвые представлены относительно заметно. Судя по собранным костным остаткам рыб, а также исходя из современных сведений по экологии идентифицированных видов, древние обитатели поселения Волчанец-1 занимались рыбным промыслом с ранней весны до поздней осени, и в основном в весенне-летний период (рис. 1). Обычно ловили те виды рыб, которые в массе подходили на нерест и для питания в прибрежную зону в определённые периоды, когда они образовывали большие скопления.

Что касается изменений в составе рыболовства во времени (табл. 1), выяснилось, что в слое VI преобладают костные остатки японской скумбрии (53,57 %) и тихоокеанской сельди (36,61 %), в слое V численность скумбрии была минимальной (0,35 %), а сельди (89,74 %) максимальной. Выше, в слоях V, IV, III, II, основная масса костных остатков рыб принадлежала камбалам, сельди, наваге и краснопёрке. Доминирует морское рыболовство, что характерно для данного периода.

Табл. 1. Состав фаунистических находок из раскопа памятника Волчанец-I (2012 г.)

Горизонт обитания	I		II		III		IV			V			VI		Итого
	1	2	3	4	5	6	7 + яма	8	9	10	11	12			
Пласт															
Вид	0	0	0	0	0	3	2	0	0	0	0	0	0	0	5
Собака – <i>Canis familiaris</i>															
Белка обыкновенная – <i>Sciurus vulgaris</i>	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	2	
Заяц-беляк – <i>Lepus timidus</i>	0	0	0	1	0	1	2	0	0	1	0	0	0	6	
Медведь бурый – <i>Ursus arctos</i>	2	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	3	
Соболь – <i>Martes zibellina</i>	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	
Харза – <i>Martes flavigula</i>	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0	1	
Барсук азиатский – <i>Meles leucurus</i>	5	0	1	0	1	4	1	0	0	1	0	0	0	13	
Кабан – <i>Sus scrofa</i>	3	2	0	4	0	18	9	0	9	4	7	0	0	58	
Олень пятнистый – <i>Cervus nippon</i>	1	4	0	0	0	1	3	2	0	2	0	0	0	11	
Олень благородный – <i>Cervus elaphus</i>	3	4	2	3	4	18	16	0	3	13	35	9	3	116	
Олень – <i>Cervus sp.</i>	1	0	3	1	1	4	0	3	0	3	1	0	0	14	
Косуля сибирская – <i>Capreolus rufogargus</i>	8	1	1	5	2	30	15	0	1	15	16	5	1	116	
Ластоногие – <i>Pinnipedia</i>	1	0	2	1	0	11	14	6	0	6	11	1	0	50	
Дельфин	0	0	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0	0	0	
Грызуны – <i>Rodentia</i>	1	0	0	1	0	2	1	0	0	2	1	7	0	16	
Неопределимые кости млекопитающих	187	39	39	18	1	371	154	1	70	170	109	91	4	1253	
Птица – <i>Aves</i>	16	1	0	4	11	23	12	0	1	21	21	7	0	121	
Змея	1	0	0	0	0	1	0	4	0	0	0	2	0	4	

Источник: составлено авторами.

Собирательство растений иллюстрируется коллекцией карбонизированных ботанических остатков, из которых пока идентифицированы орех маньчжурской и орех лещины. Кроме того, обнаружены галечные терочки и песты по мягкому материалу.

Иная хозяйственная деятельность дополнительно иллюстрируется остатками очагов, орудиями для обработки древесины (тёсла, топоры) и земли (мотыги).

Выводы

1) В переходный период от атлантика к суббореалу голоцена система жизнеобеспечения населения памятника Волчанец-1 была ориентирована в основном на ресурсы, связанные с морской лагуной и морем. 2. Рыболовство, вероятно, доминировало в тёплое время года. Обитатели поселения вылавливали не менее 17 видов рыб в море, лагуне и озёрах.

3) Охота на наземных и морских млекопитающих не уступала рыболовству по значимости, особенно в холодное время года.

4) Собирательство моллюсков, по-видимому, постоянно практиковалось в тёплое время года с периодами интенсификации во время нехватки основных ресурсов.

5) Датировка и анализ экофактов в последовательно сформировавшихся горизонтах обитания от нижнего к верхнему, наблюдается замещение теплолюбивых видов (японская скумбрия) на холодолюбивые (тихоокеанская сельдь, дальневосточная навага, камбалы и краснопёрки), что согласуется с тенденциями ландшафтно-климатических изменений – похолоданием климата, понижением уровня моря и заполнением палеолагуны наносами.

6) О занятиях земледелием сведений пока не получено, тем не менее, в керамической традиции фиксируются влияние населения зайсановской культурной традиции.

Литература

1. Алкин С.В. Древние культуры Северо-Восточного Китая: неолит Южной Маньчжурии/Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. 168 с.

2. Валентин-перешеек – поселок древних рудокопов. М.: Наука, 1987. 248 с.

3. Вострецов Ю.Е. Археологические материалы поселений Заречье-1, Зайсановка-3,4, Ханси-1, Бойсмана-1 // Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана / отв. ред. Ю.Е. Вострецов. Владивосток: ДВО РАН, 1998. С. 30–122.

4. Вострецов Ю.Е. Природа и человек на юге Приморья в среднем голоцене // Вестник ДВО. 2001. № 34(98). С. 92–111.

5. Вострецов Ю.Е. Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 159–186.

6. Вострецов Ю.Е. "Поворотные моменты" в культурной эволюции древнего населения Приморья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3 (27). С. 25–32.

7. Вострецов Ю.Е. Три метода исследований раковинных отложений // Записки ИИМК РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. № 3. С. 137–142.

8. Вострецов Ю.Е., Короткий А.М., Епифанова А.В., Беседнов Л.Н., Раков В.А., Сергушева Е.А. Система жизнеобеспечения на поселении Зайсановка-7: модель адаптации ранних земледельцев к условиям жизни на побережье Приморья/Cultural exchange in East-sea and Primorye region of Russia. The 16th International conference of the Association of North-East Asian cultures. Vladivostok. 2008. Pp. 392–404.

9. Вострецов Ю.Е. Первые земледельцы на побережье залива Петра Великого // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, Вып. 3: Археология и этнография. С. 113–120.

10. Еловская О.А., Вострецов Ю.Е., Раков В.А. Стратиграфия и Малакофауна неолитического памятника Волчанец-1 в заливе Восток (Японское море)// Мультидисциплинарные исследования в дальневосточной археологии. Владивосток: Дальнаука, 2014. С. 58–66.

11. Санникова А.В., Вострецов Ю.Е. Видовой состав рыб в уловах жителей поселения Волчанец-1//Мультидисциплинарные исследования в дальневосточной археологии. Владивосток: Дальнаука, 2014. С. 109–116.

12. Zaisanovka 7 Site, in Primorsky, Russia. Preliminary result of Excavation in 2004 / Study on the environmental change of Early Holocene and prehistoric subsistence system in Far East Asia // eds. M. Komoto, H. Obata. Kumamoto University: Shimoda Print Co., 2005. 76 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Alkin S.V. Drevnie kul'tury Severo-Vostochnogo Kitaya: neolit YUzhnoj Man'chzhurii/Otv. red. V.E. Larichev. Novosibirsk: Izd-vo Instituta arkheologii i ehtnografii SO RAN, 2007. 168 s.

2. Valentin-peresheek – poselok drevnikh rudokopov. M.: Nauka, 1987. 248 s.

3. Vostretsov YU.E. Arkheologicheskie materialy poselenij Zarech'e-1, Zajsanovka-3,4, KHansi-1, Bojsmana-1 // Pervye rybolovy v zalive Petra Velikogo. Priroda i drevnij chelovek v bukhte Bojsmana / otv. red. YU.E. Vostretsov. Vladivostok: DVO RAN, 1998. S. 30–122.

4. Vostretsov YU.E. Priroda i chelovek na yuge Primor'ya v srednem golotsene // Vestnik DVO. 2001. № 34(98). S. 92–111.

5. Vostretsov YU.E. Vzaimodejstvie morskikh i zemledel'cheskikh adaptatsij v bassejne YAponского моря // Rossijskij Dal'nij Vostok v drevnosti i srednevekov'e: otkrytiya, problemy, gipotezy. Vladivostok: Dal'nauka, 2005. С. 159–186.

6. Vostretsov YU.E. "Povorotnye momenty" v kul'turnoj ehvolyutsii drevnego naseleniya Primor'ya // Arkheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii. 2006. № 3 (27). S. 25–32.

7. Vostretsov YU.E. Tri metoda issledovanij rakovinnykh otlozhenij // Zapiski IIMK RAN. Spb.: Dmitrij Bulanin, 2008. № 3. S. 137–142.

8. Vostretsov YU.E., Korotkij A.M., Epifanova A.V., Besednov L.N., Rakov V.A., Sergusheva E.A. Sistema zhizneobespecheniya na poselenii Zajsanovka-7: model' adaptatsii rannikh zemledel'tsev k usloviyam zhizni na poberezh'e Primor'ya/Cultural exchange in East-sea and Primorye region of Russia. The 16th International conference of the Association of North-East Asian cultures. Vladivostok. 2008. Pr. 392–404.

9. Vostretsov YU.E. Pervye zemledel'tsy na poberezh'e zaliva Petra Velikogo // Vestnik Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2009. T. 8, Vyp. 3: Arkheologiya i ehtnografiya. S. 113–120.

10. Elovskaya O.A., Vostretsov YU.E., Rakov V.A. Stratigrafiya i Malakofauna neoliticheskogo pamyatnika Volchanets-1 v zalive Vostok (YAponское море)// Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v dal'nevostochnoj arkheologii. Vladivostok: Dal'nauka, 2014. S. 58–66.

11. Sannikova A.V., Vostretsov YU.E. Vidovoj sostav ryb v ulovakh zhitelej poseleniya Volchanets-1//Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v dal'nevostochnoj arkheologii. Vladivostok: Dal'nauka, 2014. S. 109–116.

12. Zaisanovka 7 Site, in Primorsky, Russia. Preliminary result of Excavation in 2004 / Study on the environmental change of Early Holocene and prehistoric subsistence system in Far East Asia // eds. M. Komoto, H. Obata. Kumamoto University: Shimoda Print Co., 2005. 76 p.

Вострецов Ю.Е., Еловская О.А., Гасилин В.В. Еще одна лагунная адаптация населения залива Петра Великого в голоцене.

Изучение процессов поведенческой адаптации древнего населения в интервалы значительных ландшафтно-климатических изменений весьма актуально для современной археологии. В статье рассматривается реконструкция системы жизнеобеспечения неолитического населения памятника Волчанец-1 (зал. Восток) при переходе от атлантического периода голоцена к суббореальному. Анализируется динамика изменения комплексов экофактов, отражающих отдельные компоненты системы жизнеобеспечения, такие как охота, рыболовство, собирательство гидробионтов и наземных растений, а также комплексов связанных с ними артефактов. Впервые предлагается реконструкция годового цикла системы жизнеобеспечения населения памятника, тенденции его изменения в связи с похолоданием климата и падением уровня моря.

Ключевые слова: *приморская адаптация, раковинная куча, палеогеография, археология Приморья, Восточная Азия*

Vostretsov Yu.E., Elovskaya O.A., Gasilin V.V. One more lagoon adaptation of Neolithic population's of Peter the Great Bay in the Holocene

The study of human behavioral adaptation during of periods of notable ecological changes are rare for modern archaeology. The article offers a reconstruction of the subsistence system of the Neolithic population of the Volchanets-1 site (Vostok bay) in the transition from the Atlantic period to the Subboreal Holocene. We analyze the dynamics of changes of the complexes ecofacts reflecting the individual components of the subsistence system, such as hunting, fishing and gathering aquatic animals and terrestrial plants, and complexes of artifacts associated with them. Firstly proposed reconstruction of the annual cycle of the livelihoods of the population of the site, and tendencies of its changes due to climate cooling and falling sea level.

Key words: *maritime adaptation, shell midden, paleogeography, archaeology of Primorye, Eastern Asia*

Для цитирования: Вострецов Ю.Е., Еловская О.А., Гасилин В.В. Еще одна лагунная адаптация населения залива Петра Великого в голоцене // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 3. С. 80–87. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/80-87

For citation: Vostretsov Yu.E., Elovskaya O.A., Gasilin V.V. One more lagoon adaptation of Neolithic population's of Peter the Great Bay in the Holocene // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 3. P. 80–87. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/80-87

Возможности и перспективы сопряжения стратегий развития острова Русский и Нового района Сюньань в рамках межрегионального сотрудничества России и Китая

Современные российско-китайские отношения представляют собой отношения всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия. Благодаря стратегическому руководству лидеров двух стран, отношения между КНР и РФ достигли небывалого в истории развития и имеют дальнейший потенциал для роста. По мере того, как китайско-российское партнёрство вступило в новый этап, обе стороны, на основе сохранения взаимодействия в традиционных сферах (торговля, энергетика, оборона, образование и др.), активно ведут поиск новых направлений расширения сотрудничества. Среди них можно выделить такие, как углубление инвестиционного сотрудничества, наращивание сотрудничества в масштабных совместных проектах, активное взаимодействие в сфере инноваций и высоких технологий, диверсификация связей в гуманитарной сфере и другие направления.

В последние годы обе страны прилагают существенные усилия для поиска и формирования инновационных моделей развития регионов. В этой связи, по инициативе лидеров России и Китая, было принято решение о создании показательных районов, где внедряются самые современные модели развития.

В данной статье предпринят сравнительный анализ стратегий развития двух подобных районов: острова Русский в Приморском крае России и Нового района Сюньань в центральной части Китая, – не граничащих друг с другом, исследованы возможности и перспективы сотрудничества между ними в интересах сопряжения инновационных стратегий их развития и создания на этой основе новой модели регионального сотрудничества между Россией и Китаем.

Краткое описание острова Русский и нового района Сюньань

На ежегодном Восточном экономическом форуме (ВЭФ) в 2016 г. Президент России Владимир Путин поставил задачу по созданию на острове Русский международного научно-образовательного и технологического кластера с целью завершения начатой в рамках подготовки к саммиту АТЭС в 2012 г. трансформации острова Русский в ключевой центр интеграции России в экономическую, научную и технологическую среду Азиатско-Тихоокеанского региона. Для её реализации Министерство РФ по развитию Дальнего Востока разработало Концепцию развития острова Русский, которая 30 мая 2017 г. была утверждена правительством РФ. В данной Концепции были разработаны цель, задачи, принципы и основные направления развития острова Русский, определены конкретные подходы и этапы её реализации [2].

Остров Русский входит в состав Владивостокского городского округа и расположен в заливе Петра Великого к юго-западу от полуострова Муравьёва-Амурского. Площадь территории – 97,6 км². Он соединяется с материковой частью города Владивостока с помощью Русского моста через пролив Босфор Восточный, общая длина которого составляет 1885,53 м [4]. В настоящее время активно используется около 30 % общей площади острова, преимущественно, полуостров Сапёрный. Остров Русский обладает богатыми экологическими ресурсами, а несколько видов местных растений и животных занесены в красные книги Российской Федерации и Приморского края.

На острове Русский расположен уникальный современный кампус Дальневосточного Федерального Университета (ДФУ), являющийся форпо-

стом интеграции России в образовательную и научно-технологическую среду АТР. Здесь регулярно проходят международные форумы, конференции, научные семинары и другие мероприятия, среди которых по масштабам и значимости выделяется ежегодный ВЭФ. Существующая инженерная и дорожная инфраструктура частично обеспечивает поэтапное развитие острова.

Реализация Концепции развития острова основывается на нескольких принципах, включающих такие, как защита окружающей среды и экосистемы острова, устойчивое развитие территории в комплексе с развитием владивостокской агломерации, опережающее социально-экономическое развитие Дальнего Востока и т.д.

Основными направлениями развития острова являются расширение и совершенствование инфраструктуры, создание современного Центра международного сотрудничества, создание технико-внедренческого парка, центра ядерной медицины, развитие туристских объектов и др. Для снижения финансовых рисков планируется широко применять инструменты государственно-частного партнёрства (ГЧП). При этом реализация всех элементов Концепции развития острова Русский запланирована к 2027 г.

Стратегическое решение ЦК КПК о создании Нового района Сюньань было принято 1 апреля 2017 г. по личной инициативе председателя КНР Си Цзиньпина для того, чтобы децентрализовать городские функции Пекина, не относящиеся к столице государства; продвигать скоординированное развитие регионального кластера Цзин-Цзинь-Цзи (город Пекин, Тяньцзинь и провинция Хэбэй) и создать показательный район в рамках новой концепции развития с опорой на такие принципы, как инновации, координация, экология, открытость и совместное использование. Новый район Сюньань получил статус района государственного значения. Ранее такой статус имели только особая экономическая зона Шэньчжэнь и новый район Пудун в Шанхае.

Правительство провинции Хэбэй и канцелярия при руководящей группе по скоординированному развитию кластера Цзин-Цзинь-Цзи, совместно с заинтересованными государственными органами разработали Программу развития Нового района Сюньань, которая была одобрена ЦК КПК и Госсоветом КНР 14 апреля 2018 г.

В Программе определены цель, задачи, направления развития Нового района Сюньань, а также концепция и подходы реализации этой Программы: от пространственного размещения до развития приоритетных индустрий, от структурного обеспечения до предоставления населению высококачественных услуг, от защиты экологии и сохранения материально-культурного наследия до создания системы безопасности современного города.

Новый район Сюньань обладает благоприятным географическим положением. Он расположен в провинции Хэбэй в ста километрах к югу от Пекина и к западу от другого мегаполиса – Тяньцзиня, и в 55 километрах от нового Пекинского международного аэропорта. В настоящее время площадь нового района составляет около 100 кв. км, из которых около 30 кв. км отнесены к стартовому району. В перспективе общую площадь района планируется увеличить до 1,770 кв. км. Новый район богат экологическими и туристическими ресурсами: здесь расположены озеро Байяндянь (кит. 白洋淀) – крупнейшее естественное озеро северного Китая, а также ряд объектов культурного наследия.

Цель Программы заключается в формировании экономического кластера мирового уровня Цзин-Цзинь-Цзи и в превращении Нового района Сюньань в новый современный город – показательный район высококачественно-го развития и условий проживания населения.

Для достижения данной цели определены приоритетные задачи развития, а также конкретные мероприятия по выполнению последних:

1) Защита экологии и сохранение культурного наследия

Постепенно восстановить площадь Озера Байяндянь до 360 кв.км и сохранить уровень воды 6,5–7,0 м. Особое внимание уделять улучшению качества воды и экологической реставрации. В перспективе планировать строительство государственного парка Байяндянь.

Принимать активные меры для сохранения культурного наследия, в том числе туннеля крепости династий Сун и Ляо, руин Наньян, части Вели-

кой китайской стены. Построить парки, музеи, выставочные залы и другие объекты.

2) *Развитие науки и высокотехнологичных отраслей промышленности*

Создать благоприятные условия для размещения филиалов ведущих вузов, научных лабораторий государственного значения, передовых медицинских центров и других инновационных учреждений. Поддержать открытие филиала Технопарка Чжунгуаньцунь в Новом районе.

Сфокусировать усилия на развитии приоритетных высокотехнологичных отраслей, таких, как информационные технологии нового поколения, современная наука о жизни и биотехнология, новые материалы, сфера услуг высокого уровня и зелёное сельское хозяйство.

3) *Создание высокоэффективной транспортной сети*

Большое внимание уделять обеспечению тесной связи между Новым районом Сюньань и городами Пекин, Тяньцзинь и районами провинции Хэбэй. Для достижения этой цели усовершенствовать транспортную систему и построить новые высокоскоростные железнодорожные и автомобильные магистрали. Одновременно создать удобную и экологичную транспортную систему внутри Нового района, опирающуюся на эффективное сочетание автобуса, велосипеда и пешего передвижения.

4) *Построение умного города*

Усилить строительство смарт-инфраструктуры и создать умную окружающую среду.

Также в Программе предусмотрены меры по энергетическому обеспечению, предотвращению и реагированию на чрезвычайные ситуации, предоставлению населению высококачественных общественных услуг и т.д.

Современное состояние реализации государственных стратегий формирования двух районов

После того, как Президентом РФ была поставлена задача по созданию на острове Русский международного научно-образовательного технологического кластера, а правительством страны утверждена Концепция развития острова, началось динамичное развитие последнего. К настоящему времени была выполнена следующая работа:

1) *На острове был открыт Технопарк "Русский".*

В ходе третьего ВЭФ в сентябре 2017 г. ДВФУ совместно с фондом "Сколково" объявил о запуске проекта по созданию Технопарка "Русский" с целью формирования на острове экосистемы развития технологического предпринимательства для инновационного развития Приморского края, всего Дальнего Востока России и экономического сотрудничества со странами АТР в сфере высоких технологий. В настоящее время 33 российских компании стали резидентами этого Технопарка, из которых 16 компаний заняты в сфере информационных и телекоммуникационных технологий, 4 – в биомедицине, 8 работает по направлению приборостроения и наукоемкого оборудования, 3 – в области робототехники, и 2 компании заняты в сферах технологий VR (Virtual Reality, виртуальная реальность), AR (Augmented Reality, дополненная реальность) и новых материалов [3].

Также начата подготовка к строительству комплекса зданий технопарка общей площадью 80,000 м².

2) *Создан Дальневосточный фонд развития и внедрения высоких технологий.*

В 2017 г., во исполнение поручения Президента России Путина, при участии ООО "УК "Роснано", АО "Российская венчурная компания" и Фонда развития Дальнего Востока (ФРДВ) был сформирован Дальневосточный фонд развития и внедрения высоких технологий, общий объем средств которого на первом этапе составит до 5 млрд рублей — с последующим расширением за счёт привлечения капитала банков, иностранных партнёров, стратегических инвесторов. Фонд будет инвестировать в акционерный капитал и предоставлять заёмное финансирование дальневосточным компаниям, разрабатывающим актуальные и перспективные технологии, продукты и услуги, финансировать проекты, связанные с трансфером технологий из-за рубежа,

расширением и модернизацией производства высокотехнологичной продукции [1].

3) *Подписано соглашение о реализации проекта строительства Центра международного сотрудничества на острове Русский*

В апреле 2018 г. на полях Азиатского экономического форума в Боао, Китай, Российский Фонд развития Дальнего Востока и китайский Центр планирования и исследований Шёлкового пути договорились о стратегическом сотрудничестве с китайской China Communications Construction Corporation при реализации проектов строительства Центра международного сотрудничества (ЦМС) и Дальневосточного города здоровья, науки и инноваций на острове Русский во Владивостоке. По данному соглашению, в соответствии с Концепцией развития острова Русский, будет реализован ряд проектов, в том числе по строительству конгрессно-выставочного центра с гостиничной инфраструктурой, научно-исследовательского и лечебного центра, многофункционального спортивно-оздоровительного комплекса, международного делового центра, жилых помещений, гостиницы, туристической и рекреационной зоны. Общий бюджет проекта оценивается в более чем 140 млрд рублей [5].

После принятия ЦК КПК 1 апреля 2017 г. решения о создании Нового района Сюньань, началась активная работа по его созданию, и к настоящему времени выполнена следующая работа:

1) *Создана "Инвестиционно-строительная корпорация Сюньань".*

На основании решения правительства провинции Хэбэй 18 июля 2017 г. была создана Корпорация, которая обладает статусом независимого юридического лица и хозяйственной самостоятельностью со 100 % государственным капиталом. Первоначальный уставный капитал корпорации составил 10 млрд. юаней.

Основные задачи корпорации заключаются в создании инновационной модели финансирования, широком привлечении негосударственных финансовых средств и реализации проектов государственно-частного партнёрства (ГЧП); земельном девелопменте, строительстве социального жилья и объектов коммерческой недвижимости; организации и проведении работы по экологическому оздоровлению и раскрытию туристического потенциала бассейна озера Байяндянь, на котором расположен Сюньань Новый район; реализации ряда инфраструктурных объектов в сферах транспорта, ЖКХ, энергетики и т.д.

2) *48 крупных корпораций стали резидентами Нового района Сюньань.*

К настоящему времени 48 крупных компаний стали резидентами Нового района (список части из них приведён в Приложении 2): 14 компаний заняты в сфере информационных технологий, 15 предоставляют финансовые услуги, 7 являются НИИ высоких технологий, 5 работают в сфере экологии и т.д. Эти резиденты будут содействовать управленческим структурам Нового района Сюньань в области строительства, внедрения высоких технологий, создания "умного города", предоставлении финансовой поддержки и др. [6].

3) *Динамично осуществляется строительство инфраструктуры.*

29 апреля 2018 г. завершилось строительство первого проекта в Новом районе Сюньань – Центра предоставления услуг населению площадью 99,6 тыс. кв. м.². В ходе его осуществления были применены высокоэффективные энергосберегающие технологии комплексного строительства, которые, по сравнению с традиционными методами, позволили уменьшить энергозатраты примерно на 70 % [7]. Ещё один важный проект инфраструктуры – высокоскоростная железная дорога от Пекина до Нового района Сюньань длиной 92,4 км – начал строиться 28 февраля 2018 г. После его планируемой в 2020 г. сдачи в эксплуатацию от Пекина до Нового района Сюньань можно будет доехать за 30 минут.

4) *Несколько ведущих китайских вузов и технопарков подписали с Новым районом соглашения о сотрудничестве.*

Для поддержки развития Нового района в сферах инноваций и высоких технологий несколько ведущих китайских вузов и технопарков подписали с ним соглашения о сотрудничестве. Так, Пекинский университет и Новый район Сюньань достигли договорённости о сотрудничестве в создании современного медицинского центра, организации программы MBA для обеспече-

ния человеческого капитала, формировании центра по исследованию опыта государственно-частного партнёрства в Новом районе. Университет Циньхуа планирует создать в Новом районе базу прохождения практики для студентов; Хэбэйский университет создаст центр по исследованию традиционной культуры района Сюньань. Также Новый район привлёк внимание вузов из других провинций Китая и зарубежных стран: Даляньский политехнический университет и Северо-восточный финансовый университет намерены содействовать Новому району в области финансов, технологий и образования; а Хэбэйский политехнический университет и Университет Аризоны (США) обсудили возможность открытия в Новом районе совместного филиала [8].

Технопарки также активно сотрудничают с Новым районом. Например, технопарк Чжунгуаньцунь готов построить здесь свой филиал и привлечь к работе зарубежных профессоров и высококвалифицированные кадры, особенно из стран, участвующих в реализации проекта "Одного пояса, одного пути"; а Технопарк университета Циньхуа Tusholdings намерен сотрудничать с Новым районом в области инноваций и высоких технологий.

Предпосылки и перспективы сопряжения стратегий развития острова Русский и нового района Сюньань

Проанализировав Концепцию развития острова Русский и Программу развития Нового района Сюньань, а также предпринятые практические шаги по их реализации, автор выдвигает тезис о формировании ряда позитивных предпосылок для развития всестороннего сотрудничества между этими районами, в том числе таких, как

1) *Высокий уровень двусторонних отношений между КНР и РФ*, который обеспечивает политические гарантии благоприятного развития сотрудничества между островом Русский и Новым районом Сюньань.

2) *Наличие сходных пунктов в стратегиях развития двух районов:*

– Обе стороны планируют превратить их в показательные районы и важнейшие составляющие качественного регионального развития. Новый район Сюньань должен стать важным полюсом экономического кластера мирового уровня Цзин-Цзинь-Цзи, а устойчивое развитие острова Русский предусмотрено в комплексе с развитием владивостокской агломерации и опережающим социально-экономическим развитием Дальнего Востока.

– Развитие районов реализуется на основе концепций защиты экологии и сохранения культурного наследия.

– Одним из приоритетных направлений развития этих районов является продвижение современных форм образования, инноваций и высоких технологий. На острове Русский функционирует ведущий на Востоке России университет – ДВФУ, который обладает богатым человеческим и научно-технологическим потенциалом. По мере размещения институтов, центров и филиалов престижных вузов, в Сюньань Новом районе будут также сосредоточены квалифицированные кадры и задействованы инновационные факторы. При этом приоритетные направления развития высоких технологий двух районов во многом совпадают.

Таким образом, очевидно, что в развитии острова Русский и Нового района Сюньань уже есть предпосылки для сотрудничества. В интересах развития системного, всестороннего и долгосрочного взаимодействия, предлагаем создание механизма сотрудничества между управленческими органами и резидентами острова Русский и Нового района Сюньань. В рамках этого механизма возможно взаимодействие по следующим направлениям:

1) *Обмен опытом в разработке планов по реализации стратегий развития этих районов.*

Обе стороны опирались на современный международный опыт для разработки стратегий развития районов. Так, в Концепции развития острова Русский отмечено, что "с целью применения лучших международных практик были изучены примеры комплексного развития территорий с аналогичным назначением, в первую очередь, в Азиатско-Тихоокеанском регионе"; а при разработке Программы развития Нового района Сюньань также был использован успешный мировой опыт. В этой связи обе стороны заинтересованы в дальнейшем обмене опытом в разработке и совершенствовании планов реализации Концепции и Программы.

2) *Взаимодействие в области защиты экологии и сохранения культурного наследия.*

В Концепции и Программе особое внимание было уделено защите экосистемы и сохранения культурного наследия двух районов. Китай и Россия тесно сотрудничают в области защиты окружающей среды. Так, в 2006 г. была создана подкомиссия по сотрудничеству в области охраны окружающей среды в рамках Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств Китая и России. За прошедший период обе стороны достигли значимых позитивных результатов: качество воды в реках на российско-китайской границе улучшилось; были усилены меры по защите редких животных (тигров, леопардов и др.); улучшена работа механизмов оповещения и обмена информацией при возникновении трансграничных чрезвычайных ситуаций экологического характера и т.д. Представляется целесообразным в рамках вышеназванной подкомиссии создать совместную рабочую группу по защите экологии и сотрудничеству с учётом особенностей острова Русский и Нового района Сюньань по таким направлениям, как улучшение качества воды, обеспечение разнообразия растительного и животного мира, развитие экологического туризма и др. Одновременно важно обмениваться опытом в области сохранения культурного наследия путём проведения семинаров, научных конференций и других мероприятий.

3) *Развитие сотрудничества в научно-образовательной и технологической сферах.*

Одним из важнейших для двух районов является фокус на развитие образования и высоких технологий. Вузы и технопарки двух районов играют важную роль в этой сфере, и сотрудничество между ними должно дополнять друг друга. С одной стороны, благодаря установлению сотрудничества между управленческими органами острова Русский и Нового района Сюньань, для вузов и технопарков будет расширяться круг бизнес-партнёров из числа резидентов; с другой – взаимодействие между вузами и технопарками двух стран обеспечит человеческий капитал для устойчивого развития районов.

ДВФУ, являясь ведущим российским членом ряда известных российско-китайских и международных ассоциаций вузов (ассоциации технических и классических вузов России и Китая, ассоциация вузов стран БРИКС, ассоциация университетов АТР и др.), развивает многовекторное сотрудничество с китайскими партнёрами, среди которых престижные вузы, которые планируют работать в Новом районе Сюньань. ДВФУ и ведущие китайские вузы могут углублять взаимодействие путём открытия представительств, а в перспективе и совместных филиалов на острове Русский и в Новом районе Сюньань. Открытие представительств и филиалов позволит

- привлечь талантливые кадры для развития двух районов;
- не ограничиваться академической мобильностью, а задействовать и других акторов, таких как предприятия, общественные организации, местная власть, фонды и т.д.;
- стимулировать резидентов этих районов (стартапов, высокотехнологичных компаний и др.) выйти на рынки России и Китая.

Что касается взаимодействия в области инноваций и высоких технологий, то, кроме сотрудничества между вузами, следует развивать сотрудничество между резидентами технопарков и фондами поддержки высоких технологий двух стран. Кроме того, в перспективе можно рассматривать возможность строительства совместного технопарка на территории двух районов.

4) *Взаимодействие в сфере финансового обеспечения*

В Концепции развития острова Русский подчёркнуто, что финансовое обеспечение осуществляется за счёт средств федерального бюджета, бюджета Приморского края, средств институтов развития и финансовых организаций, а также за счёт частных инвесторов. Планируется широкое применение инструментов государственно-частного партнёрства.

Важными задачами для "Инвестиционно-строительной корпорации Сюньань" являются создание инновационной модели финансирования района, широкое привлечение негосударственных финансовых средств и реализация проектов на основе ГЧП. Пекинский университет готов создать здесь центр по исследованию опыта государственно-частного партнёрства в Новом районе. В этой связи двум районам целесообразно обмениваться опытом по

используемым моделям финансирования различных проектов, особенно инструментам ГЧП.

Таким образом, по результатам исследования можно сделать следующие выводы.

Проектам развития острова Русский и Нового района Сяньгань уделяется особое внимание лидерами России и Китая, что способствует их динамичному претворению в жизнь.

Сходство стратегий развития острова Русский и Нового района Сяньгань является одной из важных предпосылок для всестороннего сотрудничества в их реализации между двумя районами, не граничащими друг с другом. Эффективное взаимодействие между ними может быть организовано в разработке инновационных стратегий развития, в сферах защиты экологии и сохранения культурного наследия, образования, высоких технологий, финансового обеспечения и др.

Предложенное сотрудничество между островом Русским и Новым районом Сяньгань будет способствовать укреплению регионального сотрудничества между двумя государствами, созданию благоприятного климата для взаимодействия вузов, институтов, компаний-резидентов и накоплению опыта формирования подобных показательных районов, формируемых на основе инновационного типа развития и способных выстраивать эффективное взаимодействие с подобными районами в других странах без опоры на их географическую близость.

Литература

1. Дальневосточный фонд развития и внедрения высоких технологий // Фонд развития Дальнего Востока, [Электронный ресурс]. URL: http://www.fondvostok.ru/projects/fund_of_technologies/dalnevostochnyy-fond-razvitiya-i-vnedreniya-vysokikh-tehnologiy/ (дата обращения: 16.05.2018).
2. Концепция развития острова Русский (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 мая 2017 г. № 1134-р.)
3. О Технопарке // Технопарк "Русский", [Электронный ресурс]. URL: <https://rutechpark.ru/about/> (дата обращения: 01.04.2018).
4. Русский (остров, Приморский край) // Википедия, [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Русский_\(остров,_Приморский_край\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Русский_(остров,_Приморский_край)) (дата обращения: 06.05.2018).
5. СССР выступит стратегическим партнёром проекта развития острова Русский во Владивостоке // Фонд развития Дальнего Востока, [Электронный ресурс]. URL: http://www.fondvostok.ru/press/press_release/ccsc-vystupit-strategicheskim-partnerom-proekta-razvitiya-ostrova-russkiy-vo-vladivostoke/ (дата обращения: 10.04.2018).
6. 中国雄安官网 (Официальный сайт Нового района Сяньгань), [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xiongan.gov.cn> (дата обращения: 02.04.2018).
7. 雄安新区市民服务中心见闻:代表未来雄安新区新城建设的基本方向, 新华网, 2018-04-10 (Впечатление от Центра услуг населению Нового района Сяньгань: отражает будущие основные направления строительства Нового района Сяньгань // Синьхуа, 10 апреля 2018 г.), [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/2018-04/10/c_1122659998.htm (дата обращения: 10.04.2018).
8. 雄安大学: 新机制、新模式建设世界一流大学, 中国青年报, 2018-04-24 (Сяньганьский университет: создание университета мирового уровня с применением нового механизма и новой модели // Китайская молодёжь), [Электронный ресурс]. URL: <http://edu.sina.com.cn/gaokao/2018-04-24/doc-ifyqvvs2309560.shtml> (дата обращения: 24.04.2018).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Dal'nevostochnyj fond razvitiya i vnedreniya vysokikh tekhnologij // Fond razvitiya Dal'nego Vostoka, [Электронный ресурс]. URL: http://www.fondvostok.ru/projects/fund_of_technologies/dalnevostochnyy-fond-razvitiya-i-vnedreniya-vysokikh-tehnologiy/ (дата обращения: 16.05.2018).
2. Kontseptsiya razvitiya ostrova Russkij (utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federatsii ot 30 maya 2017 g. № 1134-r.)
3. O Tekhnoparke // Tekhnopark "Russkij", [Электронный ресурс]. URL: <https://rutechpark.ru/about/> (дата обращения: 01.04.2018).

4. Russkij (ostrov, Primorskij kraj) // Vikipediya, [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Russkij_\(ostrov,_Primorskij_kraj\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Russkij_(ostrov,_Primorskij_kraj)) (data obrashheniya: 06.05.2018).

5. СССР vystupit strategicheskim partnyorom proekta razvitiya ostrova Russkij vo Vladivostoke // Fond razvitiya Dal'nego Vostoka, [Электронный ресурс]. URL: http://www.fondvostok.ru/press/press_release/cccc-vystupit-strategicheskim-partnerom-proekta-razvitiya-ostrova-russkij-vo-vladivostoke/ (data obrashheniya: 10.04.2018).

6. 中国雄安官网 (Ofitsial'nyj sajt Novogo rajona Syun'an'), [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xiongan.gov.cn> (data obrashheniya: 02.04.2018).

7. 雄安市民服务中心见闻:代表未来雄安新区新城建设的基本方向, 新华网, 2018-04-10 (Vpechatlenie ot TSentra uslug naseleniyu Novogo rajona Syun'an': otrazhaet budushhie osnovnye napravleniya stroitel'stva Novogo rajona Syun'an' // Sin'khua, 10 aprelya 2018 g.), [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/2018-04/10/c_1122659998.htm (data obrashheniya: 10.04.2018).

8. 雄安大学: 新机制、新模式建设世界一流大学, 中国青年报, 2018-04-24 (Syun'an'skij universitet: sozdanie universiteta mirovogo urovnya s primeneniem novogo mekhanizma i novoj modeli // Kitajskaya molodyozh'), [Электронный ресурс]. URL: <http://edu.sina.com.cn/gaokao/2018-04-24/doc-ifzqvvs2309560.shtml> (data obrashheniya: 24.04.2018).

Нянь Сюежуй. Возможности и перспективы сопряжения стратегий развития острова Русский и Нового района Сюньань в рамках межрегионального сотрудничества России и Китая

В последние годы по инициативе лидеров России и Китая было принято решение о создании показательных районов, где внедряются самые современные модели развития. В представленной статье основное внимание уделено исследованию двух подобных районов: острова Русский в России и Нового района Сюньань (кит. 雄安新区) в Китае. Проведя исследование возможностей и перспектив взаимодействия между ними, автор предложил модель регионального сотрудничества между районами России и Китая, основанную на основе сопряжения сходных инновационных стратегий развития, а не на их географической сопредельности.

Ключевые слова: *межрегиональное сотрудничество России и Китая, остров Русский, Новый район Сюньань, технопарк, высокие технологии, защита экологии, государственно-частное партнёрство*

Nian Xuerui. The possibilities and prospects for integrating development strategies of Russky Island and Xiongan New Area in the framework of the interregional cooperation between Russia and China

In recent years, at the initiative of the leaders of Russia and China, the decision was made to create demonstration areas where the most modern models of development are introduced. The article focuses on the study of two such areas: Russky Island in Russia and Xiongan New Area (simplified Chinese: 雄安新区) in China. By conducting a study of possibilities and prospects of interaction between them, the author proposed a model of regional cooperation between the regions of Russia and China that is based on integration of similar innovation development strategies, and not on the geographical contiguity.

Key words: *interregional cooperation between Russia and China, Russky Island, Xiong'an New Area, technopark, high technologies, environmental protection, public-private partnership*

Для цитирования: Нянь Сюежуй. Возможности и перспективы сопряжения стратегий развития острова Русский и Нового района Сюньань в рамках межрегионального сотрудничества России и Китая // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 3. С. 88–95. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/88-95

For citation: Nian Xuerui. The possibilities and prospects for integrating development strategies of Russky Island and Xiongan New Area in the framework of the interregional cooperation between Russia and China // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 3. P. 88–95. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/88-95

Трансграничное сотрудничество между Приморским краем и западным побережьем Японии: потенциал контейнерных перевозок глазами практиков обеих стран

Островное положение Японии предопределяет важную роль морской инфраструктуры в развитии страны. На сегодняшний день в Японии порядка тысячи портов, крупнейшие из которых расположены на тихоокеанском побережье страны. Однако, по ряду причин, в том числе в связи с высокой подверженностью восточного побережья сейсмическим колебаниям, японское правительство уделяет пристальное внимание развитию западного побережья страны. Российские дальневосточные порты также играют важную роль в экономическом взаимодействии России со странами АТР и Японией, в частности. Хотя расстояние до западного побережья сравнительно небольшое (так, из Ниигаты до Владивостока 30 часов ходу, из Хамады до Владивостока – 36 часов), контейнерные грузы из портов западного побережья Японии попадают в Приморский край преимущественно через Пусан. Причина этого, в большинстве случаев, недостаточное количество груза для того, чтобы экономически обосновать заход судна в порт.

Данная статья основывается на материалах, полученных в результате совместного исследования, проведённого Институтом по исследованию сотрудничества в Азии (Akita International University Institute for Asian Studies and Regional Collaboration, AIU IASRC) Международного университета Аки-ты и Центром азиатско-тихоокеанских исследований Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (ЦАТИ ВИ-ШРМИ ДВФУ). В рамках данного исследования сотрудничество между японскими и российскими портами побережья Японского моря было рассмотрено в комплексном формате, данная же статья концентрируется на контейнерных перевозках.

В рамках комплексного исследования была взята серия экспертных полуструктурированных интервью. Четыре интервью были взяты в России в период с января по март 2016 г.: два интервью с представителями торгово-промышленной палаты Приморского края, интервью с сотрудником одной из крупнейших компаний, занимающихся морскими контейнерными перевозками во Владивостокском порту (по просьбе респондента интервью анонимное), а также с директором консалтингового агентства, занимающегося оценочной и консультационной деятельностью в области морских перевозок и развития портовых мощностей в Приморском крае. Остальные интервью были взяты во время посещения японских портов в период с июня по июль 2016 г. Совместная делегация администрации префектуры Аки-ты, AIU IASRC и ЦАТИ ВИ-ШРМИ ДВФУ посетила следующие порты: Аки-та, Фунакава, Ноширо, Фушики-Тояма, Ниигата, Сакайминато, Хамада и Саката. Программы визитов включали в себя встречи с представителями местной администрации, сотрудниками портовой администрации, представителями бизнеса и другими заинтересованными сторонами. В таблице 1 указана основная информация о респондентах.

В статье дан краткий обзор динамики контейнерооборота в портах Владивосток и Восточный, а также проанализированы данные, комментарии и примеры, отражающие взгляды заинтересованных представителей российской и японской сторон на вопрос о перспективах увеличения контейнерного

грузооборота между портами Приморского края и портами западного побережья Японии.

Перевалка контейнеров в Приморском крае

На Дальнем Востоке основные два порта, задействованные в перевалке контейнеров, – это Владивосток и Восточный. В первом квартале 2017 г. в порту Владивосток было перевалено 172,12 тыс. TEU¹ грузов (на 31,3 % больше, чем за аналогичный период 2016 г.), в порту Восточный – 82,36 тыс. TEU (+20,2 %) [5]. Это является долгожданным ростом после затяжного падения контейнерооборота предыдущих лет (общая информация о контейнерообороте трёх крупнейших стивидоров Приморского края за 2012 – первый квартал 2017 г. приведена в таблице 2). Рассмотреть подробнее структуру контейнерооборота в этих портах можно, обратившись к информации за первые три квартала 2016 г. За этот период во всём дальневосточном бассейне было перевалено 859,02 тыс. TEU контейнерных грузов. Порт Владивосток переваливал 52,8 % контейнеров (63,2 % всей экспортной перевалки 64,1 % импортной, 24,8 % транзитной), порт Восточный – 25,6 % (34,2 % экспортной, 33,9 % импортной и 73,4 % транзитной). Не учитывая каботажных перевозок, на оба порта вместе пришлось 97,4 % перевалки экспортных, 98 % импортных и 98,2 % транзитных контейнеров. Однако важно отметить, что порт Восточный переваливает больше гружёных контейнеров на экспорт (70,13 тыс. TEU или 53,4 % перевалки экспортных контейнеров в дальневосточном бассейне), чем Владивостокский (60,06 тыс. TEU или 45,7 %) порт ("Российский и прилегающие контейнерные рынки за 9 месяцев 2016 года"²).

Стоит заметить, что в большинстве случаев, когда обсуждались перспективы сотрудничества и предпринимаемые действия, под Владивостоком японской стороной предполагался непосредственно Владивостокский морской торговый порт (ВМТП). Объяснялось это, в первую очередь, хорошей инфраструктурой порта. Контейнерный терминал ВМТП обладает относительно модернизированной инфраструктурой, включая 7 STS (sea to shore или причальных перегружателей) контейнерных перегружателей, 6 RTG (rubber tired gantry cranes или транстейнеров) и 6 RMG (rail mounted gantry cranes или козловых кранов на железнодорожной колёсной паре) перегружателей, а также 26 порталных кранов [1, слайд 13]. Для сравнения, Владивостокский морской рыбный порт обладает лишь тремя RTG перегружателями, а большая часть погрузочно-разгрузочных работ осуществляется силами 35 порталных кранов.

Данное преимущество вкупе с относительно удобной и развитой логистикой позволяет ВМТП оставаться ключевым игроком в перевалке контейнеризированных грузов. ВМТП в первом квартале 2017 г. было перевалено 94,5 тыс. TEU грузов (+33,8 % по сравнению с аналогичным периодом 2016 г.) [5]. Несомненно, этот наметившаяся тенденция к росту вселяет определённый оптимизм, так как с пикового 2014 г., когда ВМТП было перевалено 513 тыс. TEU, контейнерооборот стивидора уменьшился до 330 тыс. TEU по итогам 2016 г.

Определённую роль может играть и тот факт, что у ВМТП уже есть судоводные сервисы с Японией, это Japan Trans Siberian Line (совместный сервис FESCO и японской Mitsui O.S.K. Lines) и FESCO Ro-Ro Line (Япония – Дальний Восток). На данный момент суда этих сервисов не заходят на регулярной основе в порты западного побережья Японии, следуя в Кобэ, Нагойю, Йокогаму. Тем не менее, ранее суда этих сервисов заходили, например, в Тояма-Шинко и Хамада. Стоит заметить, что респонденты разных японских портов не единожды выражали недовольство результатами переговоров с представителями FESCO. Однако особой альтернативы данной компании для работы с дальневосточными портами на регулярной основе они, судя по всему, не видят.

¹ TEU, twenty-foot equivalent unit – условная единица измерения вместимости грузовых транспортных средств. Основана на объёме 20-футового интермодального контейнера. Также иногда используется русская аббревиатура – ДФЭ.

² Данный отчёт до 2017 г. был доступен на сайте агентства InfraNews (<http://infranews.ru/>), на данный момент он закрыт для бесплатного доступа.

Табл. 1. Респонденты интервью

Место	Организация	Статус респондента
Приморский край	Приморская торгово-промышленная палата	Президент Союза и сотрудники палаты
		Председатель комитета международных связей и сотрудники палаты
	Контейнерная судоходная компания	Сотрудник отдела логистики
	Консалтинговая компания "АССО-Инвест Консалтинг"	Директор
Префектура Акита	Администрация префектуры Акита	Директор и сотрудники отдела коммерции и торговли, департамента промышленности и труда
	Администрация порта Акиты	Глава администрации и сотрудники
	Администрация порта залива Фунакава	Директор администрации и сотрудники
	Администрация порта Ноширо	Заместитель главы и сотрудники
Префектура Тояма	Администрация префектуры Тояма	Директор и сотрудники отдела промышленности и торговли департамента торговли, промышленности и труда Помощник директора и сотрудники департамента общественных работ
	Транспортная компания Fushiki Kairiku Unso Co. Ltd.	Главный менеджер и сотрудники департамента мультимодальных перевозок
Префектура Ниигата	Администрация префектуры Ниигата	Директор и сотрудники бюро транспортной политики отдела развития порта
	Управляющая компания торгового терминала Ниигаты	Сотрудник компании
Префектура Тоттори	Ассоциация развития торговли порта Сакай	Главный менеджер и сотрудники ассоциации
	Администрация порта Сакай	Помощник директора
Префектура Симане	Ассоциация развития порта Хамада	Глава секретариата и другие сотрудники ассоциации
	Администрация г. Хамада	Сотрудник отдела промышленной политики промышленного департамента
Префектура Ямагата	Администрация префектуры Ямагата	Заместитель директора и сотрудники отдела по управлению портом и гаванью

Источник: составлено автором.

В порту Зарубино, который принадлежит группе компаний "Сумма"³, на данный момент контейнеры не переваливаются. Однако в местных СМИ данный порт регулярно появляется в заголовках в связи с обсуждением проектов международных транспортных коридоров (МТК). Не раз было заявлено о планах модернизации портовых мощностей, после которой объём перевалки значительно вырастет. Основанием для таких прогнозов служил расчёт на переориентацию грузовых потоков из Северо-Восточного Китая, в первую очередь, из провинций Цзилинь и Хэйлунцзян. На сегодняшний день основная

³ Также подконтрольная группе компаний "Сумма" АО "Объединенная зерновая компания" реализует в порту проект создания крупного зернового терминала для операций на китайском рынке.

масса грузопотока этих провинций проходит через китайские порты Жёлтого моря. Первоначальные оценки существующего потенциала для "перехвата" контейнерного потока предполагали увеличение контейнеропотока через Зарубино до 2,5 млн. TEU в год к 2020 г [8]. Тем не менее, по сей день проект модернизации порта Зарубино не получил поддержки, вероятно, не в последнюю очередь из-за того, что заявленный потенциал грузооборота представляется завышенным. К примеру, в результатах исследования, проведённого АССО "Инвест-консалтинг" (директор которой выступал одним из респондентов) для неназванного инвестора в порт Зарубино, потенциал обоих коридоров оценивался в 240-260 тыс. TEU к 2020–2022 г. [6]. Свои расчёты относительно ожидаемого грузооборота предоставили и представители администрации Ниигаты. Их оценки грузооборота также скромны: порядка 360 TEU экспорта из Ниигаты в Цзилинь через Зарубино ежегодно (преимущественно – макулатура и товары личной гигиены), а также 1400 TEU импорта (древесина, палочки для еды, ткани и минеральная вода, преимущественно из провинции Цзилинь).

С портом Зарубино также связаны многие надежды префектуры Ниигата, которая имела планы приобрести корейское паромное судно для налаживания сообщения с портами Приморского края (Владивостоком и Зарубино). Однако реализации планов помешали довольно неожиданные сложности. По объяснению японской стороны, купленное судно (дедвейтом 10000 тонн, рассчитанное на перевозку до 350 пассажиров и 135 TEU грузов) не удовлетворило покупателя по техническим характеристикам (скорость судна оказалась меньше расчётной). По словам респондентов, при расторжении сделки через суд в 2016 г. было принято решение о выплате неустойки корейской стороне, что повлекло серьёзный скандал накануне выборов в префектуре и привело к "забвению" неудобной темы на неопределённый срок. Тем не менее, по заявлению японской стороны, обсуждение возможностей организации судоходной линии между Ниигатой и Зарубино/Владивостоком продолжается, в частности, префектура ведёт переговоры напрямую с китайской логистической компанией, частично принадлежащей местным властям провинции Цзилинь. Китайская сторона предлагает отойти от проекта с закупкой парома в пользу приобретения контейнеровоза. Этот вариант также имеет свои преимущества и недостатки для японской стороны – хотя разгрузка парома сложнее (нельзя использовать STS-перегрузатели), у префектуры было желание задействовать пассажирский терминал в порту Ниигаты, который простаивает с момента прекращения в 2006 г. паромного сообщения с КНДР. Таким образом, Зарубино по сей день остаётся лишь перспективным направлением развития контейнерных перевозок между двумя странами.

Определение направлений деятельности в условиях уменьшения контейнерного грузооборота

В торговых отношениях между Приморским краем и Японией есть ряд товарных позиций, по которым деятельность осуществляется давно, в достаточной крупном объёмах и через развитую сеть экономических агентов. Если говорить о контейнеризируемых грузах, это можно сказать, например, о рынке автозапчастей, об импорте б/у шин⁴. Для большинства портов эти позиции являются "традиционными" и составляют львиную долю контейнеризированной грузобазы.

Для примера можно привести данные грузооборота в порту Акиты (грузы из/в Россию транзитом через Пусан), предоставленные во время интервью. В порт Владивосток в 2015 г. экспортировано 325 TEU, из них изделия из резины (б/у шины) – 241 TEU, автозапчасти (б/у) – 66 TEU, промышленное оборудование (сельхозтехника и т.п.) – 17 TEU. Из Владивостока импортировано 236 TEU, из них цветных металлов (в основном цинка) – 80 TEU,

⁴ Бизнес, худо-бедно переживший вмешательство нетарифного регулирования в виде классификации в качестве опасных отходов. С 1 января 2010 года в России утвержден Единый перечень товаров, к которым применяются запреты или ограничения на ввоз или вывоз, к ним относятся и "шины и покрышки пневматические, бывшие в употреблении". Впрочем, осталась возможность ввозить б/у шины на дисках, декларируя их как запчасти. Это, соответственно, уменьшило норму прибыли в данном бизнесе, так как с дисками потом также надо что-то делать – возвращать, выбрасывать и т.д. Соответственно, массовость этого бизнеса резко снизилась.

Табл. 2. Контейнерооборот крупнейших стивидорных компаний Приморского края в 2012–2016 гг., тыс. TEU. Данные за 2012–2016 гг. агрегированы с сайтов компаний, данные по 1 кварталу 2017 г. взяты из отчёта агентства InfraNews

Стивидор	2012	2013	2014	2015	2016	2017 (Q1)
ОАО "Владивостокский морской торговый порт"	456	477	513	345	330	94,5 (+33,8%)
ОАО "Владивостокский морской рыбный порт"	145	150	148	129	142	34,24 (+28,9%)
ООО "Восточная стивидорная компания"	н.д.	475	475	353	301	82,4 (+20,2%)
Итого крупнейшими стивидорами	н.д.	1102	1136	827	773	211,4

Источник: [5].

металлической руды – 60 TEU, продукции из дерева (по словам японской стороны – фанеры) – 48 TEU. В порт Восточный в 2015 г. экспортировано 131 TEU, из них изделия из резины – 100 TEU, автозапчасти – 13 TEU, промышленное оборудование – 13 TEU. Импортировано 88 TEU, из них 26 TEU продукции из дерева, 24 TEU пиломатериалов.

Резкое падение рубля и снижение покупательной способности российского населения серьёзно повлияло на торговлю и товарооборот контейнеризируемых грузов. Многие японские компании прекратили свою деятельность или сократили своё присутствие в стране. Например, представители "Фушики Кайрёку" (порт Тояма) отметили, что им пришлось закрыть постоянное представительство в России и оставить только информационно-рекламный стол во Владивостоке. Существенно "просели" все сферы – от запчастей до бытовой химии. В сложившихся условиях представителями префектур были выданы разные пути преодоления кризиса. Их можно разделить на несколько основных направлений: стимулирование транзитных перевозок через Транссибирскую магистраль, диверсификация грузов, перевозимых в небольших объёмах и поиск новых источников для крупных партий груза. На каждом из указанных направлений стоит остановиться отдельно.

Стимулирование грузоперевозок по Транссибирской магистрали

Транзит по Транссибирской магистрали по сей день привлекает интерес японской стороны. В 2008 г. Министерство земли, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии выпустило рекомендации по уменьшению эмиссии углекислого газа и рекомендовало префектурам активизировать меры по поддержке железнодорожного транспорта.

Ряд респондентов с японской стороны описали некоторые меры, принявшиеся и принимающиеся для стимулирования контейнерных перевозок по Транссибирской магистрали через российский Дальний Восток⁵. К примеру, префектура Тояма субсидирует контейнерные перевозки через Трансиб как для компаний, впервые использующих данный маршрут, так и для тех, кто пользуется данным маршрутом регулярно. По словам респондентов, максимальный уровень субсидии может достигать 1,5 млн. йен за рейс. Отдельным условием выставляется использование японской железнодорожной сети для доставки грузов до порта по территории Японии. В случае с Тоямой результатом субсидирования стало появление постоянных клиентов, использующих контейнерный терминал в Тояме для экспорта в Россию. В целом же, респонденты с японской стороны проявляли сдержанный оптимизм в отношении потенциала транзитных перевозок через Транссибирскую магистраль,

⁵ По расчётам японской стороны это позволяет достичь на 70% меньшей эмиссии углекислого газа по сравнению с транспортировкой груза морем.

при этом неоднократно повторялось мнение о сложностях в ведении переговоров о тарифах с представителями РЖД.

Торгово-промышленной палатой Акиты и администрацией префектуры Акита была предпринята попытка реализовать проект по транспортировке автомобильных компонентов из Нагои, предполагавшая транспортировку груза железной дорогой от Нагои до Акиты и от Владивостока до Санкт-Петербурга, где должно было осуществляться сборочное производство. Тем не менее, в сравнении с транспортировкой автомобильных компонентов морским путём непосредственно в Санкт-Петербург, перевозка по Транссибирской магистрали оказалась слишком затратной. Кроме того, транспортировка железной дорогой была сочтена более рискованной с точки зрения сохранности тонкой электроники, подверженной воздействию вибрации.

Согласно оценкам исследовательского агентства InfraNews ("1 квартал тотальной стагнации. Интересные цифры про контейнерный рынок в 2016 году"⁶), падение курса рубля положительно сказалось на конкурентоспособности транзита за счёт понижения ставок в долларовом эквиваленте. Однако в то же время вся индустрия морских контейнерных перевозок переживает сильнейшее падение ставок фрахта. Происходит это по ряду причин, среди которых основной принято считать излишнее инвестирование в крупнотоннажные контейнеровозы [10]. Уменьшение цены фрахта нивелировало эффект, вызванный обвалом рубля. Более того, экспертами отмечается недостаточный уровень взаимодействия между дальневосточными стивидорными компаниями и железнодорожными операторами, а также тот факт, что стоимость терминальных работ⁷ в российских (особенно дальневосточных) портах осталась слишком высокой, из-за чего, в частности, дальневосточные порты проигрывают конкуренцию портам европейской части России, например, Санкт-Петербургу.

Диверсификация номенклатуры грузов

Интересную стратегию в связи с сокращением традиционных статей экспорта предприняла администрация порта Хамада (префектура Симане). Ещё в 2009 г. с первым резким падением экспорта б/у авто они предприняли меры по продвижению и увеличению разнообразия экспортируемых в Россию товаров. Посредством субсидий на первые рейсы ими были привлечены экспортёры строительных материалов, техники и сельскохозяйственной продукции. Представители порта Хамада также рассказали об опыте привлечения новых партнёров из европейской части России, что также позволило им диверсифицировать экспорт и найти новые рынки сбыта японской продукции (преимущественно строительных материалов и напитков). Однако они также отметили сильнейшую конкуренцию японской продукции с аналогичными корейскими и китайскими товарами (не говоря уже о том, что японские товары также имеют тенденцию к конкуренции друг с другом, что помимо прочего может влиять на кооперацию префектур друг с другом).

Ещё одной иллюстрацией практик, применяемых в новых условиях, может послужить и сюжет с созданием в Приморском крае производства подгузников [4]. Изначально бизнесмен импортировал подгузники из Японии, но из-за высокой цены на продукцию испытывал сложности в конкуренции на местном рынке. Решением стало открытие производства подгузников и влажных салфеток в России, в Приморском крае. Фабрика начала работу в 2012 г. Значительная часть оборудования была закуплена в Японии, часть сырья также на постоянной основе закупается там (суперабсорбент – Sumotomo Seika). Согласно информации, фабрикой производится порядка 7 млн. упаковок подгузников ежемесячно, продукция реализуется не только на Дальнем Востоке, но и на рынке европейской части России, Китая, Украины, Казахстана и Беларуси. Подобный пример смены формы взаимодействия между япон-

⁶ Данный отчёт до 2017 г. был доступен на сайте агентства InfraNews (<http://infranews.ru/>), на данный момент он закрыт для бесплатного доступа.

⁷ THC – terminal handling charges. Услуги, по погрузке и выгрузке контейнера с борта судна на контейнерный терминал.

ским и приморским бизнесом также даёт представление о новых стратегиях, которые могут применяться для сохранения рынка сбыта.

Важно отметить, что и разнообразие экспортируемых из Приморского края в Японию товаров значительно увеличилось за последнее время. К примеру, в 2014 г. Приморский край экспортировал товары по 20 номенклатурным позициям, а в 2016 – уже по 51 (на уровне двузначных кодов ТН ВЭД) [7]. Конечно, товароборот по новым позициям, таким как 21 "Разные пищевые продукты" минимальны (в данном случае меньше тонны!), но, как минимум, это говорит о том, что идёт поиск новых направлений и возможностей для двусторонней торговли.

Поиск источников крупных партий грузов: сельское хозяйство

Идея экспортировать в Японию продукцию сельского хозяйства для японцев не нова. Ещё в 2013 г. Банк Хоккайдо инициировал пилотный проект по выращиванию гречихи, кукурузы и сои в Амурской области [3]. Респонденты из Ниигаты также отметили интерес со стороны администрации префектуры в поддержке подобных проектов, в то время как респонденты из Акиты описали свой существующий проект по импорту кукурузного силоса из Приморских прибрежных районов (в количестве, эквивалентном 4000 TEU) для производителей крупного рогатого скота в префектуре Аомори. В обратную сторону префектура планирует поставлять удобрения из Аомори в том же объёме 4000 TEU. Правда, на первом этапе было принято решение перевезти первые партии навалом с последующим переходом к контейнеризации.

Как отметили некоторые респонденты с японской стороны, совместные проекты в сфере сельского хозяйства требуют наличия развитой инфраструктуры и дешёвой электроэнергии для эффективного выращивания продукции в не самых простых климатических условиях. Такая инфраструктура существует в Приморском крае далеко не везде. Конечно, качество почв и другие экологические показатели устраивают японскую сторону, что является одним из существенных преимуществ проектов по выращиванию сельскохозяйственной продукции именно здесь, так как в отличие от продукции, экспортированной из США или Канады, более короткий срок доставки позволяет отказаться от ряда химикатов, используемых для предотвращения порчи продукта. Однако же в основном потенциальные инвесторы ждут "историй успеха" из России. Кроме того, отмечалось, что у многих потенциальных инвесторов не хватает контактов с местным бизнесом в России.

Впрочем, стоит отметить и сложности, возникающие при экспорте в Японию продуктов питания. К примеру, в контейнерном терминале Акиты, при обсуждении инспекции грузов, респонденты отметили, что значительную часть грузов FCL⁸, проходящих инспекцию, составляет соя (наряду с рисом и обыкновенной почвой), значительное количество сои закупается в Китае и транспортируется через Далянь. Сложно сказать, насколько это обоснованно, но японской стороной высказано мнение, что часть из этой сои может быть российского происхождения. Как они считают, на Дальнем Востоке России сложно наладить стабильные поставки в достаточных объёмах, а кроме того, мало экспортёров, которые были бы знакомы с фитосанитарными требованиями, предъявляемыми японской стороной. В то же время китайский экспортный канал в Японию уже достаточно налажен, чтобы таких проблем не возникало.

Поиск источников крупных партий грузов: древесина

После обработки полученных в рамках совместного исследования материалов мы обратили внимание на экспорт в Японию обработанной древесины. Так, во время интервью в Ниигате респонденты отметили, что субсидирование контейнерных перевозок положительно сказалось на объёмах контейнерной перевалки обработанной древесины. Хотя перевалка в контейнерах в целом требует большего технического оснащения и дороже транспортировки навалом, некоторые клиенты перевозчиков всё же начали пользоваться такой

⁸ Full Container Load, доставка груза в целом контейнере, когда один отправитель арендует контейнер у морской линии полностью. Альтернативой FCL выступает LCL (Less Container Load) – перевозка груза совместно с другими грузоотправителями в одном контейнере.

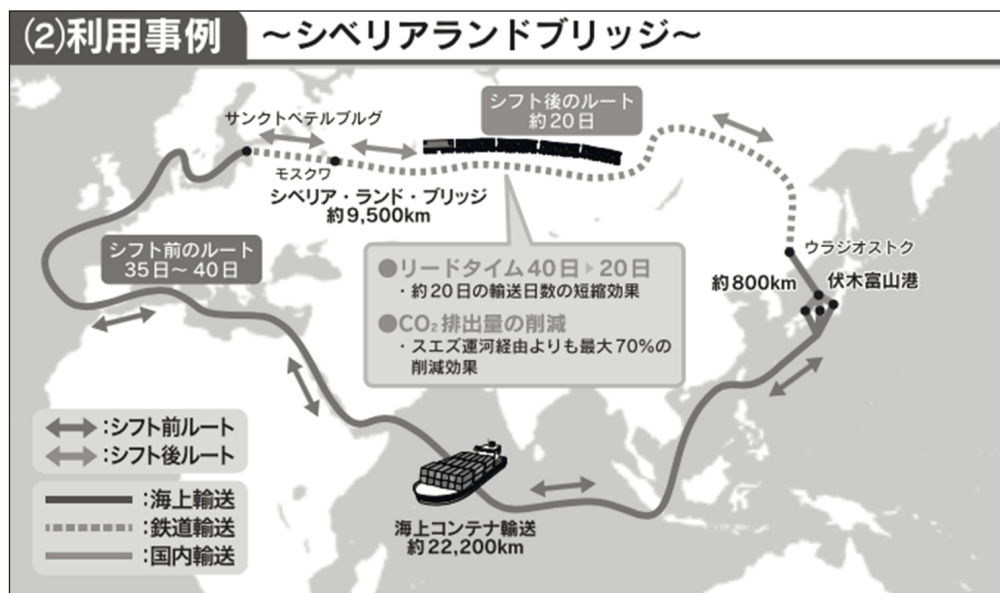

Рис. 1. Сравнение маршрутов транспортировки грузов в Европу через Транссибирскую магистраль и Суэцкий канал. Отмечено, что путь через Суэцкий канал занимает порядка 35-40 дней, в то время как путь через Транссибирскую магистраль – порядка 20 дней. Преимуществами выделены уменьшенное время в пути и уменьшение эмиссии углекислого газа на 70%.

Источник: Рисунок предоставлен респондентами порта Фушики-Тояма.

опцией. По данным японской стороны, в порт Акиты импортируется значительное количество контейнеризированной обработанной древесины (разных номенклатурных позиций) из Финляндии (2098 TEU в 2015 г.) и Санкт-Петербурга (990 TEU). Не подлежит сомнению, что значительное количество древесины импортируется в префектуру и с Дальнего Востока (несмотря на значительное повышение российских тарифов на её экспорт) – но навалом. Контейнеризация части экспорта обработанной древесины (хотя, можно привести пример контейнеризации и необработанной древесины породы "хиноки" из Кореи) могла бы внести значительный вклад в создание стабильной грузобазы для потенциальных сервисов между Японией и Приморьем.

Важно, конечно, понимать, что сложившаяся ситуация имеет свои причины. Как отметил один из российских респондентов, закупки товаров "лесной группы" во многом переориентированы на Китай. Можно привести цитату: "даже когда речь идёт о российском лесе, им (японцам – прим. автора) проще работать с китайцами, даже с нашим лесом, но с китайским продавцом. Потому что они не понимают наших схем расчёта, они не понимают наших срывов обязательств, у них очень высокие требования. А высокие требования японцев делают их менее интересным партнёром и для нашей стороны". Однако в данном случае требуется отдельное исследование, которое могло бы пролить свет на действительный потенциал в данной области сотрудничества.

Заключение

Хотя в дискурсе о развитии двусторонних экономических отношений между Россией и Японией постоянно говорится о потенциале совмещения японского технического потенциала с российской ресурсной базой, разница в уровне развития инфраструктуры крайне усложняет его реализацию. Это видно на представленных примерах с портом Зарубино, ситуацией с перевозками по железным дорогам, экспорте контейнеризированной древесины и продуктов сельского хозяйства. Инфраструктурный фактор доминирует в рационализации своей позиции как представителями японской стороны, так и российской, а отсутствие прямой связи между отдельными респондентами позволяет гово-

речь о некоторой системности такой точки зрения. Конечно, реальная картина усложняется и другими факторами, среди которых стоит выделить правовые, культурные и политические.

Административно-правовые барьеры характерны для любых трансграничных экономических отношений, однако в представленном случае важна сравнительная перспектива. Представители и российской (на примере древесины), и японской (на примере продуктов сельского хозяйства) стороны отмечали, что взаимодействие через Китай зачастую оказывается предпочтительнее. Само по себе это не было бы проблемой, но в постановке вопроса о прямом российско-японском взаимодействии это создаёт сложности, первоочередным образом выраженные в недостатке грузобазы и уменьшении стимулов к упрощению вышеуказанных административно-правовых барьеров.

Культурный фактор также не стоит недооценивать. Особенно его роль подчёркивалась респондентами российской стороны, но, косвенно, описание сложностей в переговорах представителей японской стороны с РЖД и FESCO, позволяют говорить о том, что и японской стороной эта проблема ощущается, пусть и не будучи артикулированной в культурной плоскости. Необходимость в интенсивной поддержке префектур и российской стороны (например, в лице Приморской торгово-промышленной палаты) при завязывании деловых контактов между российскими и японскими представителями бизнеса также говорит об определённых сложностях в данной сфере.

Респонденты с российской стороны, из тех, кто посчитал нужным высказаться по данному вопросу, придерживались мнения о том, что в случае, когда речь идёт о малом и среднем бизнесе, т.е. об основных потенциальных создателях контейнеризируемой грузобазы, роль политического фактора сводится практически к нулю. При этом не отрицалась критическая роль политического фактора в случаях, когда речь шла о крупных инвестиционных проектах, предполагающих определённые государственные гарантии с обеих сторон.

Представители японской стороны в большинстве случаев не были готовы говорить о роли политических факторов, либо отрицая её, либо сводя их в экономическую плоскость, например, на падение курса рубля и следующее за этим уменьшение покупательной способности российского населения.

Но были и исключения. В одном случае респондентом японской стороны было отмечено, что политический фактор оказывается важным при вопросе инвестиций в российские проекты, а также для "новичков", представителей бизнеса, до того не работавших в России или с российскими предпринимателями.

В другом случае было заявлено, что японская внутренняя политика развития портов западного побережья, помимо фактора их защищённости от природных катаклизмов, является частью стратегии премьер-министра Японии Синдзо Абэ по налаживанию отношений с Россией. Однако в данном случае стоит учесть, что респондентом являлся человек, представляющий местные интересы, соответственно, речь может идти о проекции собственного видения, рационализирующего принятие определённых решений.

Низкая заинтересованность на уровне префектур была отмечена, и когда речь заходила об участии в таком важном с политической точки зрения мероприятии, как Восточный экономический форум. Респонденты из разных префектур отдавали предпочтение двусторонним или трёхсторонним (с привлечением северо-восточных китайских провинций) региональным форматам взаимодействия. Частично это можно объяснить ролью конкуренции между самими японскими префектурами, а частично – упоминавшимися выше культурными особенностями.

Возвращаясь к более конкретным аспектам трансграничного сотрудничества, следует отметить, что проект префектуры Ниигата по организации морского сообщения между Россией и Японией сам по себе обладал определённым потенциалом. Хотя неожиданные осложнения с покупкой подходящего судна привели к тому, что проект отложен, не остаётся сомнений, что он останется одним из наиболее часто обсуждаемых среди прочих аналогичных ему. Возможно, что консолидация сотрудничества между портами западного побережья (например, портами Акиты и Сакаты) и интенсификация усилий по контейнеризации грузобазы, в том числе традиционно "балковой", позволит проекту установления маршрута между Приморским краем и западным

побережьем Японии стать экономически целесообразным и конкурентоспособным. В данном вопросе возможна кооперация не только на уровне местных и региональных властей, но и привлечение поддержки на более высоких уровнях через включение программ поддержки морского сообщения в стратегии двустороннего развития сотрудничества между государствами и свои внутригосударственные программы регионального развития.

Развитие портов западного побережья Японии после землетрясений 2011 г. стало более актуальным для японского правительства, в связи с возросшей необходимостью иметь запасные порты с развитой инфраструктурой, которые смогли бы взять на себя нагрузку портов восточного побережья в чрезвычайных случаях. Порты западного побережья, в том числе Ниигата и А�ита играли важную роль в восстановлении восточного побережья, и, несомненно, их роль в качестве резерва портовых мощностей осознаётся на государственном уровне. Однако это не значит, что у японской стороны нет заинтересованности обеспечивать стабильную загрузку этих портов уже сейчас.

План по развитию двусторонних отношений из восьми пунктов, предложенный премьер-министром Японии Синдзо Абэ президенту России Владимиру Путину [9], а также его речь на втором Восточном экономическом форуме [2] активизировали дискуссии и переговоры по вопросу российско-японского сотрудничества. Японский банк для международного сотрудничества (Japan Bank for International Cooperation, JBIC) заявил о готовности выделения кредитов на совместные российско-японские проекты. Более того, JBIC и Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта подписали соглашение о создании совместной российско-японской платформы для привлечения японского бизнеса в ТОРы и Свободный порт Владивосток.

Японские порты побережья Японского моря могли бы стать одной из опор совместных проектов. Скоординированная политика центральных и региональных властей Японии могла бы оказать значительный мультипликативный эффект на развитие западного побережья Японии посредством субсидирования операций через местные порты.

Как уже было отмечено, японская сторона проявляет настойчивый интерес к поиску контейнеризируемого груза для установления прямого сообщения с портами Приморского края. В то же время создаётся впечатление, что в Приморье внимания к подобным инициативам меньше. Почему? Если говорить о местных крупных стивидорах, то вряд ли те скромные первоначальные объёмы, которые могут предложить данные направления, действительно им интересны. Налоговый интерес региональных и муниципальных властей также достаточно ограничен, кроме того, вряд ли у них имеются достаточные рычаги воздействия на компании-стивидоры. Конечно, активизация российско-японской торговли вполне в интересах местного населения с точки зрения доступа товаров повседневного спроса, а установление прямых маршрутов для грузоперевозок может открыть новые перспективы для средних и малых предприятий края, но достаточно ли этого?

Литература

1. Владивостокский морской торговый порт (презентация) // Сайт Владивостокского морского порта <http://www.vmtpr.ru/>. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vmtpr.ru/files/presentation_rus.pdf (дата обращения: 05.05.2017).
2. ВЭФ-2016: 1,85 трлн рублей инвестиций, японский десант и речь Абэ // PrimaMedia.ru. 07.09.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://primamedia.ru/news/economics/07.09.2016/529615/vef-2016-1-85-trln-rublej-investitsiy-yaponskiy-desant-i-rech-abe.html> (дата обращения: 28.11.2016).
3. Гречка и соя под японским присмотром // Амурская правда. 11.10.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ampravda.ru/2013/10/12/039887.html> (дата обращения: 05.05.2017).
4. Импортозамещение по-приморски: как село Покровка обеспечивает подгузниками всю страну // PrimaMedia.ru. 30.03.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://primamedia.ru/news/economics/30.03.2016/497617/importozameschenie-po-primorski-kak-poselok-pokrovka-obespechivaet-podguznikami-vs.html> (дата обращения: 28.11.2016).

5. Контейнерный отчёт за 1 кв. 2017г, ч. 6 // InfraNews.ru. 17.04.17. [Электронный ресурс]. URL: <http://infranews.ru/logistika/containeri/47896-kontejnernyj-otchet-za-1-kv-2017g-ch-6/> (дата обращения: 05.05.2017).
6. Остропольцев С.Ю. МТК Приморья: Реальный потенциал // Сайт АССО-Инвест консалтинг 11.2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.assoinvest.ru/200-insights/01-issues/2015.11-Transit_corridors_MTC/ArticleFull-2015.11-Transit_corridors_MTC.php (дата обращения: 28.11.2016).
7. Федеральная таможенная служба. Таможенная статистика внешней торговли // stat.customs.ru (выгрузка из базы данных) [Электронный ресурс]. URL: stat.customs.ru (дата обращения: 05.05.2017).
8. Холоша М. В., Гулидов Р. В. Потенциал бухты Троицы в Приморском крае // Сайт ДНИИМФ. 08.03.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dniimf.ru/index.php/press-byuro/publikatsii-sotrudnikov-instituta/item/56-potentsial-bukhty-troitsy-v-primorskoy-krae-m-v-kholosha-r-v-gulidov> (дата обращения: 05.05.2017).
9. Abe presents 8-point economic cooperation plan to Putin // Nikkei Asian Review 07.05.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://asia.nikkei.com/Politics-Economy/International-Relations/Abe-presents-8-point-economic-cooperation-plan-to-Putin> (дата обращения: 28.11.2016).
10. Petersen, R. Leaky Ships: Ocean Carriers in the Age of Profitless Shipping // Flexport.com. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.flexport.com/blog/why-are-ocean-freight-rates-so-low/> (дата обращения: 28.11.2016).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Vladivostokskij morskoy trgovyj port (prezentatsiya) // Sajt Vladivostokskogo morskogo porta http://www.vmtp.ru/files/presentation_rus.pdf (дата обращения: 05.05.2017).
2. VEHF-2016: 1,85 trln rublej investitsij, yaponskij desant i rech' Abeh // PrimaMedia.ru. 07.09.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://primamedia.ru/news/economics/07.09.2016/529615/vef-2016-1-85-trln-rublej-investitsiy-yaponskiy-desant-i-rech-abe.html> (дата обращения: 28.11.2016).
3. Grechka i soya pod yaponskim prismotrom // Amurskaya pravda. 11.10.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ampravda.ru/2013/10/12/039887.html> (дата обращения: 05.05.2017).
4. Importozameshhenie po-primorski: kak selo Pokrovka obespechivaet podguznikami vsyu stranu // PrimaMedia.ru. 30.03.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://primamedia.ru/news/economics/30.03.2016/497617/importozameshchenie-po-primorski-kak-poselok-pokrovka-obespechivaet-podguznikami-vs.html> (дата обращения: 28.11.2016).
5. Kontejnernyj otchyot za 1 kv. 2017g, ch. 6 // InfraNews.ru. 17.04.17. [Электронный ресурс]. URL: <http://infranews.ru/logistika/containeri/47896-kontejnernyj-otchet-za-1-kv-2017g-ch-6/> (дата обращения: 05.05.2017).
6. Ostropol'tsev S.YU. МТК Приморья: Real'nyj potentsial // Sajt ASSO-Invest konsalting 11.2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.assoinvest.ru/200-insights/01-issues/2015.11-Transit_corridors_MTC/ArticleFull-2015.11-Transit_corridors_MTC.php (дата обращения: 28.11.2016).
7. Federal'naya tamozhennaya sluzhba. Tamozhennaya statistika vneshnej torgovli // stat.customs.ru (vygruzka iz bazy dannykh) [Электронный ресурс]. URL: stat.customs.ru (дата обращения: 05.05.2017).
8. Kholosha M. V., Gulidov R. V. Potentsial bukhty Troitsy v Primorskoy krae // Sajt DNIIMF. 08.03.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dniimf.ru/index.php/press-byuro/publikatsii-sotrudnikov-instituta/item/56-potentsial-bukhty-troitsy-v-primorskoy-krae-m-v-kholosha-r-v-gulidov> (дата обращения: 05.05.2017).
9. Abe presents 8-point economic cooperation plan to Putin // Nikkei Asian Review 07.05.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://asia.nikkei.com/Politics-Economy/International-Relations/Abe-presents-8-point-economic-cooperation-plan-to-Putin> (дата обращения: 28.11.2016).
10. Petersen, R. Leaky Ships: Ocean Carriers in the Age of Profitless Shipping // Flexport.com. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.flexport.com/blog/why-are-ocean-freight-rates-so-low/> (дата обращения: 28.11.2016).

Турбин А.Д. Трансграничное сотрудничество между Приморским краем и западным побережьем Японии: потенциал контейнерных перевозок глазами практиков обеих стран

Географическая близость, общность экономических интересов и политическое стремление к нормализации отношений между Российской Федерацией и Японией, как предполагается, должны иметь своим результатом позитивную динамику экономических обменов между двумя государствами, включая, в числе прочего, и рост грузооборота между российскими и японскими портами побережья Японского моря. Тем не менее, последние годы оказались тяжёлыми для объёмов контейнерных перевозок между двумя странами. Данная статья обращается к серии экспертных интервью, с целью определения и анализа взглядов заинтересованных представителей российской и японской стороны на вопрос о путях увеличения контейнерного грузооборота между портами Приморского края и портами западного побережья Японии.

Ключевые слова: *контейнерные перевозки, Дальний Восток России, российско-японские отношения*

Turbin A.D. Cross-Border cooperation between Primorsky krai and west coast of Japan: container transportation potential viewed by practitioners from both sides

Geographic proximity, common economic interests and political strife towards normalization of the relations between the Russian Federation and Japan are supposed to result in a positive dynamics of economic exchanges between the two nations including the increase in the cargo volumes shipped through the Japanese and Russian ports across the Sea of Japan. However, recent years were rather unsuccessful in terms of container turnover between both countries. This article approaches to a series of expert interviews in order to find out and analyze views and opinions of interested parties from Russia and Japan on the topic of the ways of increasing the container turnover between Japanese and Primorsky krai ports across the Sea of Japan.

Key words: *container transportation, Russian Far East, Russo-Japanese relations*

Для цитирования: Турбин А.Д. Трансграничное сотрудничество между Приморским краем и западным побережьем Японии: потенциал контейнерных перевозок глазами практиков обеих стран // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 3. С. 96–107. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/96-107

For citation: Turbin A.D. Cross-Border cooperation between Primorsky krai and west coast of Japan: container transportation potential viewed by practitioners from both sides // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 3. P. 96–107. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/96-107

Социальный потенциал детства и региональная среда: особенности кластеризации российских регионов

В современных условиях детство имеет не только индивидуальную ценность как особый период развития человека, но и все возрастающую общественную ценность, поскольку от социального потенциала детства напрямую зависит социальный потенциал общества – его репродукция, производительные силы, инновационные ресурсы и др. Поэтому для общества и государства важной задачей выступает поддержание особых условий для сохранения и, по возможности, развития потенциала детства. В условиях федеративного типа государственного устройства большую роль в реализации социального потенциала детства играет региональный уровень – уровень субъекта РФ. Под социальным потенциалом детства в регионе мы понимаем "совокупность ресурсов, резервов и возможностей детей как особой социально-демографической общности, проживающей на территории какого-либо региона (субъекта Российской Федерации), реализующихся под воздействием внешних и внутренних факторов, направленных на достижение качественного состояния детства в области здоровья, образования и духовно-нравственного развития, формирование необходимого набора стартовых ресурсов, необходимых для выхода во взрослую жизнь" [1, с. 137].

Интервью с экспертами в области детского образования, здравоохранения, культуры и спорта, а также анализ данных российской региональной статистики привели к выделению двух групп целевых показателей – "здоровье детей" и "образование детей". От третьей группы "духовно-нравственное развитие" решено было отказаться по причине сложности ее фиксации в разрезе статистических данных, в особенности, региональных.

Вообще работа с данными российской статистики была сопряжена с рядом проблем: изменением характеристик собираемых данных, явными искажениями статистических данных в отдельных регионах (искусственное занижение/завышение показателей), отсутствием данных по отдельным регионам. Так, например, в Мониторинге системы образования в 10 субъектах Российской Федерации отсутствовал пункт 2.6 "Результаты аттестации лиц, обучающихся по образовательным программам начального общего, основного общего образования и среднего общего образования" (Архангельская, Сахалинская, Тюменская области, Ненецкий и Чукотский автономные округа, Республика Алтай, Дагестан, Крым, г. Севастополь, Чеченская республика). Если же говорить о замере показателей, выделенных Национальной стратегией действий в интересах детей, то можно отметить "провисание" раздела, касающегося активности самих детей ("Дети – участники реализации Национальной стратегии"). Количественное насыщение шести разделов Национальной стратегии статистическими показателями выглядит следующим образом: I. Семейная политика детствосбережения – 25 показателей; II. Доступность качественного обучения и воспитания – 28 показателей; III. Здравоохранение, дружелюбное к детям, и здоровый образ жизни – 34 показателя; IV. Равные возможности для детей, нуждающихся в особой заботе государства – 8 пока-

© Филипова А.А., Высоцкая А.В., 2018

ФИЛИПОВА Александра Геннадьевна, д-р социол. наук, профессор департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** alexgen77@list.ru

ВЫСОЦКАЯ Алёна Валерьевна, и.о. заведующего кафедрой "Информационные системы" Комсомольского-на-Амуре государственного университета (г. Комсомольск-на-Амуре). **E-mail:** al-w-buaa@rambler.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 16-36-60041)

зателей; V. Создание системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружественного к ребенку правосудия – 10 показателей; VI. Дети – участники реализации Национальной стратегии – 1 показатель. В последнем случае этот единственный показатель "Доля детей в возрасте 15–17 лет, осуществляющих членство в каких-либо организациях (движениях)" пока не заполнен ни по РФ в целом, ни по российским регионам [6, с. 509].

Подобную диспропорцию И.Е. Калабихина, О.В. Кучмаева объясняют отсутствием в приказе Росстата "Об утверждении системы индикаторов..." для мониторинга Национальной стратегии (2012) раздела, посвященного участию детей [3].

Помимо сайта Росстата и ЕМИСС данные собирались с сайтов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, аналитического агентства ООО "Автомобильная статистика" и др. [1; 2; 5].

Гипотезой настоящего исследования является предположение о наличии разных региональных сред, оказывающих влияние на социальный потенциал детства, а именно на здоровье и образование детей.

Поэтому наряду с целевыми факторами, характеризующими здоровье и образование детей, были выделены управляющие факторы, связанные с региональными условиями проживания детей. Конечно, обращение к уровню региона в определённой степени нивелирует различия в условиях проживания детей в пределах этого региона, например, в городе и сельской местности, разных типах городов. Однако целью настоящего исследования является выявление именно региональных факторов, влияющих на детство.

В качестве целевых показателей, характеризующих социальный потенциал детства в регионе, взяты y_1 – средний балл ЕГЭ по русскому языку, балл; y_2 – доля выпускников без аттестата (численность без аттестата к общей численности), %; y_3 – доля детей, не обучающихся в образовательных организациях к численности населения младше трудоспособного возраста, %; y_4 – охват детей дошкольным образованием, %; y_5 – доля детей, обучающихся в школах искусств, музыкальных и пр., к численности населения младше трудоспособного возраста, %; y_6 – доля детей в возрасте до 14 лет, систематически занимающихся физической культурой, к численности населения младше трудоспособного возраста, %; y_7 – доля выявленных безнадзорных и беспризорных к численности населения младше трудоспособного возраста, %; y_8 – доля детей, больных туберкулезом, %; y_9 – доля детей, больных злокачественными новообразованиями, %; y_{10} – число умерших в возрасте до пяти лет на 1000 родившихся живыми, чел.; y_{11} – число детей-инвалидов (0–17 лет), состоящих под наблюдением в амбулаторно-поликлинических учреждениях, оказывающих медицинскую помощь детям, чел.; y_{12} – численность детей I–II групп здоровья к численности населения младше трудоспособного возраста, %; y_{13} – смертность детей от внешних причин смерти в возрасте 0–17 лет на 100 000 чел. соответствующего возраста,

Выбор данных факторов связан, с одной стороны, со смысловой нагрузкой понятия "социальный потенциал детства", а, с другой, – с имеющимися статистическими данными, собираемыми Росстатом.

Данные, собранные на предыдущих этапах работы [8; 9], были взяты за основу при проведении корреляционного анализа. В итоге был сформирован набор из 36 управляющих факторов, включающий группы инфраструктурных факторов (образование, здравоохранение, культура и спорт, транспорт), социально-экономических, территориально-поселенческих, демографических и экологических факторов:

- x_1 – средняя наполняемость классов, чел.;
- x_2 – отношение частных общеобразовательных организаций ко всем общеобразовательным организациям, %
- x_3 – доля школ, имеющих столовую или буфет, %;
- x_4 – доля школ, в которых созданы условия для обучения инвалидов, %;
- x_5 – среднее число участников клубных формирований в расчете на 1 тыс. человек населения, чел.;
- x_6 – процент обучающихся во 2-3 смены, %;
- x_7 – доля педагогов высшей категории, %;
- x_8 – число ПК образовательных организаций с доступом к интернету на 100 учащихся, шт.;

- x9 – отношение расходов на образование к расходам всего, %;
- x10 – доля автобусов для перевозки детей (выпуск не более 10 лет) к численности лиц младше трудоспособного населения, %;
- x11 – отношение числа детей, отдохнувших в оздоровительных лагерях, к числу обучающихся детей всего, %;
- x12 – пропускная способность спортивных сооружений, чел.;
- x13 – среднее число вакцинированных детей в возрасте 12 мес., чел.;
- x14 – обеспеченность педиатрами (отношение педиатров к численности лиц младше трудоспособного населения), %;
- x15 – отношение заработной платы медицинских работников к средней заработной плате региона, %;
- x16 – расходы на обязательное медицинское страхование, руб/чел.;
- x17 – прирост мигрантов нетрудоспособного возраста, чел.;
- x18 – количество жителей с высшим образованием на 1 тысячу человек, чел.;
- x19 – отношение числа ВУЗов и филиалов к численности населения на 10000 чел.;
- x20 – число профессиональных образовательных организаций, осуществляющих подготовку специалистов среднего звена, шт.;
- x21 – число преступлений в отношении несовершеннолетних к численности лиц младше трудоспособного населения, %;
- x22 – соотношение браков и разводов (на 1000 браков приходится разводов), шт.;
- x23 – число посетителей театров и музеев на 1000 чел, чел.;
- x24 – жилая площадь на 1 человека, м²;
- x25 – уровень занятости населения, %;
- x26 – инновационная активность организаций, %;
- x27 – средняя месячная температура воздуха в июле (фактическая), С°;
- x28 – средняя месячная температура воздуха в январе, С°;
- x29 – плотность населения, чел/км²;
- x30 – расстояния от Москвы до центров регионов, км.;
- x31 – ВРП на душу населения, руб.;
- x32 – отношение среднедушевого дохода населения к прожиточному минимуму в регионе, %
- x33 – плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, км путей на 1000 км² территории;
- x34 – выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, тыс. т/чел.;
- x35 – сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты, млн. м³/чел.;
- x36 – использование свежей воды, млн. м³/чел.

Некоторые из вышеперечисленных показателей нуждаются в дополнительных пояснениях. Под клубными формированиями (x5) понимаются добровольные объединения людей, основанные на общности интересов, запросов и потребностей в занятиях любительским художественным и техническим творчеством, в совместной творческой деятельности, способствующей развитию дарований его участников, освоению и созданию ими культурных ценностей, а также основанное на единстве стремления людей к получению актуальной информации и прикладных знаний в различных областях общественной жизни, культуры, литературы и искусства, науки и техники, к овладению полезными навыками в области культуры быта, здорового образа жизни, организации досуга и отдыха [4]. Число вакцинированных детей рассчитывалось как среднее арифметическое детей, которым сделаны прививки против коклюша, полиомиелита и кори по достижению ими возраста 12 месяцев (x13). Инновационная активность предприятий (x26) определяется через долю организаций, осуществивших технологические, организационные, маркетинговые инновации, в общем числе организаций региона. Использование свежей воды (x36) – это использование забранных из различных источников водных ресурсов (включая морскую воду) для удовлетворения хозяйственных нужд. Сюда не включается обратное водопотребление, а также повторное использование сточной и коллекторно-дренажной воды [5].

Далее определим наличие линейной связи между выделенными показателями, ее тесноту и статистическую значимость. Поскольку все рассматриваемые факторы имеют метрическую шкалу измерения, то для анализа используем критерий корреляции Пирсона.

На рисунке 1 приведены значения коэффициентов корреляции целевых и управляющих факторами, а на рисунке 2 – корреляции управляющих факторов.

Чем более интенсивным цветом выделены коэффициенты, тем более интенсивная связь между показателями. Принимаем во внимание только значения коэффициента больше 0,3.

Анализ полученных связей целевых и управляющих факторов, в особенности со значениями более 0,5, позволил сделать несколько предположений относительно природы полученных связей. При этом мы понимаем, что "наличие корреляционной зависимости между переменными не всегда означает наличие непосредственной связи этих величин друг с другом: наблюдаемая связь часто существует благодаря другим переменным (не двум рассматриваемым), а изучаемые величины могут быть связаны между собой через латентные (скрытые от исследователя) переменные" [10].

Можно выделить две укрупненные группы корреляций: первая группа включает очевидные корреляции, вторая – неочевидные, назовем их "фоновые" корреляции. Возвращаясь к нашей гипотезе, можно "фоновые" факторы объединить в разные типы региональных сред, отличающиеся разной плотностью заселения территорий, разными социально-экономическими условиями проживания, природно-климатическими условиями, удаленностью от Москвы и др.

Первая группа, демонстрирующая очевидные связи целевых и управляющих факторов, станет основой для последующего регрессионного анализа. Например, обратная корреляция y_3 ("доля детей, не обучающихся в образовательных организациях к численности населения младше трудоспособного возраста") и x_4 ("доля школ, в которых созданы условия для обучения инвалидов") может быть объяснена инклюзией детей-инвалидов в образовательную систему, а отрицательная связь y_2 и x_7 – вероятным снижением доли выпускников образовательных учреждений, не получивших аттестат, при увеличении числа педагогов, имеющих высшую категорию. Некоторые корреляции имеют как очевидный, так и фоновый характер. Так, связь y_{12} и x_3 может быть объяснена как через влияние горячего питания, организованного в школах, на здоровье детей ("доля детей I-II групп здоровья"), так и опосредованно, через уровень социально-экономического развития региона, позволяющий наряду с прочими инфраструктурными достижениями, ориентированными на детей, благоустраивать школы, оснащать их не только столовыми/буфетами, но и бассейнами, тренажерными залами и т.п.

Что же касается второй группы связей, то наше основное предположение относительно их природы связано с "насыщением" региональной среды культурными объектами, учреждениями среднего профессионального и высшего образования, спортивными сооружениями с высокой пропускной способностью, инновационно активными организациями и пр. Это насыщение происходит вследствие концентрации человеческих ресурсов (высокая плотность населения), близости к Москве, более высокого уровня ВРП и более высоких среднедушевых доходов. Подобная концентрация населения приводит к высокой плотности автомобильных дорог, повышению наполняемости школьных классов и, соответственно, увеличению заработной платы педагогов вследствие подушевого финансирования. Эти регионы лучше обеспечены педагогами, а также педагогами высшей категории. Обозначим данный тип региональной среды как "тип А".

Много "фоновых" управляющих факторов фиксируется относительно y_{10} . В данном случае мы высказываем предположение о том, что смертность детей в возрасте до 5 лет выше в тех российских регионах, где хуже общая социально-экономическая ситуация – выше уровень безработицы (x_{25}), больше малообеспеченных жителей (x_{32}), ниже инновационная активность предприятий (x_{26}) и, соответственно, меньше благоустроенных школ, имеющих столовую или буфет (x_3), выше сменность занятий в школах (x_6), а нехватка учреждений дополнительного образования компенсируется менее затратны-

Рис. 2. Коэффициенты корреляции управляющих факторов

	x1	x2	x3	x4	x5	x6	x7	x8	x9	x10	x11	x12	x13	x14	x15	x16	x17	x18	x19	x20	x21	x22	x23	x24	x25	x26	x27	x28	x29	x30	x31	x32	x33	x34	x35	x36			
x1	1																																						
x2	0,5	1																																					
x3	0	0,1	1																																				
x4	0,2	0,4	-0,1	1																																			
x5	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	1																																		
x6	0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	1																																	
x7	0	0	0,4	0,2	-0,1	-0,1	1																																
x8	0,3	0,2	0,2	0,1	-0,1	-0,1	0	1																															
x9	-0,1	-0,1	0,1	-0,1	0,3	0,1	-0,1	0	1																														
x10	-0,1	-0,1	0,1	-0,1	0,3	0,1	-0,1	0	0,2	1																													
x11	-0,1	-0,1	0,1	-0,1	0,4	0,1	-0,1	0	0	0,3	1																												
x12	0,3	0,5	0,2	0,3	-0,1	-0,2	0,1	-0,1	-0,1	-0,1	0,9	1																											
x13	0,5	0,6	0,2	0,3	-1	-0,2	0,1	-0,1	-0,1	-0,1	0,9	0,2	1																										
x14	0,3	0,3	0,2	0	-0,1	0	0,2	0	-0,1	-0,1	0,2	0,2	1																										
x15	-0,1	-0,1	0	-0,3	0,1	-0,1	-0,1	0,1	0,3	0,5	-0,1	-0,1	0,5	1																									
x16	0,2	0	0,1	-0,1	0,3	0,2	-0,1	0,5	-0,2	-0,1	-0,1	-0,1	0,2	-0,1	1																								
x17	0,5	0,7	0,1	0,3	-0,1	-0,2	0,1	-0,1	-0,1	0,6	0,7	0,2	-0,1	0	1																								
x18	0,3	0,6	0	0,5	-0,1	-0,2	0,3	-0,1	-0,1	0,3	0,4	0,3	-0,3	0,5	1																								
x19	0,1	0,2	0,1	0	0,3	-0,1	0,3	-0,1	-0,1	-0,1	-0,3	-0,4	0,1	0,4	1																								
x20	0,3	0,4	0,2	0,1	-1	-0,2	0,1	0,1	-0,1	0,9	0,9	0,1	-0,1	-0,5	0,2	-0,1	1																						
x21	-0,1	-0,1	0,1	-0,2	0,4	0,4	-0,1	0,3	0,8	0,3	-0,1	-0,1	-0,4	0,2	-0,1	-0,1	0,1	1																					
x22	-0,1	-0,4	-0,1	-0,2	-0,1	0,2	0	0,2	-0,2	0,3	-0,1	-0,1	-0,2	0,3	-0,1	-0,3	-0,2	0,2	1																				
x23	0,3	0,5	0,1	0,2	-0,1	0,1	0	-0,1	-0,1	0,2	0,3	0,4	-0,1	-0,2	0,2	0,1	0,2	0	-0,1	1																			
x24	-0,1	-0,4	-0,1	-1	0,1	0,1	-0,1	0	-0,1	0	-0,1	0	-0,1	0	-0,1	0	-0,2	0	-0,4	0,1	1																		
x25	0,3	0,3	0,5	0	-0,1	0,5	-0,1	0	-0,1	0,3	0,5	-0,4	0,3	0,3	0,4	0,3	-0,3	0,4	0,4	1																			
x26	-0,2	0,3	0,2	-0,1	0,1	0,3	-0,1	-0,1	0,4	0,2	0,3	0	0,1	0,2	0,1	0,2	0,2	-0,3	0,3	0,5	1																		
x27	0	-0,2	0,2	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	0,1	0	-0,1	-1	0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	0,1	1																	
x28	0,1	0,2	-0,2	-0,2	-0,2	-0,1	-1	-0,1	0	0	-1	0,3	0,2	0,1	-0,1	-0,1	-0,2	0,3	-0,1	-0,1	0,2	0,3	1																
x29	0,4	0,9	0,1	0,4	-0,1	0,1	0,1	-0,1	0,5	0,5	0,4	-0,1	0,6	0,5	0,1	0,4	-0,1	-0,7	-0,3	0,3	0,3	-0,2	1																
x30	0	-0,1	-0,1	0,3	0,5	-0,1	0	0,4	0,3	-0,1	-0,1	0,2	0,5	-0,1	0	0,1	-0,5	0,2	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	1															
x31	0,2	0,2	0,1	-0,1	-0,1	0,5	-0,1	-0,1	0,1	0,1	0,4	-0,4	0,2	0,1	0,3	0,1	-0,1	0,3	0	0,4	0,1	-0,1	-0,2	0	1														
x32	0,3	0,4	0,4	0,2	-0,1	0,2	0,5	-0,1	-0,1	0,6	0,6	0,3	-0,1	0,4	0,3	0,2	0,6	-0,1	0,3	0,3	0,6	0,5	-0,2	0,4	1														
x33	0,4	0,8	-0,5	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,5	0,5	0,3	-0,1	0,6	0,5	0,1	0,3	-0,1	-0,7	-0,2	0,3	0,2	0,4	0,9	-0,1	0,4	1													
x34	0,2	-0,1	0,1	-0,1	-0,2	-0,5	0,1	0,2	-0,1	-0,1	-0,1	-0,6	-0,1	-0,1	-0,1	-0,2	0,3	-0,1	-0,3	-0,1	-0,1	-0,2	0,3	0,2	1														
x35	0,5	0,1	0,3	-0,1	-0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	-0,3	0,1	0,1	0,1	0,2	0,1	0,2	0,2	0,1	0,3	-0,1	-0,1	0	0,2	0,2	1												
x36	0,1	0,2	-1	0,1	-0,3	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	0	-0,1	0	-0,1	0	-0,1	0	-0,1	0	-0,1	0	-0,1	0	0,2	0,3	0,2	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1		

Источник: составлено авторами

ми клубными формированиями (x5). Такой тип региональной среды обозначим как "тип В".

Ситуация с детской инвалидностью (y11), согласно рисунку 1, также определяется "фоновыми" факторами. Можно предположить, что в регионах, где социально-экономическая ситуация отличается стабильностью, лучше диагностируются детские заболевания, в т.ч. заболевания, приводящие к установлению инвалидности, а также лучше организована работа учреждений медико-социальной экспертизы.

Для проверки нашей гипотезы относительно разных типов региональной среды было решено прибегнуть к методу кластеризации. В качестве входных показателей были выбраны шесть факторов, сигнализирующих, с одной стороны, о "насыщенности" региональной среды в образовательно-культурном и инфраструктурном планах, а с другой, – о возможностях ее развития (инновационного, экономического) – это факторы x18, x23, x24, x25, x26, x33.

Для проведения анализа данных и дальнейшей кластеризации была использована аналитическая платформа Deductor. Система Deductor предназначена для решения широкого спектра задач, связанных с обработкой структурированных и представленных в виде таблиц данных. После импорта исходных данных в систему Deductor была проведена процедура предобработки исходных значений с помощью узла "Качество данных", который предназначен для проведения профайлинга и аудита данных с целью определения степени пригодности полей набора данных для решения задач анализа по объективным критериям: пропуски, выбросы, экстремальные значения [11].

Для кластеризации были поочередно использованы разные алгоритмы формирования кластеров – k-means, g-means, карта Кохонена и др. В ходе изучения результатов формирования кластеров был выбран алгоритм EM-кластеризации, являющийся итерационной процедурой. Были заданы следующие исходные параметры алгоритма: способ разделения исходного множества данных – случайное; фиксированное количество кластеров, рав-

ное последовательно 2, 3, 4 и 5; максимальное количество итераций, равное 300; требуемый уровень точности модели, равный 10-5.

В ходе изучения матриц схожести кластеров, профилей кластеров, данных статистики решено было остановиться на выделении четырех кластеров. Распределение регионов по кластерам получилось следующее: нулевой – 22 региона (29,33 %), первый – 10 (13,33 %), второй – 32 (42,67 %), третий – 11 (14,67 %). В таблице 1 приведена оценка значимости шести входных факторов. Как видно из таблицы, наиболее весомый вклад в формирование всех четырех кластеров у факторов x18 и x24.

При дальнейшей интерпретации данных кластеризации нужно будет учитывать снижение влияния фактора x25 при формировании второго кластера и фактора x23 при формировании нулевого кластера, а также экстремально низкое значение фактора x25 при формировании второго кластера. Вероятно, в дальнейшем нужно будет поработать над разделением самого большого, второго кластера, по факторам, чей вклад оказался существенно ниже – это x25 и x26.

В нулевой кластер включены регионы: Амурская, Астраханская, Иркутская, Кемеровская, Кировская, Курганская, Мурманская, Новосибирская, Омская, Свердловская, Томская области, Еврейский автономный округ, Забайкальский, Красноярский, Пермский, Приморский и Хабаровский края, Республики Бурятия, Карелия, Коми, Саха (Якутия), Хакасия. В первый кластер вошли: Белгородская, Липецкая, Магаданская, Московская, Пензенская области, г. Москва, Санкт-Петербург, Камчатский край, Республика Татарстан, Чувашская Республика. Во второй кластер входят: Алтайский, Краснодарский края, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Калининградская, Калужская, Костромская, Курская, Ленинградская, Нижегородская, Новгородская, Оренбургская, Орловская, Псковская, Ростовская, Рязанская, Саратовская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ульяновская, Челябинская, Ярославская области, Республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия. В третий кластер включены следующие субъекты: Республики Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Адыгее, Ингушетия, Калмыкия, Северная Осетия – Алания, Тыва, а также Самарская область, Ставропольский край, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа.

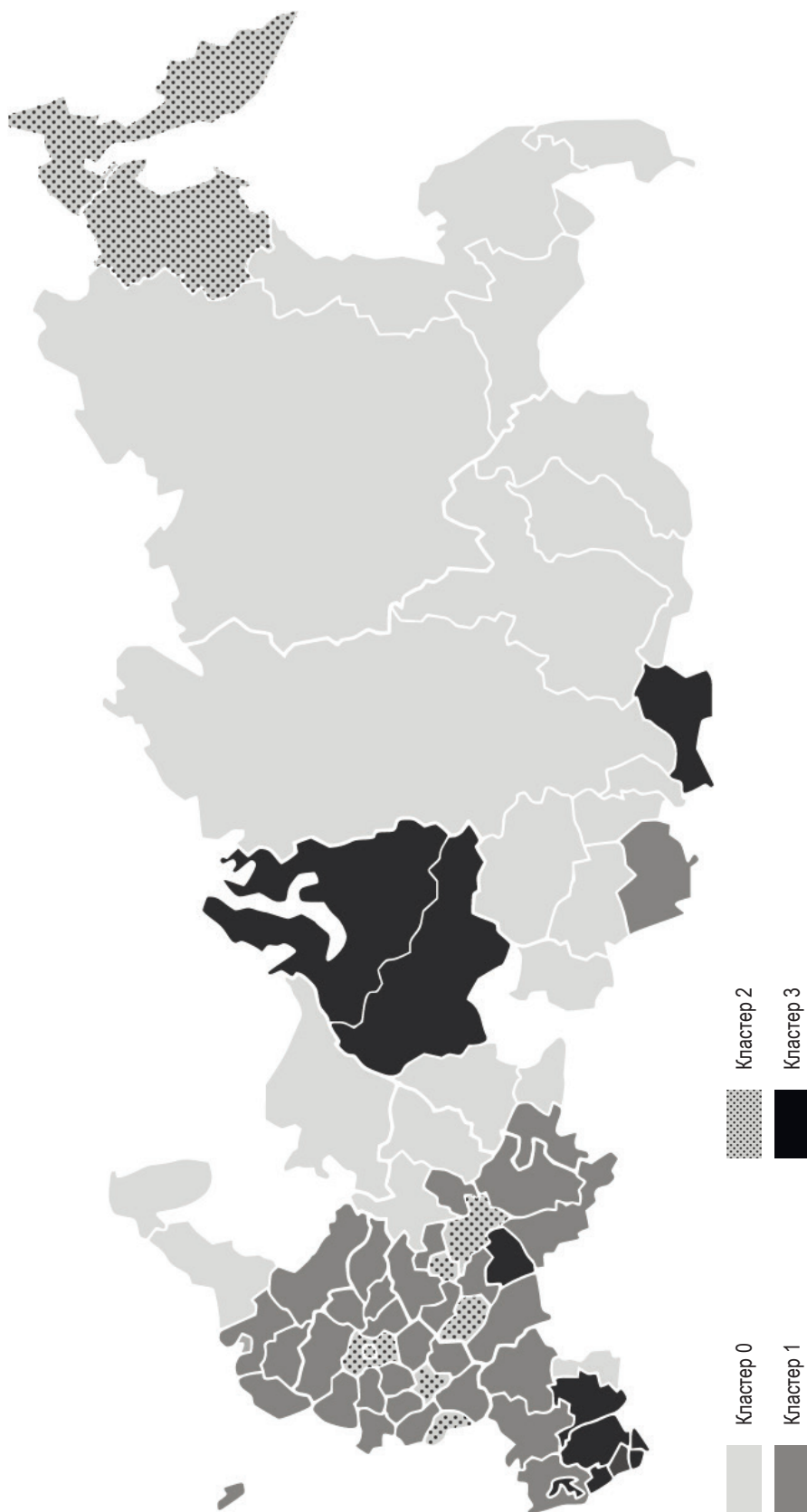
На рисунке 3 выделенные кластера обозначены цветом, не расцвеченными остались российские регионы, не вошедшие в выборку настоящего исследования по причинам отсутствия статистических данных по отдельным показателям. Картограмма позволяет сделать некоторые выводы относительно географии субъектов РФ, объединенных в четыре кластера. Регионы первого и второго кластеров преимущественно сосредоточены в европейской части России, в то время как регионы нулевого кластера – в центральной и восточной частях, т.е. в Сибири и на Дальнем Востоке. Наибольшим пространственным

Табл. 1. Оценка значимости факторов при кластеризации (%)

Показатель	Кластер			
	0	1	2	3
x18 (количество с высшим образованием на 1 тысячу человек, чел.)	87,2	99,7	99,1	99,5
x23 (число посетителей театров и музеев на 1000 чел, чел.)	48,5	71,8	82,8	99,8
x24 (жилая площадь на 1 человека, м ²)	96,7	89,5	99,6	99,6
x25 (уровень занятости населения, %)	63,2	99,9	26,3	97
x26 (инновационная активность организаций, %)	83,5	100	1,9	99,8
x33 (плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, км путей на 1000 км ² территории)	100	99,6	62,8	74,1

Источник: составлено авторами

Рис. 3. Картограмма кластеров

Источник: составлено авторами

Табл. 2. Описательные статистики входных факторов кластеризации

Фактор	Показатель	Кластер			
		0	1	2	3
X18	Среднее значение в кластер	29,18	35,57	28,93	34,95
	Среднеквадратическое отклонение	3,25	5,926	2,595	4,26
	Минимальное значение в кластере	22,8	29,6	25	26,5
	Максимальное значение в кластере	33,8	43,45	34,1	42,1
X23	Среднее значение в кластер	702,68	909,966	883,656	372
	Среднеквадратическое отклонение	127,255	534,3368	441,661	158,7388
	Минимальное значение в кластере	477	466	333	131
	Максимальное значение в кластере	940	1775,332	1775,332	710
X24	Среднее значение в кластер	23,477	26,7	26,466	21,905
	Среднеквадратическое отклонение	1,4899	3,876	2,0857	3,6
	Минимальное значение в кластере	20,4	19,1	21,6	16,83
	Максимальное значение в кластере	26,7	33,4	30	27,6
X25	Среднее значение в кластер	63,386	69,18	64,48	60,895
	Среднеквадратическое отклонение	2,7	3,5289	2,4345	7,195
	Минимальное значение в кластере	58,6	64,2	59,2	52,97
	Максимальное значение в кластере	69,3	74,3	68,5	72,6
X26	Среднее значение в кластер	6,66	15,85	8,04469	3,6
	Среднеквадратическое отклонение	2,386	4,11	2,64	2,5469
	Минимальное значение в кластере	2,1	8,5	3,2	0
	Максимальное значение в кластере	12,2	20,39	13,4	9
X33	Среднее значение в кластер	67,4	474,98	275,4375	331,401
	Среднеквадратическое отклонение	49,73	305,946	90,4	294,09
	Минимальное значение в кластере	3,8	4,2	117	3
	Максимальное значение в кластере	175	812,62	559	812,62

Источник: составлено авторами

разбросом отличаются регионы третьего кластера, расположенные как на юге, так и на севере России, в ее западной и центральной частях.

Приступим к характеристике полученных кластеров. В таблице 2 приведены значения среднего и среднего квадратического отклонения по всем факторам для каждого из полученных кластеров.

Значение всех средних шести входных факторов максимальны по выборке из четырех кластеров у кластера 1 и в четырех случаях из шести минимальны – у кластера 3. Изучение данных, представленных в таблице 2, обнаруживает определенные сходства описанного ранее "типа А" региональной среды с региональной средой кластера 1, а "типа В" с кластером 3. Кластеры 0 и 2 занимают промежуточное положение между двумя обозначенными крайними типами региональных сред (А и В), при этом кластер 2 тяготеет к типу А, а кластер 0 – к типу В. Высокие значения среднего квадратического отклонения в первом кластере указывают на больший разброс значений в представленном множестве относительно средней величины множества при явном доминировании гг. Москвы и Санкт-Петербурга, а также республики Татарстан.

Табл. 3. Описательные статистики целевых факторов

Фактор	Показатель	Кластер			
		0	1	2	3
Y1	Минимальное значение в кластере	62,27	61,58	63,4	43,6
	Максимальное значение в кластере	72,87	75,58	73,33	71,14
	Среднее значение в кластер	67,004	67,894	68,258	64,384
	Среднеквадратическое отклонение	2,874	4,024	2,271	8,005
Y2	Минимальное значение в кластере	0,4	0,7	0,02	1,12
	Максимальное значение в кластере	5,03	2	4,79	28,43
	Среднее значение в кластер	2,021	1,38	1,693	6,643
	Среднеквадратическое отклонение	1,306	0,393	1,001	7,659
Y4	Минимальное значение в кластере	57,1	56	55,4	21,3
	Максимальное значение в кластере	86,2	83,5	85,7	74,5
	Среднее значение в кластер	68,941	71,13	71,369	60,055
	Среднеквадратическое отклонение	7,26	7,373	6,857	14,657
Y5	Минимальное значение в кластере	3,399	4,313	4,68	1,217
	Максимальное значение в кластере	8,766	10,581	10,727	8,537
	Среднее значение в кластер	5,429	7,324	7,275	5,122
	Среднеквадратическое отклонение	1,23	2,101	1,482	1,717
Y6	Минимальное значение в кластере	30,654	31,918	40,362	18,339
	Максимальное значение в кластере	106,905	85,53	90,971	76,458
	Среднее значение в кластер	55,988	63,478	64,98	60,302
	Среднеквадратическое отклонение	15,861	18,527	13,109	16,446
Y8	Минимальное значение в кластере	0,012	0,003	0,003	0,005
	Максимальное значение в кластере	0,073	0,088	0,045	0,087
	Среднее значение в кластер	0,031	0,021	0,015	0,028
	Среднеквадратическое отклонение	0,016	0,026	0,009	0,022
Y10	Минимальное значение в кластере	4,5	4,5	5,1	5,1
	Максимальное значение в кластере	17,9	9,9	9,7	14,7
	Среднее значение в кластер	8,118	6,52	7,378	8,864
	Среднеквадратическое отклонение	2,556	1,755	1,126	3,01
Y12	Минимальное значение в кластере	30,584	40,193	35,854	23,512
	Максимальное значение в кластере	47,958	53,246	51,754	50,902
	Среднее значение в кластер	41,413	45,93	43,956	39,686
	Среднеквадратическое отклонение	4,612	3,72	4,425	9,378
Y13	Минимальное значение в кластере	9,3	8,3	10,5	5,7
	Максимальное значение в кластере	33,8	25,2	25,5	72,2
	Среднее значение в кластер	23,186	16,47	18,241	19,273
	Среднеквадратическое отклонение	6,513	5,605	4,001	18,313

Источник: составлено авторами

На следующем этапе анализа проверим влияние "фоновых" региональных факторов, изучив описательные статистики выделенных ранее целевых факторов. Из обозначенных 13-ти факторов остановимся на тех, которые имеют большее число выраженных корреляций с управляющими факторами – это y_1 , y_2 , y_4 , y_5 , y_6 , y_8 , y_{10} , y_{12} и y_{13} .

В таблице 3 приведены описательные статистики целевых факторов в разрезе четырех кластеров. Для y_1 , 4, 5, 6 и 12 – желателен рост, в то время, как для y_2 , 8, 10 и 13 – желательно снижение.

Изучение средних значений целевых факторов по четырем кластерам подтверждает нашу гипотезу о влиянии региональной среды на социальный потенциал детства. Тип среды "А", характерный для российских регионов, входящих в кластеры 1 и 2, приводит к более высоким значениям показателей – средний балл ЕГЭ по русскому языку; доля детей, охваченных ДОУ; доля детей, занимающихся в школах искусств; доля детей, систематически занимающихся физической культурой; доля детей 1-2 групп здоровья. Средние остальных целевых показателей принимают минимальные значения среди средних значений показателей всех четырех кластеров – это доля выпускников без аттестата; детская заболеваемость туберкулезом; смертность до 5 лет; детская смертность от внешних причин.

В кластерах 0 и 3, определяемых как тип среды "В", наблюдается обратная ситуация. Однако здесь необходимо обратить внимание на высокие значения среднего квадратического отклонения в третьем кластере, что указывает на больший разброс значений в представленном множестве со средней величиной множества.

Также большой разброс значений переменных y_4 , y_6 и y_{12} относительно средних величин наблюдается во всех четырех кластерах. Что заставляет нас с осторожностью относиться к связи типа региональной среды с этими целевыми факторами.

Кластерный анализ позволил подтвердить высказанное предположение о связи показателей социального потенциала детства с факторами региональной среды. Условно выделенные типы "А" и "В" региональной среды представляют собой крайние варианты насыщения/ не насыщения региона культурно-образовательными и социально-инфраструктурными ресурсами, по-разному сказывающиеся на показателях детского образования и детского здоровья.

В ходе исследования были выделены две группы корреляций – "очевидные" и "фоновые". На основе "фоновых" корреляций была проведена кластеризация российских регионов. Это поможет в дальнейшем снять проблему интерпретации полученных данных по причине неочевидности обнаруженных связей. Проблема снимается выделением типа региональной среды, связанного с "насыщением" региона культурными объектами, учреждениями среднего профессионального и высшего образования, спортивными сооружениями с высокой пропускной способностью, инновационно активными организациями и др.

Для разных типов региональных сред будут построены свои регрессионные уравнения, описывающие влияние управляющих факторов на целевые показатели социального потенциала детства.

Литература

1. Аналитическое агентство «Автомобильная статистика», [Электронный ресурс]. URL: <https://www.autostat.ru/pages/radar/> (дата обращения: 30.05.2018).
2. Единая межведомственная информационно-статистическая система, [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru> (дата обращения: 16.05.2018).
3. Калабихина И.Е., Кучмаева О.В. Проблемы и перспективы мониторинга участия детей в реализации «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.» // Журнал исследований социальной политики. Том 14. № 4. С. 507–520.
4. О нормативах штатной численности работников государственных и муниципальных учреждений культурно-досугового типа и библиотек: Приказ Министерства культуры РФ от 1 сентября 2011 г. № 906. Доступ из справочно-информационной системы «ГАРАНТ»

5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016. Стат. Сб., [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B16_14p/Main.htm (дата обращения: 06.06.2018).
6. Федеральная служба государственной статистики. Семья, материнство и детство, [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/ (дата обращения: 01.06.2018).
7. Филипова А.Г., Еськова А.В. Оценка влияния региональных показателей на здоровье детей // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 4 (43). С. 124–132.
8. Филипова А.Г., Еськова А.В. Социальный потенциал детства в регионе: построение онтологии предметной области // Региология. 2016. №3. С. 137–146.
9. Филипова А.Г., Еськова А.В. Социальный потенциал региона: опыт использования кластерного анализа // Региология. 2017. Т. 25. №3 (100). С. 438–455.
10. Харченко М.А. Корреляционный анализ, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.twirpx.com/file/481991/> (дата обращения: 03.06.2018).
11. Deductor. Описание платформы, [Электронный ресурс]. URL: <https://basegroup.ru/deductor/description/> (дата обращения: 25.05.2018).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Analiticheskoe agentstvo «Avtomobil'naya statistika», [Электронный ресурс]. URL: <https://www.autostat.ru/pages/radar/> (дата обращения: 30.05.2018).
2. Edinaya mezhvedomstvennaya informatsionno-statisticheskaya sistema, [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru> (дата обращения: 16.05.2018).
3. Kalabikhina I.E., Kuchmaeva O.V. Problemy i perspektivy monitoringa uchastiya detej v realizatsii «Natsional'noj strategii dejstvij v interesakh detej na 2012–2017 gg.» // Zhurnal issledovaniy sotsial'noj politiki. Tom 14. № 4. S. 507–520.
4. O normativakh shtatnoj chislennosti rabotnikov gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uchrezhdenij kul'turno-dosugovogo tipa i bibliotek: Prikaz Ministerstva kul'tury RF ot 1 sentyabrya 2011 g. № 906. Dostup iz spravochno-informatsionnoj sistemy «GARANT»
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016. Стат. Сб., [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B16_14p/Main.htm (дата обращения: 06.06.2018).
6. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Sem'ya, materinstvo i detstvo, [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/ (дата обращения: 01.06.2018).
7. Filipova A.G., Es'kova A.V. Otsenka vliyaniya regional'nykh pokazatelej na zdorov'e detej // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2017. № 4 (43). S. 124–132.
8. Filipova A.G., Es'kova A.V. Sotsial'nyj potentsial detstva v regione: postroenie ontologii predmetnoj oblasti // Regionologiya. 2016. №3. S. 137–146.
9. Filipova A.G., Es'kova A.V. Sotsial'nyj potentsial regiona: opyt ispol'zovaniya klaster'nogo analiza // Regionologiya. 2017. Т. 25. №3 (100). S. 438–455.
10. KHarchenko M.A. Korrelyatsionnyj analiz, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.twirpx.com/file/481991/> (дата обращения: 03.06.2018).
11. Deductor. Описание платформы, [Электронный ресурс]. URL: <https://basegroup.ru/deductor/description/> (дата обращения: 25.05.2018).

Филипова А.А., Высоцкая А.В. Социальный потенциал детства и региональная среда: особенности кластеризации российских регионов.

Социальный потенциал детства, понимаемый через показатели детского здоровья и образования, соотносится в статье с разными типами региональной среды. Корреляционный анализ целевых (показатели детства) и управляющих (показатели среды) факторов помогает выйти на оппозицию двух типов региональной среды, условно обозначенных как "тип А" и "тип В". Первый тип насыщен культурно-образовательными и социально-инфраструктурными ресурсами, второй же испытывает потребность в большем насыщении. Для установления связи между показателями детства и типами региональной среды использован инструмент кластеризации – выделены четыре кластера российских регионов. Анализ целевых факторов позволил установить связь между их желательными значениями и характеристиками региональной среды.

Ключевые слова: *российские регионы, детство, корреляционный анализ, кластеризация, региональная среда*

Filipova A.A., Vysotskaya A.V. Social potential of childhood and the regional environment: features of clustering of Russian regions.

The social potential of childhood, understood through the indicators of child health and education, is correlated in the article with different types of regional environment. The correlation analysis of the target (childhood indicators) and managers (environmental factors) helps to overcome the opposition of two types of regional environment conventionally designated as "type A" and "type B". The first type is saturated with cultural, educational and socio-infrastructural resources, while the latter is in need of greater saturation. To establish the connection between the indicators of childhood and the types of regional environment, a clustering tool was used – four clusters of Russian regions were identified. The analysis of the target factors made it possible to establish a connection between their desired values and the characteristics of the regional environment.

Key words: *Russian regions, childhood, correlation analysis, clustering, regional environment*

Для цитирования: Филипова А.А., Высоцкая А.В. Социальный потенциал детства и региональная среда: особенности кластеризации российских регионов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 3. С. 108–120. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/108-120

For citation: Filipova A.A., Vysotskaya A.V. Social potential of childhood and the regional environment: features of clustering of Russian regions. // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 3. P. 108–120. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/108-120

УДК 316.344.42+304

Петров В.Е.

"Золотая молодёжь" стран Запада, России и Востока: опыт сравнительной ювенальной элитологии

Введение

"Золотая молодёжь", именуемая также как "rich kids" (с англ. – "богатые детки"), становится весьма заметным социальным, политическим и культурным явлением в обществе многих стран современного мира, совершенно разных по уровню жизни, культурным и религиозным традициям, политическим и экономическим системам и иным характеристикам. Социальные сети и СМИ демонстрируют бум публикаций о "золотой молодёжи" и смакуют перипетии "красивой жизни" представителей этих сообществ, о которых широкие социальные массы и даже эксперты-обществоведы очень часто вообще ничего не знают. А если и знают, то поверхностно, обрывочно, не имея желания и возможности "капнуть глубже", проанализировать на научном уровне. Вызывает всеобщий и наш исследовательский интерес и то, что "золотая молодёжь" сама подогревает общественное внимание к себе самой, поскольку довольно часто является первоисточником публикуемых визуальных материалов и других сведений о себе.

Так кто же такая "золотая молодёжь" – новая социальная (или иная) элита? Резерв элиты? Или же пустые прожигатели жизни и семейных, или даже общественных, капиталов? Как социальная группа она едина и институциональна, или аморфна и сильно разобщена? Необходима ли она современному обществу и элитам, оказывает опасное, нейтральное или положительное влияние? Проявляет ли "золотая молодёжь" существенные отличия в зависимости от континента, страны, региона, имеет ли она национальные или глобальные характеристики? Ответы на эти вопросы пока не совсем ясны как в отечественной, так и в мировой науке, и автор статьи видит необходимость актуализировать эти вопросы и начать процесс поиска ответов.

Научному анализу, как автор уже не раз отмечал, феномен "золотой молодёжи" подвергается пока очень редко. В российской социологии и других социальных науках налицо даже не дефицит, а почти полное отсутствие таких исследований, при массе однотипных "разоблачительных" публицистических текстов, посвящённых современной либеральной элите и её младшему поколению в лице "золотой молодёжи". Автор видит свою задачу в акцентировании необходимости решения данной научной проблемы и в развитии такого направления элитологических исследований как ювенальная элитология [14]. И одним из первых камней в её фундаменте должна стать попытка целостного научного анализа российской "золотой молодёжи" и генерации её возможного социологического сравнительного анализа с аналогичными социальными группами других стран и регионов мира. По сути, речь может идти о таком междисциплинарном исследовательском проекте как *сравнительная ювенальная элитология*. Такую задачу мы и постараемся решить в данной статье.

Эмпирическую базу исследования составили сведения из российских и зарубежных СМИ (аналитические, публицистические, новостные, светские, научные и прочие медиа), научных публикаций и интернет-контента (интернет-журналы, тематические форумы и паблики в социальных сетях, видеоролики и т.д.). В частности, наиболее верифицированные и верифицируемые

© Петров В.Е., 2018

ПЕТРОВ Вадим Евгеньевич, канд. филос. наук, преподаватель Многопрофильного колледжа Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород).
E-mail: pve888@mail.ru

данные брались нами из экономсоциологических научных исследований [6, 8], светской хроники (например, [5, 7]) и тематических страниц и фотографий самой "золотой молодёжи" из социальной сети Instagram.com [19–22]. К слову, метод социологического анализа фотографий в отношении второго поколения элиты уже успешно применялся другими отечественными исследователями [13], и потому его потенциальные возможности представляются нам достаточно эффективными.

Таким образом, методологический аппарат составляют совокупность различных методов и инструментов, преимущественно из числа визуальной социологии и антропологии [17], элементы биографических методов на основе вторичного мета-анализа данных, опубликованных в других источниках (научных и ненаучных), а также общенаучные и философские методы (типологический, сравнительный, герменевтический и др.). Объектом исследования выступает имеющаяся в СМИ, социальных сетях и научных публикациях информация о конкретных национальных сообществах "золотой молодёжи" и их отдельных представителях, предметом – характерные, общие (глобальные, универсальные) и особенные (национальные, конкретно-исторические) черты (характеристики) сообществ "золотой молодёжи" в современном мире. Целью исследования станет сравнительный анализ основных национальных сообществ "золотой молодёжи" для выявления их общих и отличительных характерных особенностей.

Категория "золотой молодёжи", её границы и научное содержание

Необходимо в начале нашего исследования чётко определить значение и границы категории "золотой молодёжи". Мы уже предлагали и вводили своё определение данного понятия, согласно которому золотая молодёжь дефиницируется на основе наличия элитарного опыта и отсутствия (минимизации) негативного травмирующего опыта, а также праздности как главного маркера элитарного социального статуса, возможности доступа к стратегическим социальным ресурсам и осуществлению элитарных культурных практик [14].

При этом также необходимо отсечь от категории "золотой молодёжи" все те или иные близкие в общественном восприятии сообщества и субэлитные слои, чтобы говорить более точно и достоверно. Прежде всего, с нашей точки зрения, в сообществе "золотой молодёжи" в элитологическом смысле нельзя включать "мажоров", т.е., представителей молодёжных субэлит (или даже псевдо-элит), которые не обладают перечисленными личностными качествами, а напротив, демонстрируют качества нуворишей или вырождающихся последующих поколений элитарных семей. Чаще всего именно они попадают в поле зрения общественного внимания благодаря СМИ (например, по агрессивному вождению дорогих спортивных автомобилей на дорогах, демонстративному употреблению алкоголя и наркотиков, нарушению норм морали и закона и т.д. (см. [3, 11] и др.)), и по ним ошибочно сложился неверный социальный образ этого сообщества. Не могут быть частью "золотой молодёжи" также и субэлитные слои – случайные и временные друзья и подруги представителей "золотой молодёжи" (их сокурсники и другие учащиеся и студенты из учебных заведений, пусть даже очень престижных, если те сами по себе не обладают идентичностью "золотой молодёжи", партнёры по проведению досуга, девушки-содержанки, "затесавшиеся" в компании общие знакомые и т.д.), молодёжь из числа неблизких родственников элитарных семей, элитная обслуга (личные тренеры, водители и т.д.).

Аналогично не следует включать в категорию "золотой молодёжи" иные молодёжные элиты – молодых политических лидеров, удачливых молодых предпринимателей и топ-менеджеров, детей-индиго и талантливых выпускников лучших школ, молодёжь из числа высшей спортивной и творческой элиты (т.н. "self-made молодёжь" – то есть тех, кто заработал свои деньги и высокий социальный статус сам), хотя в некотором смысле с сообществом "золотой молодёжи" они могут часто пересекаться, иметь там широкий круг знакомств и иногда вести аналогичный образ жизни, как и "мажоры". С нашей точки зрения, эти вполне успешные люди, являясь частью социальных элит, не могут быть причислены к "золотой молодёжи" в связи с отсутствием семейной, передаваемой с раннего детства элитарности, а их личный социальный опыт связан с профессиональной деятельностью, в то время как "золотая мо-

лодёжь" в чистом виде не связана напрямую с бизнесом, политикой или исключительными личными достижениями как условиями успеха.

При этом, несмотря на временную ограниченность самого понятия "золотая молодёжь", предполагающего неизбежное взросление отдельных индивидов и постоянную смену поколений, мы понимаем и используем данное понятие в качестве своеобразного социологического "идеального типа", в своей сути и природе мало подверженного историческим и социально-культурным изменениям. Вместе с тем, определённые цивилизационные и общественные черты этой категории могут быть различны, даже в контексте "идеального типа" и ускоряющейся глобализации, и их выявление и сравнение как раз и будет составлять цель и предмет данного исследования.

"Золотая молодёжь" современного мира: общие черты

Исходя из уже относительно устоявшегося в языке и общественном сознании термина "золотая молодёжь" и наличия аналогов этого понятия и категории в других языках и культурах, мы предполагаем некий универсальный и преодолевающий конкретно-историческую интерпретацию сценарий общественного существования данного социального феномена как достаточно исторически долгого, неслучайного и универсального [14]. Поэтому в уже опубликованных ранее научных статьях автор выделил некоторые общие, по сути внеисторические, базовые черты и характеристики "золотой молодёжи" как таковой, от которых мы отталкиваемся при концептуализации самой этой категории и которые вновь, с аргументацией, воспроизводятся ниже.

Для начала – это особая *привилегированность* сложившегося социального статуса представителей этой социальной группы, заключающаяся в более выгодных стартовых позициях по отношению к другим за счёт статусных или состоятельных родителей. То есть, в абсолютном большинстве случаев причиной элитарности "золотой молодёжи" выступает всё же благоприятный случай рождения в обеспеченной и успешной семье, которая, обладая уже сформированной элитарностью, распространяет её и на своё новое поколение. Этот стартовый капитал с рождения или с чуть более поздних периодов социализации через материальное, интеллектуальное, досуговое превосходство превращается в своеобразный инкорпорированный в душе и теле *"культурный капитал"* (в понимании П. Бурдьё [1]), которое и закрепляется как то или иное неравенство и преимущество по сравнению с иными социальными группами молодёжи и общества в целом. Получая лучшее образование, вступая в общение с привилегированными представителями социума, избегая многих рисков и форм негативного травмирующего опыта, "золотая молодёжь" обретает тем самым не только материальное, но и социальное (большие возможности), телесное (т.е. физическое и психическое здоровье), интеллектуальное, культурное превосходство над массовыми слоями своих современников.

Второй заметный атрибут социализации и жизнедеятельности "золотой молодёжи" – это *праздность* как способ организации не только досугового, но и повседневного бытия. Однако праздность в данном случае чаще всего играет не отрицательную, депривирующую роль, а творческую и созидательную. Под праздностью мы понимаем не пассивное безделье, а такую форму *деятельности*, которая не связана необходимостью осуществлять производительный труд, направленный для физического выживания. Праздность в данном случае выступает как возможность самоосуществления, самореализации, не оглядываясь на дефицит материальных и социальных благ, поскольку у "золотой молодёжи" этот дефицит отсутствует или же он минимален. Лишённые основных забот в жизни, представители "золотой молодёжи" не только больше времени уделяют праздному досугу, но и способны эффективнее, имея больше сил и нематериальных, внутренних стимулов, получать образование, актуализировать свои социальные и творческие интересы, развивать личные и профессиональные способности.

При этом наблюдается тенденция к показной, демонстративной праздности (в классическом понимании Т. Веблена [2]), т.е. выраженной демонстрации вовлеченности в элитарные консьюмеристские и социокультурные практики. Это легко доказать и обосновать простым и даже поверхностным просмотром уже приводимых страниц, пабликов, групп в соцсетях, посвящённых образу жизни "золотой молодёжи", которые с неизменным упорством

подчёркивают "земной рай" жизни представителей этого слоя молодёжи. Основными темами фотографий и видео в этих публикациях выступают предметы роскоши и практики их потребления – отдых на яхтах, частных виллах и лучших курортах, перелёты на частных самолётах и демонстрация их снаружи и внутри, элитарный спорт, модная одежда, хорошая еда, дорогие и спортивные автомобили, тигрята и львята как домашние животные, для мужчин – многочисленные красивые девушки в их окружении и др.

Особую роль в данной визуальной информации играет иной тип культурных практик и социальных связей в этих сообществах, основанный на более непосредственном, открытом и растабуированном характере взаимоотношений и стиле жизни – демонстрации обнажённых частей тела и нудизме, свободном, естественном поведении (не обусловленном общественными нормами и габитусами), ненаигранности положительных эмоций, общей тенденции и стремлению к физической (телесной и внешней) красоте и эстетизации жизни. Эти визуальные публикации характерны для всех национальных мировых сообществ "золотой молодёжи", и они, по мнению автора, не сколько "дрязнят" общество и массы, как это часто воспринимается, сколько реализуют сценарий самоутверждения и поддержания элитарного социального статуса.

Даже в тех случаях, когда некоторые представители (как правило, высших слоёв) "золотой молодёжи" не стремятся публично демонстрировать свои богатства и возможности (например, про некоторых представителей "золотой молодёжи" известно, что они с подачи родителей или по собственному желанию стараются не выделяться, жить почти "как все", а про других вообще ничего не известно, хотя общество знает об их существовании и проявляет интерес к их персонам), это, тем не менее, означает скрытую и более социализированную форму "демонстративной праздности".

Из праздности и описанных выше причин элитарности вытекает такая черта "золотой молодёжи" всего мира, как выраженные *гедонизм и инфантильность*. Данный личностный тренд находит отражение в следующей общей особенности "золотой молодёжи" в современном мире, как жизненная стратегия уклонения от профессионального принятия "дела отцов" и семьи, т.е. *нежелания заниматься бизнесом и/или политикой*, по крайней мере – на протяжении всей жизни. Это косвенно нам сообщают фото, видео и тексты из соцсетей от первоисточников, и более прямо и открыто – интервью в СМИ, экономосоциологические и социобиографические исследования [6, 8]. Несмотря на то, что данная черта характерна больше для "золотой молодёжи" восточных и азиатских государств и России (о чём пойдёт речь ниже), по нашему мнению, она присуща всей "золотой молодёжи" в целом, в том числе и для западной, поскольку существует немало примеров добровольного отказа многих представителей этого слоя от полноценного наследования семейных капиталов и принятия функционального управления в бизнесе или государственном аппарате.

Вместо принятия дел в бизнесе или быстрого старта политической карьеры жизненные интересы "золотой молодёжи" почти всего мира часто сосредотачиваются если не в продолжении вечной праздности и элитарном досуге (что тоже возможно), то, как правило, в сферах моды, творчества и искусства, спорта, духовных практиках, собственных бизнес- и социальных проектах, не претендующих на сверхприбыль, а, скорее, служащих целью для *самореализации и самосовершенствования*, что, на взгляд автора, и выступает важнейшей характерной чертой и осознанной стратегической жизненной целью "средних" и лучших представителей "золотой молодёжи". При этом сами "стандарты" и общие ориентиры такого самосовершенствования выбираются и принимаются вступившими на этот социально-духовный путь представителями "золотой молодёжи" самостоятельно и могут быть связаны как с телесными, так и с духовными практиками, как в рамках той или иной религиозной традиции (либо совокупности различных религиозных и философских идей), так и в поле светского направления деятельности и мышления.

Автор исходит из понимания того, что данная черта описываемого слоя наименее очевидна с позиции научного и общественного скептицизма и наиболее хрупка в жерновах современного мира, однако настаивает на её существовании на протяжении всей социальной истории существования "золотой молодёжи". Эта же черта выводит элитарность "золотой молодёжи" на тран-

сцендентный, подлинно элитарный уровень, включает "золотую молодёжь" в состав культурной элиты общества.

"Золотая молодёжь" стран Запада, России и Востока: особенные региональные черты

Помимо общих, универсальных и внеисторических социальных черт "золотой молодёжи" просматриваются и некоторые особенные черты, связанные с конкретными региональными, культурными, политическими, религиозными традициями и иными конкретно-историческими факторами тех или иных обществ и государств.

"Золотая молодёжь" евроатлантического Запада (Европы и США) намного более прагматична и ориентирована на политическую или бизнес-карьеру, чем любая другая национальная "золотая молодёжь". Это может быть связано и с долгой историей потомственной аристократии в Европе, и с общим духом (пост)колониализма и плохо скрытого превосходства, присущего Западу. Особенно данная черта присуща "золотой молодёжи" развитых стран Западной Европы (прежде всего, Великобритании [15]) и США [4], с их университетами "лиги плюща", студенческими тайными обществами ("Череп и Кости" и др.) и развитыми традициями политического и культурного аристократизма. Для континентальной "золотой молодёжи" "старой Европы" также характерен в определённой степени консерватизм и умеренность (что выражается, например, в почти отсутствии вызывающего поведения и в меньшей публичной демонстрации своей праздности и богатства), закрытостью своих сообществ для посторонних [9]. Группы в социальной сети Instagram.com этих национальных сообществ "золотой молодёжи" содержат совсем немного опубликованных фотографий и видео, а их конкретное визуальное содержание намного менее пафосное и даже скорее блёклое, по сравнению с аналогичными пабликами азиатской и российской "золотой молодёжи". "Золотая молодёжь" Восточной Европы по своим чертам ближе к российской и азиатской, о которой пойдёт речь далее, поскольку сформировалась на базе постсоветской социально-политической реальности, основанной на быстром обогащении "отцов" и отсутствии долгих традиций аристократичности и элитарности.

"Золотая молодёжь" современных стран Азии (выделим среди них, прежде всего, Иран как крупнейшее государство Среднего Востока), несмотря на доминирующую роль религии и традиций в национальной культуре и менталитете, старается демонстрировать умеренное нарушение общественных и религиозных табу и ограничений. Так, публикации в иранской группе Rich Kids Of Tehran [21] в социальной сети Instagram.com (более 2 тыс. фотографий и видео и 121 тыс. официальных подписчиков по состоянию на июль 2017 г.) содержат фотографии девушек-представительниц иранской "золотой молодёжи" в бикини, открытых дизайнерских платьях европейской моды (хотя, при этом, отсутствует демонстрация откровенно обнажённых частей тел, что встречается в аналогичных группах "золотой молодёжи" стран Запада и России), курящих кальяны, находящихся на вечеринках и в иных публичных местах без старших членов семей и в компании молодых мужчин, что очень нехарактерно даже для более мягких, чем Иран, мусульманских государств, и подтверждает наш тезис.

При этом полного отрицания и отторжения данных табу в среде азиатских сообществ "золотой молодёжи", насколько можно судить, не происходит, напротив, как в личных комментариях в социальных сетях, так и в публичной сфере и в медиа "золотая молодёжь" Среднего Востока подчёркивает свою принадлежность к конкретной религии, нации и семье, уважительно отзывается о родителях и государственной власти [23]. Таким образом, для среды азиатской "золотой молодёжи" не характерен острый конфликт между ними и структурой "семья – общество" на почве отрицания национальных традиций и утверждения западных ценностей, которые, напротив, органично вписываются в образ жизни современного азиатского общества и молодёжи на основе умеренного культурного космополитизма.

Не менее интересен в рамках нашего сравнительного исследования анализ "золотой молодёжи" стран интенсивно развивающегося дальневосточного региона. В последние годы в СМИ появляется немало публикаций о "золотой молодёжи", прежде всего, Китая и некоторых государств Юго-Восточ-

ной Азии. Её образ жизни и социальный статус в контексте политической и повседневной жизни в этих странах обсуждается в срезе провокативности её деятельности и поведения по отношению к сложившимся институтам власти и общества и демонстрации ею своих социальных амбиций. Китайская "золотая молодёжь", "фуэрдай", дети партийной и предпринимательской элиты государства со смешанной гибридной экономикой, несмотря на тысячелетнюю историю Поднебесной, являются элитой лишь во втором поколении, но обладающей доступом и правами наследования огромных семейных капиталов на фоне азиатской нищеты и множества проблем обычных людей. Вследствие этого их публичное поведение часто выливается в скандалы – гонки на дорогих спортивных автомобилях заканчиваются трагедиями, демонстрации в социальных сетях красивой жизни [22] – общественным раздражением и привлечением к суду [16]. Китайские журналисты отмечают оторванность от реальной жизни подавляющего большинства представителей этого сообщества и нежелание принимать управление семейным бизнесом. Это воспринимается особенно остро в контексте традиционного китайского трудолюбия и декларируемого социалистического принципа политической жизни и экономики.

При этом "золотая молодёжь" Китая и развивающихся государств Юго-Восточной Азии не отказывается от своих социальных амбиций и стремится их наращивать. Эти амбиции связываются ею, прежде всего, с амбициозным освоением и "захватом" городской территории и трансформирующегося социально-культурного пространства в странах Азиатско-Тихоокеанского макрорегиона, что может трактоваться как претензия не столько на политическое, сколько на культурное лидерство. Чаще всего это проявляется в среде новой азиатской "золотой молодёжи" выраженным, уже хорошо освоенным потреблением на уровне высших мировых стандартов среди элиты, а также со стремлением включить себя в глянцево-модный мир моды, поп-культуры и шоу-бизнеса, войти в состав культурной элиты общества. Данная черта хорошо заметна даже на примере "золотой молодёжи" одной из беднейших стран Юго-Восточной Азии – Мьянмы. Как отмечает австралийский социолог Ж. Менаже [18], описывая бирманское постколониальное реформирующееся общество и особую роль "золотой молодёжи" в нём на текущий момент, связанную с культурными инициативами и стремлением к изменению общественного строя, "эта молодёжь – как раз та часть нации, которая своим "креативным" поведением по расшатыванию устоев заставляет других более критически глядеть на общество, правительство, на будущее. Внешне поведение этих молодых людей кажется просто бытовым безобразием плохо воспитанных детей, но это коренным образом связано не только с самопрезентацией и социальной самооценкой, но и с демонстрацией потенциала силы (заявка на будущее)" [Цит. по: 10, с. 98]. Золотую молодёжь Менаже разделила на три группы: 1) богатые сыновья преуспевающих бизнесменов; 2) заслужившие свою репутацию и статус в обществе работой в искусстве, в модельном бизнесе; 3) дети и внуки высокопоставленных военных [Цит. по: 10, с. 95]. Таким образом, на примере двух различных по своему типу государств Дальнего Востока хорошо заметна как ключевая роль "золотой молодёжи" в общественных трансформациях, происходящих там в настоящий момент, так и общие и специфические / региональные черты, присущие этой прослойке в азиатском и мировом масштабе.

Российская "золотая молодёжь" по своим социальным чертам и качествам очень сильно близка к аналогичным сообществам Среднего Востока, Китая и Юго-Восточной Азии. Несмотря на некоторую неопределённость её положения в современном российском обществе, социальную неоднородность внутри её среды по происхождению и возможностям [12], подчас существенную разницу в образе жизни и реализуемых социальных и культурных практиках ("дневная", ведущая здоровый образ жизни, активно вовлечённая в конструктивные виды деятельности, например, спорт и путешествия, и получающая образование; и "ночная", увлечённая вечеринками, психоактивными веществами и гонками на автомобилях), "золотая молодёжь" в России с начала 2000-х гг. стала весьма заметным социальным феноменом и фактором общественной жизни. С азиатской "золотой молодёжью" её объединяют такие черты, как демонстративная праздность и "яркие" стратегии элитарного потребления, провокативность и раскрепощённость в повседневном поведении,

но, при этом, и выраженные амбиции в сфере культуротворчества и антиконсерватизм. "Золотая молодёжь" в современной России также является элитами во втором или максимум в третьем поколении, как и в иных не западных обществах, хотя, как и азиатская "золотая молодёжь", в значительной мере ориентирована на западные ценности и практики. Отечественные представители "золотой молодёжи" также в меньшей степени стремятся к реальной политической или бизнес-карьере [6], как и в современном Китае, испытывают схожие социально-психологические трудности и чувства (одиночество, инфантильность и небеспокоенность своим будущим), но "живут по максимуму", а её группа для публикаций в Instagram [20] содержит больше 1 тыс. фото и видео и почти полмиллиона подписчиков (на июль 2017 г.).

Однако, при этом, можно утверждать, что российская "золотая молодёжь" даже более элитарна, чем европейская и западная, которая часто выступает в качестве "вечных нуворишей", поскольку, если в нарративе последней не отделяемо присутствует дискурс стремления к политической власти, богатству и поддержанию своего статуса, как высшей ценности, то для отечественной "золотой молодёжи", хоть и испытывающей в ряде случаев некоторый политический и профессиональный аутизм и неполноценность, всё же характерны ценности и цели не утилитарного и более высокого порядка – к личностной и творческой самореализации, новым граням опыта и безусловной праздности, т.е., к устоявшимся аристократическим и элитарным практикам деятельности и мышления. Поэтому социальный и культурный потенциал "золотой молодёжи" в России и мире, как мы полагаем, будет возрастать и останется актуальным для изучения и использования в ближайшие десятилетия.

Заключение

Итак, "золотую молодёжь" в современном мире следует признать в качестве важнейшего субъекта общественной и культурной жизни в национальном и глобальном масштабах. Несмотря на выраженную тенденцию её отклонения от полноценного наследования элитарных статусов и капиталов, она остаётся в структуре социальных элит и будет иметь возможность к увеличению своих возможностей и ресурсов, прежде всего – культурного капитала и личных достижений, при одновременном сохранении доступа к экономическим и семейным капиталам элит. В ходе сравнительного элитологического анализа мы пришли к выводу, что в отношении различных национальных обществ "золотой молодёжи" современного мира характерны как общие, универсальные (факт рождения в элитарной семье, минимизация негативного травмирующего опыта и акцент на формирование "культурного капитала" в детстве, вовлеченность в практики праздности и демонстративного потребления, выраженное стремление к самореализации и самосовершенствованию по самостоятельно выбранным стандартам), так и особенные, региональные и конкретно-исторические отличительные черты (консерватизм, прагматизм и карьероцентризм для западной "золотой молодёжи" и антиконсерватизм и отклонение от принятия семейных и общественных обязательств – для восточной). При этом наиболее социально активны и амбициозны в современном мире национальные сообщества "золотой молодёжи" азиатского и восточного происхождения, в том числе, и российская "золотая молодёжь", которая по своим особенностям и качествам наиболее близка к азиатским, что не отменяет их прозападное ценностное мышление.

Таким образом, процесс социально-политического элитогенеза "золотой молодёжи" в современном мире ещё до конца не завершён, и её социальный статус и роль в общественной жизни окончательно не определены. Находясь между политическими и культурными элитами, между положением единственных наследников больших семейных капиталов и инфантильных "недорослей", "золотая молодёжь" занимает маргинальное положение в обществе и политическом классе. Но именно она, вероятно, станет ключевым фактором общественных трансформаций в ближайшей перспективе во всём мире (прежде всего, в странах Азии, России и постсоветских государствах), полноценно войдя в состав культурных, и шире, социальных элит.

Литература

1. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т.3. № 5. С. 60–74.
2. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 369 с.
3. Внук олигарха предлагал проходим выпить его мочу за деньги [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZDuXH2VTE4I> (дата обращения: 10.07.2017).
4. Вулф Т.Я – Шарлотта Симмонс; пер. с англ. В. Правосудова. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2006. 1016 с.
5. Гомзикова С. Кому на Руси жить хорошо. Золотая молодёжь. Почему современные "мажоры" не знают ни горя, ни законов? [Электронный ресурс]. URL: <http://svpressa.ru/society/article/156553/> (дата обращения: 10.07.2017).
6. Дети магнатов не планируют долгую карьеру в бизнесе [Электронный ресурс]. URL: <https://iq.hse.ru/news/177664428.html> (дата обращения: 10.07.2017).
7. Звёздные дети проводили внучку Лебедева в последний путь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dni.ru/showbiz/2016/11/30/354886.html> (дата обращения: 10.07.2017).
8. Исследование показало, что 80% "золотой молодёжи" из Сянган и материкового Китая не хотят продолжать дело родителей [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/8176729.html> (дата обращения: 10.07.2017).
9. Макарова Е. Австрийская столичная молодёжь [Электронный ресурс]. URL: <http://focus-austria.ru/otdyih/kultura-y-mentalytet/avstryjskaya-stolychnaya-molodezh.html> (дата обращения: 10.07.2017).
10. 2016.01.022. Менаже Ж. Плюющая на закон, создающая культуру и занимающаяся бизнесом молодёжь Янгона, Мьянма // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. Реферативный журнал. 2016. № 1. С.95–98.
11. Наследники наследили в Швейцарии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1279950> (дата обращения: 10.07.2017).
12. Немного о золотой молодёжи [Электронный ресурс]. URL: <http://travel1980.livejournal.com/38847.html> (дата обращения: 10.07.2017).
13. Орех Е.А. "Маленькие взрослые": изучение фотообразов детей современной российской элиты // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 4 (81). С. 53–64.
14. Петров В.Е. Ювенальная элитология и методология исследования "золотой молодёжи" // Политика и Общество. 2016. № 10. С. 1440–1449. DOI: 10.7256/1812-8696.2016.10.20132.
15. Секс, трава и классовая ненависть в Оксфорде [Электронный ресурс]. URL: http://www.gq.ru/magazine/featured/19925_seks_trava_i_klassovaya_nenavist_v_oxsforde.php (дата обращения: 10.07.2017).
16. Титова Л. Как зажигает "золотая молодёжь" Поднебесной [Электронный ресурс]. URL: <https://laowai.ru/kak-zazhigaet-zolotaya-molodezh-podnebesnoj/> (дата обращения: 10.07.2017).
17. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: пер. с польск. Н.В. Морозовой, авт. вступ. ст. Н.Е. Покровский. М.: Логос, 2007. 168 с.
18. Menager J. Law fuckers, cultural forgers and the business of youth entitlement in Yangon, Myanmar // South East Asia research. L., 2014. Vol. 22, N 2. P. 201–212.
19. Rich Kids [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/richkidsofinstagram/> (дата обращения: 10.07.2017).
20. Rich Russian Kids [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/richrussiankids/> (дата обращения: 10.07.2017).
21. Rich Kids Of Tehran [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/therichkidsoftehran/> (дата обращения: 10.07.2017).
22. Rich Kids Of China [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/richkidsofchina/> (дата обращения: 10.07.2017).
23. Sabin L. 'Rich Kids of Tehran' are back on Instagram – but this time they've been forced to clean up their act [Электронный ресурс]. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/rich-kids-of-tehran-clean-up-their-online-act-after-iranian-government-pressured-instagram-account-9791049.html> (дата обращения: 17.09.2017).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Burd'e P. Formy kapitala // *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2002. T.3. № 5. S. 60–74.
2. Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa*. M.: Progress, 1984. 369 c.
3. Vnuk oligarkha predlagal prokhozhim vypit' ego mochu za den'gi [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZDuXH2VTE4I> (data obrashheniya: 10.07.2017).
4. Vulf T.YA – SHarlotta Simmons; per. s angl. V. Pravosudova. SPb.: Amfora. TID Amfora, 2006. 1016 c.
5. Gomzikova S. Komu na Rusi zhit' khorosho. Zolotaya molodyozh'. Pochemu sovremennye "mazhory" ne znayut ni gorya, ni zakonov? [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://svpressa.ru/society/article/156553/> (data obrashheniya: 10.07.2017).
6. Deti magnatov ne planiruyut dolguyu kar'eru v biznese [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://iq.hse.ru/news/177664428.html> (data obrashheniya: 10.07.2017).
7. Zvyozdnye deti provodili vnuchku Lebedeva v poslednij put' [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.dni.ru/showbiz/2016/11/30/354886.html> (data obrashheniya: 10.07.2017).
8. Issledovanie pokazalo, chto 80% "zolotoj molodyozhi" iz Syangana i materikovogo Kitaya ne khotyat prodolzhat' delo roditelej [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/8176729.html> (data obrashheniya: 10.07.2017).
9. Makarova E. Avstrijskaya stolichnaya molodyozh' [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://focus-austria.ru/otdyih/kultura-y-mentalytet/avstryjskaya-stolichnaya-molodezh.html> (data obrashheniya: 10.07.2017).
10. 2016.01.022. Menazhe ZH. Plyuyushhaya na zakon, sozdayushhaya kul'turu i zanimayushhayasya biznesom molodyozh' YAngona, M'yanma // *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9: Vostokovedenie i afrikanistika. Referativnyj zhurnal*. 2016. № 1. S.95–98.
11. Nasledniki nasledili v SHvejsarii [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1279950> (data obrashheniya: 10.07.2017).
12. Nemnogo o zolotoj molodyozhi [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://travel1980.livejournal.com/38847.html> (data obrashheniya: 10.07.2017).
13. Orekh E.A. "Malen'kie vzroslye": izuchenie fotoobrazov detej sovremennoj rossijskoj ehliny // *ZHurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii*. 2015. T. XVIII. № 4 (81). S. 53–64.
14. Petrov V.E. YUvenal'naya ehliologiya i metodologiya issledovaniya "zolotoj molodyozhi" // *Politika i Obshchestvo*. 2016. № 10. S. 1440–1449. DOI: 10.7256/1812-8696.2016.10.20132.
15. Ceks, trava i klassovaya nenavist' v Oksforde [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.gq.ru/magazine/featured/19925_seks_trava_i_klassovaya_nenavist_v_oksforde.php (data obrashheniya: 10.07.2017).
16. Titova L. Kak zazhigaet "zolotaya molodyozh'" Podnebesnoj [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://laowai.ru/kak-zazhigaet-zolotaya-molodezh-podnebesnoj/> (data obrashheniya: 10.07.2017).
17. SHtompka P. Vizual'naya sotsiologiya. Fotografiya kak metod issledovaniya: per. s pol'sk. N.V. Morozovoj, avt. vstup. st. N.E. Pokrovskij. M.: Logos, 2007. 168 s.
18. Menager J. Law fuckers, cultural forgers and the business of youth entitlement in Yangon, Myanmar // *South East Asia research*. L., 2014. Vol. 22, N 2. P. 201–212.
19. Rich Kids [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.instagram.com/richkidsofinstagram/> (data obrashheniya: 10.07.2017).
20. Rich Russian Kids [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.instagram.com/richrussiankids/> (data obrashheniya: 10.07.2017).
21. Rich Kids Of Tehran [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.instagram.com/therichkidsoftehran/> (data obrashheniya: 10.07.2017).
22. Rich Kids Of China [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.instagram.com/richkidsofchina/> (data obrashheniya: 10.07.2017).
23. Sabin L. 'Rich Kids of Tehran' are back on Instagram – but this time they've been forced to clean up their act [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/rich-kids-of-tehran-clean-up-their-online-act-after-iranian-government-pressured-instagram-account-9791049.html> (data obrashheniya: 17.09.2017).

Петров В.Е. "Золотая молодёжь" стран Запада, России и Востока: опыт сравнительной ювенальной элитологии.

Статья посвящена феномену "золотой молодёжи" и её отдельным национальным сообществам (стран Запада, Среднего Востока, Китая, Юго-Восточной Азии и России) с целью их сравнительного анализа. Результатом и новизной исследования является вывод, что в отношении различных национальных сообществ "золотой молодёжи" современного мира характерны как общие, универсальные, так и особенные, национальные и региональные отличительные черты, а также предположение о стремлении "золотой молодёжи" восточных и российского сообществ к захвату и освоению культурного пространства, вхождению в состав национальной и мировой культурной элиты.

Ключевые слова: элитология, ювенальная элитология, сравнительная ювенальная элитология, золотая молодёжь, золотая молодёжь стран Запада, золотая молодёжь стран Востока, золотая молодёжь России, золотая молодёжь Китая, золотая молодёжь Ирана, праздность

Petrov V.E. "Golden Youth" of the countries of the West, Russia and the East: experience of comparative juvenile elitology.

The article is devoted to the phenomenon of "golden youth" and its individual national communities (the countries of the West, the Middle East, China, Southeast Asia and Russia), with a view to their comparative analysis. The result and novelty of the study is the conclusion that different national communities of the "golden youth" of the modern world are characterized by common, universal, and special, national and regional distinctive features, as well as the assumption that the "golden youth" of the eastern and russian communities are seeking to seize and the development of cultural space, entry into the national and world cultural elite.

Key words: elitology (elite studies), juvenile elitology (studies elite youth), comparative juvenile elitology, golden youth ("rich kids", Jet set), golden youth of the West, golden youth of the East, golden youth of Russia, golden youth of China, golden youth of Iran, idleness

Для цитирования: Петров В.Е. "Золотая молодёжь" стран Запада, России и Востока: опыт сравнительной ювенальной элитологии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 3. С. 121–130. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/121-130

For citation: Petrov V.E. "Golden Youth" of the countries of the West, Russia and the East: experience of comparative juvenile elitology // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 3. P. 121–130. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/121-130

УДК 91:378.4

Погорелов А.Р.

Университетская география на Дальнем Востоке России (Дальневосточный университет)

Последние годы ознаменовались важнейшими событиями для развития отечественного географического образования и науки. Осенью 2016 г. при непосредственном участии Русского географического общества принята и реализована Концепция развития географического образования в РФ, в которой постулируется, что "качественная система географического образования и просвещения необходима любому государству, стремящемуся к интенсивному развитию национальной науки, культуры, экономики и к достойной роли в мировой политике и экономике". Принятие концепции связано с обеспокоенностью политического и экспертного сообщества проблемой снижения качества географических и экологических знаний среди населения. Кроме этого, в августе 2016 г. на 33-м Международном географическом конгрессе в г. Пекине одобрена Международная Хартия географического образования, которая призвана способствовать получению всеми людьми качественного и содержательного географического образования, помогая преподавателям географии бороться с географической безграмотностью.

Современное географическое образование тесно связано с проблемами экологического развития, что обусловлено междисциплинарностью экологии, вобравшей в себя знания географии и ряда других естественных наук. В целях привлечения внимания общества к проблемам экологического развития РФ, сохранения биоразнообразия и обеспечения экологической безопасности 2017 г. был объявлен Годом экологии. Также в честь столетия создания первого в нашей стране Баргузинского государственного природного заповедника 2017 г. был объявлен Годом особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Проведение большинства мероприятий в рамках тематического года возлагалось на общественные, научные, образовательные и административно-управленческие организации географического профиля. Происходит постоянное усиление внимания к географии – одной из древнейших наук, интегрирующей знания о природе, хозяйстве и населении нашей планеты. На современном этапе развития общества географическое высшее образование не теряет своей актуальности. Географы вносят неоценимый вклад в решение практических проблем пространственной организации, территориального развития, охраны окружающей среды, улучшения социально-экономической ситуации в различных странах мира и их отдельных регионах. Таким образом, задачи университетской географии в мире и России связаны с подготовкой квалифицированных кадров, географическим просвещением, проведением различных научных проектов.

Российская университетская география, ведущая свою историю с XIX в. (когда были созданы первые географические кафедры), значительно отличается от зарубежных моделей [22]. В нашей стране насчитывается 33 географических факультета, при этом в 2018 г. подготовка бакалавров по направлению "География" ведётся в 64 вузах, а магистров – в 30 [11]. Более подробно современное состояние университетской географии в России проанализировано в соответствующих работах [1, 2, 20, 22]. В то же время до сих пор слабо освещена тема исторического развития и современного состояния университетской географии на Дальнем Востоке России, основной и крупнейший центр которой сосредоточен во Владивостоке в Дальневосточном университе-

те. Отдельные материалы по истории географического высшего образования и географических исследований Дальневосточного университета встречаются в ряде тематических публикаций [3, 5–7, 12, 14–16, 19]. Настоящая статья призвана обобщить результаты многолетнего существования университетской географии в Дальневосточном университете и представить актуальные сведения о её современном состоянии и перспективах дальнейшего развития. Это определило цель статьи: показать особенности становления и развития университетской географии на российском Дальнем Востоке. Новизна представленной информации заключается в выделении этапов развития дальневосточной университетской географии. Актуальность статьи заключается в анализе сложностей, недостатков становления, реформирования и реорганизаций высшего образования, что позволит в дальнейшем менее болезненно проходить кризисные периоды.

Полноценное высшее географическое образование на Дальнем Востоке России ведёт свою историю с начала второй половины XX в. В 1964 г. во Владивостоке в Дальневосточном государственном университете (ДВГУ) организован геофизический факультет (с географическим отделением) путём объединения кафедр физической географии, гидрологии суши, метеорологии и физики моря, ранее входивших в состав физико-математического факультета. Ранее до 1963 г. в ДВГУ существовало заочное отделение по подготовке учителей географии. Таким образом, в Дальневосточном регионе России "отцом" классического географического образования является Дальневосточный университет. Важно то, что географическая высшая школа на протяжении всей своей жизни обладает региональной спецификой, которая выражается в прямой ориентации географических исследований на Дальний Восток России и Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), а также в подготовке высококвалифицированных кадров – исследователей этого уникального региона России и мира.

Российский Дальний Восток, Приморский край – интереснейшие объекты для географических исследований. Здесь представлены уникальные природные ландшафты и экосистемы, крупные реки, моря, а также замечательная история хозяйственного освоения территории российскими переселенцами. С Приморским краем неразрывно связаны имена многих путешественников и краеведов, среди них В.К. Арсеньев, П.Ф. Пржевальский, В.Л. Комаров и другие деятели. Они внесли значительный вклад в географическую науку, и, в частности, в географическое изучение юга Дальнего Востока. Уникальное географическое положение Владивостока и Приморья предопределило интерес российских учёных к контактам с исследователями из зарубежных стран (Китая, Японии, Кореи и некоторых других). Изучение географии стран АТР является стратегически важной задачей, что частично реализовывалось в Восточном институте, организованном в 1899 г. Сегодня, помимо Дальневосточного университета, целенаправленными географическими исследованиями во Владивостоке занимаются Тихоокеанский институт географии ДВО РАН (ТИГ ДВО РАН), Общество изучения Амурского края (Приморское региональное отделение РГО). Университет, институт и общество активно взаимодействуют между собой. Тихоокеанский институт географии основан в октябре 1971 г. и с начала основания сотрудничает с университетом.

Значимо то, что в период 1959–1962 гг. ректором ДВГУ был географ, к.г.н. Онуфрий Несторович Андриющенко. Он являлся учеником академика АН СССР Б.Б. Полынова. Именно О.Н. Андриющенко стал инициатором организации в 1959 г. заочного отделения географии, которое позже стало основой для подготовки специалистов-географов.

В 1963 г. в ДВГУ приглашены новые преподаватели, среди них был к.г.н. (вскоре д.г.н.) Василий Иосифович Лымарев, ставший инициатором выделения из физико-математического факультета кафедр физико-географического цикла. Так в сентябре 1964 г. создан геофизический факультет, организатором и деканом которого стал профессор В.И. Лымарев. Согласно Приказу Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР от 21 сентября 1964 г. в ДВГУ утверждена специальность "География" с присвоением квалификации "Физико-географ" [5]. Подготовка новых специалистов велась на географическом отделении геофизического факультета. На факультете

тете готовили не только географов, но и других специалистов географического профиля – метеорологов, гидрологов, океанологов. Профессор В.И. Лымарев проработал в ДВГУ до 1967 г. и за это время внёс значительный вклад в развитие университетской географии. В.И. Лымарев является одним из основоположников географии океана, а также создателем Дальневосточной научной школы комплексного береговедения [9]. Его исследовательская деятельность во многом предопределила будущий потенциал подготовки географов в Дальневосточном университете.

В 1973 г. под руководством члена-корреспондента АН СССР, д.г.н., профессора Андрей Петровича Капицы в ДВГУ создана кафедра геоморфологии и палеогеографии [4], на которой совместными усилиями сотрудников Тихоокеанского института географии ДВНЦ АН СССР и геофизического факультета готовили специалистов для дальневосточной географической науки.

В 1992 г. создана кафедра географии стран Азиатско-Тихоокеанского Региона. Инициатор создания кафедры – д.г.н., профессор Пётр Фёдорович Бровка, который и стал заведующим кафедрой. Профессор П. Ф. Бровка в 2005–2015 гг. являлся председателем Общества изучения Амурского края. Также он научный руководитель Берегового исследовательского центра ДВФУ (ныне лаборатория прибрежно-морского природопользования ШЕН ДВФУ) и член рабочей группы "Морские берега" при комиссии по проблемам Мирового океана РАН. Кафедра географии стран АТР готовила географов с углублённой страноведческой подготовкой (интерес направлен на такие страны, как Китай, Япония, Корея, США, Канада и др.).

В мае 1999 г. на базе геофизического факультета организован Институт окружающей среды ДВГУ (ИОС ДВГУ) с двумя факультетами – географическим и геофизическим. Географический факультет включал в себя четыре кафедры: физической географии; рекреационной географии; географии стран АТР; регионального анализа и устойчивого развития. Геофизический факультет также представлен четырьмя кафедрами: метеорологии, климатологии и охраны атмосферы; гидрологии суши и охраны водных ресурсов; океанологии; геодезии и астрономии. Директором института и деканом географического факультета стал к.г.н., профессор Юрий Борисович Зонов.

В 2000 г., при непосредственном участии как инициатора, академиком РАН, директором ТИГ ДВО РАН, д.г.н., профессором Петром Яковлевичем Баклановым организована кафедра регионального анализа и устойчивого развития. Уникальностью кафедры была подготовка специалистов с двойной специализацией – экономико-географ, экономист. Помимо этого, на кафедре реализовывалась классическая специализация "Экономическая и социальная география". Стоит отметить, что ещё до образования данной кафедры, первым экономико-географическим и социально-географическим научным исследованиям на Дальнем Востоке России положила начало к.г.н., доцент Ида Ильинична Барткова [10].

В 2010 г. ДВГУ реорганизован в Дальневосточный федеральный университет. Позже в 2011 г. к ДВФУ были присоединены Дальневосточный государственный технический университет, Тихоокеанский государственный экономический университет и Уссурийский государственный педагогический институт. Тем самым произошло объединение крупнейших дальневосточных вузов. В ДВФУ утверждена Программа развития до 2019 г., в которой предусмотрена реализация шести приоритетных направлений в рамках университета, среди которых "Ресурсы Мирового океана" и "Взаимодействие России со странами АТР". Логически географическая специальность попадает под эти направления. Новому университету потребовалась новая структура. Так было решено отказаться от традиционных факультетов и институтов, вместо них созданы крупные образовательно-научные подразделения – школы. Всего в ДВФУ существует 9 школ. Институт окружающей среды ДВГУ был реорганизован и вошёл в Школу естественных наук ДВФУ, разделённую на кластеры. В Школе естественных наук создано 5 кластеров, среди которых кластер наук о Земле. Данный кластер включает в себя 3 кафедры: 1) географии и устойчивого развития геосистем; 2) океанологии и гидрометеорологии; 3) геологии и геоинформационных систем. Кафедра географии и устойчивого развития геосистем ДВФУ создана путём объединения всех кафедр географического факультета ИОС ДВГУ. Аналогичным путём создана кафедра океанологии

и гидрометеорологии ДВФУ (в результате объединения трёх кафедр геофизического факультета ИОС ДВГУ). Четвёртая кафедра геодезии и астрономии геофизического факультета ИОС ДВГУ вошла в состав Инженерной школы ДВФУ.

Таким образом, в развитии географического высшего профессионального образования на Дальнем Востоке России, представленного Дальневосточным университетом, можно выделить несколько периодов и этапов. В целом можно выделить три периода с шестью этапами в третьем: I) Общенаучный период (1899–1939); II) Подготовительный период (1940–1963); III) Общегеографический период (1964 – до настоящего времени): 1) первый этап (1964–1971); 2) второй этап (1971–1992); 3) третий этап (1992–1999); 4) четвёртый этап (1999–2010); 5) пятый этап (2011–2014); 6) шестой или современный этап (с 2014).

Выделение соответствующих периодов и этапов осуществлено на основе следующих критериев: 1) формирование полноценных учебных (географических) программ; 2) преподавание всего комплекса географических дисциплин; 3) появление новых учебных дисциплин и разработка учебных программ (например, ГИС-технологии в географии); 4) развитие в области географии университетских научных исследований.

Общенаучный период характеризуется накоплением знаний, опыта, потенциала и предпосылок к созданию полноценного географического образования. Период начинается в 1899 г. – создано первое высшее учебное заведение на Дальнем Востоке России (Восточный институт), где было уделено внимание преподаванию географии дальневосточных стран (профессора Н.В. Кюнер, А.В. Рудаков, А.В. Гребенщиков [13]). Позже в 1920 г. произошло объединение Восточного института с частными учебными заведениями в Государственный Дальневосточный университет (ГДУ), который по политическим причинам был закрыт сначала в 1930 (возобновил свою работу в октябре 1931 [17]), а позже в 1939 г. В 1920-х годах в ГДУ читали лекции – географ А. А. Половинкин, этнограф и путешественник В.К. Арсеньев, также К.А. Гомоюнов преподавал курс "Океанография и лимнология" [12]. В эти годы в университете наметился интерес к организации различных экспедиционных исследований. В 1934 г. университетом был подготовлен проект по открытию новых факультетов, среди них числился географический факультет. Он был открыт 1 сентября 1936 г., но, к сожалению, просуществовал лишь один учебный год (до июля 1937) и был закрыт [12]. Ведущей причиной закрытия стал кадровый дефицит, так деканом и единственным преподавателем факультета был В.А. Лопато.

Подготовительный период характеризуется накоплением опыта и потенциала географических исследований и подготовки педагогических кадров для школы Дальнего Востока страны. В 1940 г. на базе ГДУ организован Владивостокский учительский институт (кафедра ботаники которого выпускала учителей географии и биологии неполных школ вплоть до 1959 г.), в 1943 на его базе создан педагогический институт [17]. Директором института стал В.С. Горелик, который в ДВГУ в конце 1930-х годов читал курс экономики и географии стран Дальнего Востока. В 1945–1946 учебном году открыта кафедра географии и естествознания, которую возглавила Т.Н. Бугримова [12]. В 1956 г. на базе института создан Дальневосточный государственный университет с пятью факультетами. На физико-математическом факультете в 1959 г. были созданы заочное отделение географии (для подготовки учителей географии) и кабинет географии. В 1963 г. был организован первый набор студентов на очное отделение географии.

Общегеографический (основной) период характеризуется формированием в ДВГУ учебных кафедр, где осуществляется полноценный учебный процесс по подготовке географов-исследователей и преподавателей географии. Здесь можно выделить несколько этапов, различающихся между собой особенностью формирования учебных курсов и научно-педагогического коллектива.

Первый этап начинается с 1964 г., когда был создан геофизический факультет, являющийся первоосновой географических и геофизических исследований Приморского края и других дальневосточных регионов. В сентябре этого года кафедрой физической географии начата подготовка специалистов физико-географов. В 1960-е годы в университете появилось новое перспектив-

ное научно-исследовательское географическое направление – морфология и динамика берегов побережий морей Дальнего Востока. Проводилось множество уникальных экспедиционных исследований – на побережье залива Петра Великого профессором В.И. Лымаревым в 1963 г., на Шантарских островах доцентом Е.И. Арчиковым в 1967 г., на восточном побережье полуострова Камчатки Э.А. Кудусовым в 1967 г. [12]. Стоит отметить, что развивались и другие направления, такие как проблемы географии населения и поселений Приморского края, комплексные физико-географические (ландшафтные) исследования. С 1963 г. под руководством доцента И.И. Бартковой проводились исследования по географии населения, экономико-географическому районированию и созданию экономико-географических карт, разрабатывались экономико-географические комплексные характеристики для различных административных районов. Была разработана типология городских и сельских поселений, проведено сравнительное изучение географических закономерностей и особенностей расселения в притихоокеанских азиатских и северо-американских районах.

Второй этап начинается в 1971 г., когда был создан Тихоокеанский институт географии ДВНЦ АН СССР как новый центр комплексных географических исследований на Дальнем Востоке. Научные сотрудники Тихоокеанского института географии начали активно включаться в преподавательскую деятельность на геофизическом факультете ДВГУ. Тем самым для геофизического факультета положен новый приоритет – подготовка квалифицированных специалистов не только для педагогической или производственной, но и для научной-исследовательской деятельности. Особый толчок в развитии географического образования был положен в 1973 г., когда по инициативе члена-корреспондента АН СССР А. П. Капицы с помощью учёных Тихоокеанского института географии была создана кафедра геоморфологии и палеогеографии. В этом же году заведующим кафедрой физической географии Георгием Михайловичем Томиловым была организована проблемная лаборатория шельфа дальневосточных морей, которая координировала исследования по программе "Океан". Одной из предпосылок к созданию лаборатории стало активное развитие со стороны университета комплексного исследовательского направления "Научные основы изучения и использования природных ресурсов Тихого океана в Дальневосточном регионе". В лаборатории были осуществлены различные исследования – комплексное геолого-географическое районирование верхней части шельфа острова Сахалин, биолого-географическое изучение верхней части шельфа южного Приморья (в палеозое и кайнозое), детальное картографирование грунтов залива Петра Великого с целью оценки территории и выбора участков для разведения марикультуры, составление схематических геоморфологических и морфодинамических карт сахалинского побережья [12]. В 1975 г. лабораторию и кафедру физической географии возглавил д.г.-м.н., профессор Будимир Владимирович Поярков. В 1970-е здесь же работали известные учёные и преподаватели д.г.н. Евгений Васильевич Краснов и к.г.н. Емельян Иванович Арчиков.

Третий этап связан с кризисными явлениями в географическом образовании, главной причиной которых были коренные социально-экономические реформы, проводимые в стране после распада СССР в 1991 г. Для образовательных и научных учреждений начались "трудные" времена, которые связаны, прежде всего, со сменой приоритетов в государственном управлении в стране. Появился большой спрос на юристов, экономистов, менеджеров, бухгалтеров. Научная и педагогическая деятельность перестала быть привлекательной для молодёжи. Несмотря на это, многие научные и образовательные учреждения не остановились в своём развитии. В то же время, появилась возможность для проявления инициативы в установлении экономических и научных отношений между жителями соседних стран. Для этого понадобились специалисты, знакомые с географией, экономикой, демографией, культурой стран Юго-Восточной Азии и АТР. В 1992 г. в ДВГУ создана новая кафедра географии стран АТР. Важно отметить, что не останавливается работа учебно-научного процесса в традиционно сформированном береговедческом направлении. В 1990-е годы Береговой исследовательский центр (д.г.н. П.Ф. Бровка, к.г.н. В.С. Петренко, к.г.н. Ю.А. Микишин, к.г.н. Ю.К. Ивашинников и др.) совместно с кафедрой разрабатывали научное направление "Комплексные ге-

ографические исследования приморских регионов", которое подразделялось на отдельные темы: "Комплексное исследование береговой зоны океана для целей управления (береговой менеджмент)", "Исследование природно-ресурсного потенциала Дальнего Востока и стран Восточной Азии", "Исследование систем прибрежного расселения", "Экологическая безопасность берегов дальневосточных морей", "Эволюция морских берегов Дальнего Востока в условиях повышения уровня океана", "Региональный компонент в географическом образовании" [8]. К 1996 г. кафедра физической географии приняла участие в межвузовской программе "Дальний Восток", а также выполняла тему "Изучение ландшафтов как научной основы рационального природопользования" (к.г.н. Ю.Б. Зонов, Н.Н. Кононова, Г.А. Какорина, Т.Ф. Воробьёва). В это время кафедрами географического отделения опубликованы учебные пособия "География стран АТР" (1994), "Физическая география Приморского края" (1997), "Основы береговедения" (1997) и другие работы.

Четвёртый этап характеризуется дальнейшим расширением возможностей развития высшего географического образования, что связано с созданием в мае 1999 г. Института окружающей среды ДВГУ (в который вошёл географический факультет, с Береговым исследовательским центром и учебно-научным центром эколого-географических проблем регионального развития). В 2000 г. совместно с ТИГ ДВО РАН создана новая кафедра регионального анализа и устойчивого развития, которая позиционировала себя как научно-производственное отделение [15]. В 2001 г. группа преподавателей ДВГУ и научных сотрудников ТИГ ДВО РАН стала лауреатом премии Правительства РФ в области образования за серию учебных пособий по географии Приморского края. Также в 2001 г. профессор П.Ф. Бровка стал инициатором подготовки географов в филиале ДВФУ в г. Арсеньеве, которая осуществлялась вплоть до 2012 г.

Также важно отметить, что начиная с 1990-х гг., в рамках географического образования стал проявляться интерес к туризму [18], так была организована новая специализация "Рекреационная география". В 1999 г. создана кафедра рекреационной географии, которую возглавил опытный географ, к.г.н., доцент А.М. Сазыкин. На кафедре в разное время работали к.г.н., доцент Е.Н. Рябинин, доцент Н.Н. Кононова и другие.

Пятый этап характеризуется, прежде всего, масштабной реорганизацией, что связано с созданием в 2011 г. кафедры географии и устойчивого развития геосистем ДВФУ путём объединения всех кафедр географического факультета ИОС ДВГУ. Возглавил кафедру академик РАН П.Я. Бакланов. Кафедра выпускает бакалавров и магистров географии, ведёт подготовку аспирантов. Общее количество обучающихся на программах бакалавриата, магистратуры и аспирантуры составляет порядка 150 человек. Бакалавриат до 2017 г. был представлен тремя профилями – "Физическая география и ландшафтоведение", "Экономическая и социальная география" и "Рекреационная география и туризм", по которым до сих пор сохраняется специализация научно-исследовательской работы студентов. С 2017 г. реализуется единый профиль "Общая география". Магистратура представлена одной магистерской программой – "Природопользование и охрана природы". Аспирантура функционирует по специальностям "Физическая география, биогеография, география почв и геохимия ландшафтов", "Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география" и "Геоморфология и эволюционная география", на которые ежегодно успешно поступают новые аспиранты. Этап во многом реформаторский, поскольку, некоторые перемены в образовательном процессе протекают "болезненно", прежде всего, из-за трансформации устоявшейся и традиционной структуры учебного процесса.

Последний *шестой (или современный) этап* связан с переездом в июне-августе 2014 г. кафедры географии и устойчивого развития геосистем ДВФУ в кампус университета на остров Русский. В общем развитии данный этап продолжает предыдущий. При переезде университета научно-педагогический состав различных подразделений выражал обеспокоенность по поводу будущего развития вуза. Возможно, кафедре географии и устойчивого развития геосистем не придётся столкнуться с проблемой "оставшейся (или потерянной) истории", а наоборот будет продолжено развитие традиционных направлений, но уже в новых условиях.

Современное состояние университетской географии в Дальневосточном университете имеет некоторые отличительные особенности. Профессорско-преподавательский состав кафедры полностью представлен выпускниками Дальневосточного государственного (федерального) университета (за исключением академика РАН П.Я. Бакланова, который закончил МГУ имени М.В. Ломоносова и профессора В.Т. Старожилова, окончившего ДВПИ), большинство которых являются "выходцами" географической высшей школы. Путём обзора основных научных работ сотрудников можно выделить научно-исследовательские направления кафедры. В основном они представлены точечными (во многом индивидуальными) исследованиями. Изучение ландшафтов Дальнего Востока (д.г.н. В.Т. Старожилов, к.г.н. Ю.Б. Зонов, к.г.н. А.Г. Дряхлов, Т.Ф. Воробьёва), геодемографические и региональные социально-экономические исследования (к.г.н. Л.И. Рябинина), рекреационная география и география туризма (к.г.н. А.М. Сазыкин, к.г.н. А.А. Глушко, к.г.н. А.В. Широкова), экология и медицинская география (к.б.н. Г.И. Пономарчук), пейзажное ландшафтоведение (О.В. Левченко), устойчивое развитие городских систем (О.А. Андропова). Существует традиционное объединённое направление, связанное с береговедением и прибрежно-морским природопользованием (д.г.н. П.Ф. Бровка, к.г.н. В.С. Петренко, А.В. Малюгин). Все они продолжают ранее положенные и постепенно сформировавшиеся (за прошедшие этапы) образовательные и научные традиции, при этом существует развитие новых научных направлений. Несмотря на точечное развитие научных идей на кафедре, между ними существует изначально положенная и развитая региональная (приуроченная к географическому положению) специфика исследований, направленная на общий объект исследования. Также при кафедре работают научно-исследовательские подразделения: лаборатория прибрежно-морского природопользования и лаборатория ГИС-технологий и картографии. Сотрудники участвуют в проектах по грантам РФФИ, РГФФИ, РГО, Президиума ДВО РАН.

В декабре 2016 г. при кафедре географии и устойчивого развития геосистем Школы естественных наук ДВФУ создан Тихоокеанский международный ландшафтный центр с целью внедрения ландшафтного подхода в обеспечение экологической безопасности и устойчивого развития Тихоокеанской России [21]. Руководителем нового научно-образовательного центра утверждён д.г.н., профессор В.Т. Старожилов. В рамках центра разрабатываются ландшафтные основы природопользования и землепользования, проводится векторно-слоевое картографирование природных геосистем и ландшафтная индикация территорий.

Организованная на базе Берегового исследовательского центра ДВФУ лаборатория прибрежно-морского природопользования под руководством П.Ф. Бровка активно включена в научную жизнь университета и обеспечивает функционирование магистерской программы "Природопользование и охрана природы". Сотрудниками лаборатории выполняются научно-практические обоснования развития береговой зоны (проекты по берегоукреплению, берегозащите, комплексному управлению прибрежными зонами и пр.), разрабатываются специализированные рекреационные карты и схемы для использования в туристской деятельности. В 2017 г. совместно с коллегами из Москвы, Санкт-Петербурга, Калининграда и Геленджика опубликована коллективная монография "The Diversity of Russian Estuaries and Lagoons Exposed to Human Influence" в известном зарубежном издательстве "Springer". Составленный географами ДВФУ раздел по лагунам и эстуариям морей Дальневосточного региона основывается на многолетних экспедиционных материалах.

Кафедра активно продолжает сотрудничество с ТИГ ДВО РАН. Его некоторые сотрудники преподают на кафедре географии и устойчивого развития геосистем, среди них академик РАН Пётр Яковлевич Бакланов, д.г.н. Анатолий Владимирович Мошков, д.г.н. Сергей Михайлович Говорушко, к.г.н. Анатолий Николаевич Качур, к.г.н. Василий Валерьевич Жариков и др. Также в различные периоды на кафедре преподавали ранее работавшие в Институте учёные, например, член-корреспондент АН СССР, д.г.-м.н. Глеб Иванович Худяков, д.г.-м.н., профессор Будимир Владимирович Поярков, д.г.н., профессор Алексей Михайлович Короткий, д.г.н., профессор Борис Иванович Втюрин, д.г.н., профессор Вера Васильевна Никольская, д.г.-м.н., профессор Борис Вла-

димирович Преображенский, д.г.н. Алексей Петрович Кулаков, к.г.н. Иван Иванович Крылов и др., а также сотрудники иных институтов ДВО РАН, например, Дальневосточного геологического института (к.г.-м.н. Борис Леонидович Залищак).

Региональная специфика присутствует не только в научно-исследовательских работах сотрудников, студентов и аспирантов, но и в образовательном процессе. Ярким примером служит множество дисциплин, направленных на изучение Дальнего Востока России ("География Дальнего Востока", "Охрана природы и экологические проблемы Дальнего Востока", "Рекреационные ресурсы Приморского края" и пр.) и стран АТР ("Туризм в АТР", "География и экономика туризма Китая", "Свободные экономические зоны АТР", "Территориальная организация населения стран АТР" и пр.). Дисциплины "География океана" и "Океаническое природопользование", вполне можно приурочить к региональной специфике исследований кафедры, так как Владивосток расположен на побережье Тихого океана. Географическое положение образовательно-исследовательского центра является одной из причин, определивших становление в Дальневосточном университете научных исследований, направленных на изучение формирования, развития и использования берегов. Они также отражаются в учебном процессе через следующие дисциплины – "Береговедение", "Комплексное управление прибрежными зонами", "Прибрежно-морское природопользование" и другие. Традиционным для кафедры осталась усиленная подготовка студентов по математике, физике и химии для успешного освоения последующих профильных дисциплин ("Топография", "Картография", "Геофизика ландшафта", "Геохимия ландшафта" и пр.). Также уделено внимание эколого-географическому циклу в структуре учебного процесса (дисциплины "Экология", "Геоэкология", "Экологическое проектирование и экспертиза", "Эколого-географическое образование" и др.).

Кафедра географии и устойчивого развития геосистем ДВФУ активно сотрудничает не только с научными, но и общественными организациями. Наиболее плодотворное сотрудничество осуществляется с Русским географическим обществом и его Приморским региональным отделением – Обществом изучения Амурского края (ОИАК). Многие преподаватели и даже отдельные студенты – действительные члены РГО. Заведующий кафедрой, академик РАН П.Я. Бакланов является вице-президентом РГО, членом учёного совета и сопредседателем комиссии по пространственной организации и территориальному планированию Общества. Доцент А.М. Сазыкин активно участвует в работе Комиссии по развитию туризма РГО. Профессор П.Ф. Бровка как председатель секции береговедения ОИАК регулярно проводит научно-популярные лекции, знакомит студентов с географией Приморья и других дальневосточных регионов. В 2015 г. на базе кафедры организована масштабная образовательная акция – Первый Всероссийский географический диктант (координатор – доцент Л.И. Рябинина). В 2016–2017 гг., несмотря на расширение площадок Географического диктанта, кафедра остаётся главной площадкой акции в Приморском крае. В последние годы наиболее успешные студенты и аспиранты принимают участие в Международной научно-практической летней школе РГО, участвуют в различных стипендиальных и грантовых программах. В 2018 г. в рамках гранта РГО планируется издать монографию "География России. Ч. 1. Дальний Восток", в составлении которой участвовали академик П. Я. Бакланов (руководитель проекта) и профессор П.Ф. Бровка. Отдельные преподаватели (П.Я. Бакланов, Л.И. Рябинина, А.М. Сазыкин, А.А. Глушко) участвуют в работе Дальневосточного отделения Ассоциации российских географов-обществоведов.

Намечены перспективные задачи развития университетской географии в ДВФУ. Так в перспективе на базе кафедры географии и устойчивого развития геосистем Школы естественных наук ДВФУ планируется открытие новых лабораторий рекреационного природопользования, геоботанических и геофизических исследований. При реализации научных проектов будут сформированы "творческие коллективы" (совместно с ТИГ ДВО РАН): профессор – доцент – научный сотрудник – постдок – аспирант – студент. Планируется увеличение контрольных цифр приёма на бюджетные места по программам бакалавриата и магистратуры по направлению "География". Например, в 2018 г. в магистратуру уже увеличено количество бюджетных мест

до 20 (2016 г. – 10, 2017 г. – 18). Планируется открытие новых магистерских программ в области территориального и ландшафтного планирования, которые отвечают современным требованиям стратегического и регионального развития Дальнего Востока. Ежегодный набор бакалавров по направлению "География" составляет 30 человек, вовлечённых в том числе на ступенях довузовского образования – в рамках Школы юного географа ДВФУ, неизменным руководителем которой является доцент Л.И. Рябинина. Кроме этого, сотрудниками кафедры подготовлен новый учебник по географии Приморского края.

Важно отметить, что не только ДВФУ на Дальнем Востоке России развивает высшее географическое образование. До недавнего времени в Сахалинском государственном университете (Южно-Сахалинск) существовала отдельная кафедра географии (в 2017 г. вошла в состав новой кафедры экологии, географии и природных ресурсов), где осуществлялась подготовка географов по профилю "Рекреационная география и туризм" с ориентацией учебного процесса на географию Сахалинской области (в 2018 г. приём на направление подготовки "География" прекращён). До 2015 г. по такому же профилю велась подготовка географов в Амурском гуманитарно-педагогическом государственном университете (Комсомольск-на-Амуре). В 2016 г. в Приамурском государственном университете имени Шолом-Алейхема (Биробиджан) остановлена подготовка магистров по программе "Экономическая, социальная и политическая география" (на базе бывшей кафедры географии). В Камчатском государственном университете имени Витуса Беринга (Петропавловск-Камчатский) функционирует кафедра географии, геологии и геофизики, которая готовит геологов и геофизиков, подготовка географов никогда не осуществлялась. Амурский государственный университет (Благовещенск) представлен кафедрой географии, где аналогично предыдущему вузу, подготовка географов не ведётся. Примечателен факт, что в Хабаровске – одном из крупнейших городов российского Дальнего Востока, подготовка географов никогда не велась.

Говоря о Дальневосточном федеральном округе, важно учитывать ещё один крупный университет – Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова (Якутск). В его составе функционирует кафедра географии, которая реализует программы бакалавриата и магистратуры по направлению "География" с собственной региональной спецификой (изучение географии Якутии и многолетней мерзлоты). Развитие научно-образовательного комплекса в Якутске (федеральный университет, республиканская Академия наук) направлено на развитие научно-технического потенциала Республики Якутии (Саха).

Все сказанное позволяет сделать следующие выводы:

1) Географическая высшая школа Дальневосточного университета, представленная кафедрой географии и устойчивого развития геосистем, является старейшим и остаётся до сих пор крупным научно-образовательным центром в области классического географического образования (с выраженной региональной спецификой) на российском Дальнем Востоке.

2) Это школа стала фундаментальной базой в изучении природных и экономико-географических особенностей Дальневосточного региона и его сопредельных территорий.

3) Современная дальневосточная университетская география нуждается не только в поддержке, но и в расширении сферы исследований, исходя из того, что развитию восточных регионов и районов России со стороны федеральных органов власти предаётся всё большее значение.

4) Региональная специфика, направленная на Дальний Восток России и страны АТР, оказала влияние на формирование отличительной и уникальной структуры образовательного и научно-исследовательского процесса. Накопленный опыт высшего географического образования (в Дальневосточном университете) будет определять его развитие и в дальнейшем.

Литература

1. Алексеева Н.Н., Климанова О.А., Наумов А.С. Географическое образование в университетах стран Европы и в России // География в школе. 2015. № 10. С. 39–46.
2. Алексеева Н.Н., Климанова О.А., Наумов А.С. Сравнительный анализ высшего географического и эколого-географического образования в России и странах Зарубежной Европы // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2015. № 1. С. 3–11.
3. Бакланов П.Я., Рябинина Л.И. Кафедра регионального анализа и устойчивого развития // Гидрометеорологические и географические исследования на Дальнем Востоке: Материалы V юбилейной научной конференции. К Всемирным дням Воды и Земли. Владивосток: ДВГУ, 2004. С. 153–154.
4. Бакланов П.Я., Качур А.Н., Ермошин В.В., Степанов А.А. К 40-летию ТИГ ДВО РАН // Вестник ДВО РАН. 2011. № 2. С. 3–17.
5. Барткова И.И. Географическое образование в Приморье. Владивосток: ДВГУ, 1988. 68 с.
6. Бровко П.Ф. Географическое образование во Владивостоке // Записки ОИАК. Т. XXXIV. Владивосток: ОИАК, 2000. С. 56–60.
7. Бровко П.Ф. Кафедра географии стран АТР: географические исследования приморских регионов // Гидрометеорологические и географические исследования на Дальнем Востоке: Материалы V юбилейной научной конференции. К Всемирным дням Воды и Земли. Владивосток: ДВГУ, 2004. С. 154–156.
8. Бровко П.Ф., Микишин Ю.А., Петренко В.С. Исследования берегов дальневосточных морей // Гидрометеорологические и географические исследования на Дальнем Востоке: Материалы V научной конференции. Владивосток: ДВГУ, 2004. С. 150–152.
9. Бровко П.Ф., Петренко В.С., Микишин Ю.А. Научная школа комплексного береговедения ДВГУ (становление и развитие) // Вопросы гидрометеорологии и географии Дальнего Востока: Материалы IV региональной научно-практической конференции. Владивосток: ДВГУ, 2003. С. 80–82.
10. Географические исследования на Дальнем Востоке. Итоги и перспективы. К 30-летию Тихоокеанского института географии ДВО РАН / Отв. ред. Бакланов П.Я. Владивосток: Дальнаука, 2001. 184 с.
11. Группа направлений подготовки и специальностей (ФГОС): Естественные науки // Федеральный портал "Российское образование" [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edu.ru/vuz/speciality/fgos-02/estestvennyye-nauki> (дата обращения: 19.04.2017).
12. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999 / Гл. ред. Курилов В.И. Владивосток: ДВГУ, 1999. 704 с.
13. Дударенок С.М., Ермакова Э.В., Поправко Е.А., Капран И.К., Ковалева З.А., Плохих С.В. Профессора Дальневосточного государственного университета. История и современность. 1899–2008. Владивосток: ДВГУ, 2009. 584 с.
14. Зонов, Ю.Б. Географическое образование и научные исследования географов ДВГУ // Гидрометеорологические и географические исследования на Дальнем Востоке: Материалы V научной конференции. Владивосток: ДВГУ, 2004. С. 148–150.
15. Институт окружающей среды ДВГУ // Дальневосточный университет. 2007. № 6. С. 8–9.
16. История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах 1899–1939 / отв. ред. В.И. Курилов. – Владивосток: изд-во ДВГУ, 1999. 626 с.
17. Макаренко, В.Г. Новые возможности высшего образования на Дальнем Востоке России: от Восточного института к Дальневосточному федеральному университету / Макаренко В.Г. // Известия Восточного института. 2014. № 1 (23). С. 9–15.
18. Опыт подготовки специалистов для природного туризма на географическом факультете ДВГУ // Официальный сайт Администрации города Владивостока [Электронный ресурс]. URL: <http://old.vlc.ru/inter/ru/events/tourism/doclady/Ryabinin.htm> (дата обращения: 27.11.2016).
19. Сазыкин А.М. Кафедра рекреационной географии // Гидрометеорологические и географические исследования на Дальнем Востоке: Материалы V юбилейной научной конференции. К Всемирным дням Воды и Земли. Владивосток: ДВГУ, 2004. С. 156–159.
20. Социально-экономическая география в России / Колл. авторов; Отв. ред. П.Я. Бакланов, В.Е. Шувалов. – Владивосток: Дальнаука, 2016. – 326 с.
21. Старожилов В.Т. Ландшафтный прорыв в освоении Тихоокеанской России – первый международный Тихоокеанский ландшафтный центр в ДВФУ // Власть книги: библиотека, издательство, вуз. Вып. 17. Владивосток: ДВФУ, 2017. С. 1–4.
22. Университетская география в современном мире / Колл. авторов; под ред. А.С. Наумова. М.: изд-во "Буки Веди", 2016. 282 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Alekseeva N.N., Klimanova O.A., Naumov A.S. Geograficheskoe obrazovanie v universitetakh stran Evropy i v Rossii // *Geografiya v shkole*. 2015. № 10. S. 39–46.
2. Alekseeva N.N., Klimanova O.A., Naumov A.S. Sravnitel'nyj analiz vysshego geograficheskogo i ehkologo-geograficheskogo obrazovaniya v Rossii i stranakh Zarubezhnoj Evropy // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya*. 2015. № 1. S. 3–11.
3. Baklanov P.YA., Ryabinina L.I. Kafedra regional'nogo analiza i ustojchivogo razvitiya // *Gidrometeorologicheskie i geograficheskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke: Materialy V yubilejnoj nauchnoj konferentsii. K Vsemirnym dnyam Vody i Zemli*. Vladivostok: DVGU, 2004. S. 153–154.
4. Baklanov P.YA., Kachur A.N., Ermoshin V.V., Stepan'ko A.A. K 40-letiyu TIG DVO RAN // *Vestnik DVO RAN*. 2011. № 2. S. 3–17.
5. Bartkova I.I. Geograficheskoe obrazovanie v Primor'e. Vladivostok: DVGU, 1988. 68 s.
6. Brovko P.F. Geograficheskoe obrazovanie vo Vladivostoke // *Zapiski OIAK. T. XXXIV*. Vladivostok: OIAK, 2000. S. 56–60.
7. Brovko P.F. Kafedra geografii stran ATR: geograficheskie issledovaniya primorskih regionov // *Gidrometeorologicheskie i geograficheskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke: Materialy V yubilejnoj nauchnoj konferentsii. K Vsemirnym dnyam Vody i Zemli*. Vladivostok: DVGU, 2004. S. 154–156.
8. Brovko P.F., Mikishin YU.A., Petrenko V.S. Issledovaniya beregov dal'nevostochnykh morej // *Gidrometeorologicheskie i geograficheskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke: Materialy V nauchnoj konferentsii*. Vladivostok: DVGU, 2004. S. 150–152.
9. Brovko P.F., Petrenko V.S., Mikishin YU.A. Nauchnaya shkola kompleksnogo beregovedeniya DVGU (stanovlenie i razvitie) // *Voprosy gidrometeorologii i geografii Dal'nego Vostoka: Materialy IV regional'noj nauchno-prakticheskaya konferentsii*. Vladivostok: DVGU, 2003. S. 80–82.
10. Geograficheskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke. Itogi i perspektivy. K 30-letiyu Tikhookeanskogo instituta geografii DVO RAN / *Otv. red. Baklanov P.YA.* Vladivostok: Dal'nauka, 2001. 184 s.
11. Gruppa napravlenij podgotovki i spetsial'nostej (FGOS): Estestvennye nauki // *Federal'nyj portal "Rossijskoe obrazovanie"* [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.edu.ru/vuz/speciality/fgos-02/estestvennye-nauki> (data obrashheniya: 19.04.2017).
12. Dal'nevostochnyj gosudarstvennyj universitet. *Istoriya i sovremennost'*. 1899–1999 / *Gl. red. Kurilov V.I.* Vladivostok: DVGU, 1999. 704 s.
13. Dudarenok S.M., Ermakova E.H.V., Popravko E.A., Kapran I.K., Kovaleva Z.A., Plokhikh S.V. Professora Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta. *Istoriya i sovremennost'*. 1899–2008. Vladivostok: DVGU, 2009. 584 s.
14. Zonov, YU.B. Geograficheskoe obrazovanie i nauchnye issledovaniya geografov DVGU // *Gidrometeorologicheskie i geograficheskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke: Materialy V nauchnoj konferentsii*. Vladivostok: DVGU, 2004. S. 148–150.
15. Institut okruzhayushhej sredy DVGU // *Dal'nevostochnyj universitet*. 2007. № 6. S. 8–9.
16. *Istoriya Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta v dokumentakh i materialakh 1899-1939 / otv. red. V.I. Kurilov.* – Vladivostok: izd-vo DVGU, 1999. 626 s.
17. Makarenko, V.G. *Novye vozmozhnosti vysshego obrazovaniya na Dal'nem Vostoke Rossii: ot Vostochnogo instituta k Dal'nevostochnomu federal'nomu universitetu / Makarenko V.G.* // *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 2014. № 1 (23). S. 9–15.
18. *Opyt podgotovki spetsialistov dlya prirodnogo turizma na geograficheskom fakul'tete DVGU // Ofitsial'nyj sayt Administratsii goroda Vladivostoka* [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://old.vlc.ru/inter/ru/events/tourism/doclady/Ryabinin.htm> (data obrashheniya: 27.11.2016).
19. Sazykin A.M. Kafedra rekreatsionnoj geografii // *Gidrometeorologicheskie i geograficheskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke: Materialy V yubilejnoj nauchnoj konferentsii. K Vsemirnym dnyam Vody i Zemli*. Vladivostok: DVGU, 2004. S. 156–159.
20. *Sotsial'no-ehkonomicheskaya geografiya v Rossii / Koll. avtorov; Otv. red. P.YA. Baklanov, V.E. Shuvalov.* – Vladivostok: Dal'nauka, 2016. – 326 s.
21. Starozhilov V.T. *Landshaftnyj proryv v osvoenii Tikhookeanskoj Rossii – pervyj mezhdunarodnyj Tikhookeanskij landshaftnyj tsentr v DVFU // Vlast' knigi: biblioteka, izdatel'stvo, vuz*. Vyp. 17. Vladivostok: DVFU, 2017. S. 1–4.
22. *Universitetskaya geografiya v sovremennom mire / Koll. avtorov; pod red. A.S. Naumova. M.: izd-vo "Buki Vedi", 2016. 282 s.*

Погорелов А.Р. Университетская география на Дальнем Востоке России (Дальневосточный университет).

Географическое образование в последнее время приобретает всё большее значение не только в комплексном изучении природных и территориальных социально-экономических систем, но и во всестороннем решении различных задач регионально-го развития. Полноценное развитие университетской географии на Дальнем Востоке России началось в 1964 году при организации во Владивостоке в Дальневосточном университете нового геофизического факультета. В то же время исторические предпосылки создания нового в России дальневосточного центра университетской географии были сформированы в период 1899–1964 годов. В статье подробно представлены периоды и этапы развития университетской географии в Дальневосточном университете. Особое внимание уделено современному состоянию.

Ключевые слова: *география, географическое образование, университетская география, Дальний Восток России, Дальневосточный университет*

Pogorelov A.R. Geographical university education in the Far East of Russia (Far Eastern University).

Geographical education has recently become increasingly important not only in the comprehensive study of natural and socio-economic systems, but also in the comprehensive solution of the problems of regional development. The full development of university geography in the Russian Far East began in 1964 with the organization of a new geophysical faculty in Vladivostok at the Far Eastern University. At the same time, the historical prerequisites for the creation of a new Far Eastern center for university geography in Russia were formed in the period 1899–1964. The article presents in detail the periods and stages of the development of university geography at the Far Eastern University. Particular attention is paid to the current state.

Key words: *geography, geographical education, university geography, Far East of Russia, Far Eastern Federal University*

Для цитирования: Погорелов А.Р. Университетская география на Дальнем Востоке России (Дальневосточный университет) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 3. С. 131–142. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/131-142

For citation: Pogorelov A.R. Geographical university education in the Far East of Russia (Far Eastern University) // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 3. P. 131–142. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/131-142

Концептуальные основы пограничной политики России на Дальнем Востоке

2015 г. имеет основания войти в историю российского Дальнего Востока (РДВ) как отправная веха для качественно нового периода в развитии пограничной политики России в этом макрорегионе. Кардинальное обновление дальневосточной пограничной политики (ПП)¹ объективно назревало уже давно и может считаться одним из отдалённых следствий "поворота на Восток", предпринятого российским правительством ещё в 2006 г. Тем не менее, лишь с 2015 г. новая политика получила своё видимое, конкретное воплощение сначала в федеральном законе о ТОРах [20], а вслед за ним в постепенно нарастающей волне законов, нормативных актов, политических и административных решений федерального, окружного, регионального и муниципального уровней.

При всей очевидной новизне, масштабности и важности происходящих изменений, какую-либо целостную и однозначную интерпретацию им дать трудно. Напротив, выстраивание новой ПП на РДВ производит устойчивое впечатление инкрементального процесса, продвигающегося путём проб и ошибок, в отсутствие заранее определённого долгосрочного плана. Такая её динамика имеет под собой глубокие причины.

С одной стороны, нынешняя ПП в макрорегионе опирается на обширную политико-идеологическую и нормативно-правовую базу. Вопросы целеполагания и имплементации государственной политики в области трансграничной торговли, инвестиций и миграции на РДВ в той или иной мере затрагивались в Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г. [17], Государственной программе "Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона" [4], Концепции развития приграничных территорий субъектов РФ в ДФО [8], Концепции демографической политики Дальнего Востока до 2025 г. [6], а также в ряде документов общегосударственного уровня (Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г., Государственная программа "Развитие внешнеэкономической деятельности" [3; 7] и др.). В то же время, с другой стороны, отдельные ориентиры для дальневосточной ПП, намечаемые в этих документах, не составляют никакой системы. Кроме того, они никак не соотношены с теми положениями, которые зафиксированы в отраслевых политических и правовых документах, таких как "Основы пограничной политики РФ" и ФЗ "О Государственной границе РФ". Наконец, на сегодня не существует документа, который должен быть исходным для любого рода планирования в сфере дальневосточной ПП – её концепции (стратегии). Многочисленные неувязки и пробелы в доктринальной и правовой базе дальневосточной ПП осложняют её осуществление не только сами по себе. Помимо этого они создают благоприятные условия для постоянной межведомственной борьбы и кулуарного лоббизма корпоративных бенефициаров этой политики, оказывающих непропорциональное влияние на её формирование лишь благодаря своей близости к лицам, принимающим решения.

¹ В этой статье термины "пограничная политика на РДВ" и "дальневосточная пограничная политика" используются как равнозначные.

Целью настоящей работы является определение концептуальных основ дальневосточной ПП, которые могли бы преодолеть противоречия, свойственные её нынешнему состоянию. Разумеется, что формат статьи позволяет рассмотреть не все, но лишь важнейшие вопросы из тех, которые должны быть решены в концепции ПП на РДВ. Опираясь на критический анализ модели дальневосточной ПП, сложившейся ранее, и авторскую реконструкцию стоящей перед ней новой цели, далее я попытаюсь дать общую нормативную характеристику задач, принципов, субъектов, средств и порядка реализации данной политики на период до 2025 г.²

Цель, задачи и принципы пограничной политики на РДВ

Самым существенным и парадоксальным изъяном современного состояния ПП на РДВ является отсутствие ясной официальной формулировки стоящей перед ней цели. Целый ряд государственных документов, появившихся после 2006 и особенно 2015 г., и фиксирующих эволюцию задач дальневосточной ПП, демонстрирует изменение её вектора, но не даёт прямого ответа на этот вопрос.

Для того чтобы в этих условиях реконструировать цель дальневосточной ПП, с моей точки зрения, необходимо обратиться к её более общему политико-идеологическому контексту, образованному уже упоминавшимся "поворотом России на Восток". Стратегическую цель этого курса российского правительства, охватывающего все основные сферы государственной политики, можно определить как утверждение России в ряду ключевых геополитических и геоэкономических центров АТР. При этом главным условием достижения этой цели является опережающее развитие восточных территорий России, их выход на уровень ведущих в социально-экономическом отношении регионов страны [13; 21].

В таком контексте предназначение новой ПП на РДВ получает достаточную определённость. Целью данной политики должно стать создание условий для превращения трансграничных отношений РДВ в фактор, содействующий опережающему социально-экономическому развитию макрорегиона.

Эта цель может быть конкретизирована, если принять во внимание сущностную специфику самой ПП, а также её предшествующую историю на Дальнем Востоке. Прежде всего, следует учитывать, что любая ПП, регулирующая трансграничные отношения страны (региона), на этапе целеполагания вынуждена решать дилемму безопасности и развития. Как вытекает из приведённой формулировки цели, новая ПП на РДВ рассматривает его трансграничные отношения с точки зрения приоритета развития. Это, конечно, не означает исключения из предмета данной политики вопросов безопасности макрорегиона и страны в целом. Речь идёт скорее об очередном изменении баланса приоритетов. Развернувшаяся с начала 2000-х гг. деятельность по укреплению органов охраны и контроля границы, их организационной и технико-технологической модернизации уже к началу 2010-х гг. позволила достичь на РДВ уровня пограничной безопасности вполне сопоставимого с тем, который имел место к концу советского периода. Именно благодаря результатам, уже достигнутым в сфере безопасности, субъекты дальневосточной ПП могут перераспределить своё внимание и средства в пользу задач развития, селективно дебарьеризируя трансграничные отношения, делая границы РДВ более открытыми там, где это отвечает интересам страны и макрорегиона.

Вместе с тем, необходимо учитывать, что выбор в пользу развития трансграничных отношений также внутренне неоднозначен и допускает широкий спектр вариантов. Так, уже в 2000-е гг. в дальневосточной ПП наметилась тенденция к стимулированию роста сырьевого и в особенности топливно-энергетического экспорта. Она нашла выражение в мерах по созданию или переоборудованию пунктов пропуска, а также строительству или обновлению транспортно-логистической инфраструктуры, предназначенных для вывоза на внешние рынки угля, нефти, газа, леса, металлических руд и других первичных ресурсов. Такой вариант ПП, безусловно, сыграл свою позитивную роль в восстановлении РДВ после затянувшегося кризиса 1990-х гг., дал воз-

² 2025 г. выступает временным горизонтом действующих документов стратегического планирования на РДВ.

возможность компенсировать ущерб, нанесённый исчезновением целых отраслей промышленности макрорегиона и обрывом его связей с центральной частью страны.

Однако подобная модель ПП не способна содействовать опережающему развитию РДВ, а значит, и быть инструментом реализации "поворота на Восток". Опережающее развитие дальневосточного макрорегиона, наиболее полно описываемое концепцией его "новой индустриализации"³, предполагает не только количественное ускорение, но и качественное изменение роста, связанное со сменой технологической базы экономики РДВ, увеличением в ней доли секторов обрабатывающей промышленности и услуг, переходом от материало- и трудоёмких к капиталоемким и информационноёмким формам производства. В свою очередь, это требует существенного обновления содержания и структуры торговых, инвестиционных и миграционных отношений, соединяющих РДВ с его международной средой. Иными словами, макрорегиону понадобится новый, несырьевой, экспортный каркас, который, в конечном счёте, должен полностью заменить старый, по сути, колониальный, механизм интеграции РДВ в АТР, определяющий географическую, отраслевую, институциональную организацию его социально-экономической системы сегодня. Работа над созданием такого второго каркаса началась в 2015 г., однако сроки, в которые он сможет занять место первого, всё ещё не ясны: поскольку действующая редакция госпрограммы развития РДВ представляет собой своего рода компромисс между топливно-энергетическим и инновационным вариантами его будущего, переходный период обещает быть длительным.

Определение сущности опережающего развития РДВ и специфики создаваемой в нем социально-экономической системы позволяет очертить контуры соответствующей последней системы трансграничных отношений и упорядочить задачи новой дальневосточной ПП. Если систематизировать задачи регулирования трансграничных отношений РДВ, включая как упоминаемые, так и упускаемые в официальных документах [4; 6; 8; 17], то их перечень будет следующим:

- 1) Содействие увеличению объёма экспортной торговли макрорегиона, при повышении доли в ней несырьевого экспорта⁴;
- 2) Содействие увеличению объёма привлекаемых РДВ прямых иностранных инвестиций;
- 3) Обеспечение расширения импорта технологий, необходимых для развития новых индустриальных и постиндустриальных кластеров⁵ макрорегиона;
- 4) Содействие увеличению количества въезжающих в макрорегион иностранных работников высокой квалификации;
- 5) Создание условий для наращивания объёмов входящего международного туризма;
- 6) Обеспечение страновой и региональной (субнациональной) диверсификации трансграничных отношений РДВ, развитию таких отношений с отдалёнными соседями по АТР (включая страны АСЕАН и Индию);
- 7) Содействие вовлечению в трансграничные отношения РДВ внутренних и относительно менее развитых административно-территориальных образований, особенно расположенных в северной части макрорегиона;
- 8) Создание условий для более широкого участия в трансграничных отношениях РДВ субъектов малого и среднего бизнеса.

Выполнение названных задач регулирования трансграничных отношений в их совокупности и в связи с мерами внутренней макрорегиональной политики является необходимым условием "новой индустриализации" РДВ, его перехода на более высокую ступень социально-экономического развития. Вместе с тем, целевые количественные показатели выполнения этих задач могут варьировать в определённом диапазоне. Установление их конкретных значений, при подготовке на основе концепции программы ПП на РДВ, должно осуществляться в ходе итеративного прогнозирования социально-экономи-

³ О концепции "новой индустриализации" РДВ: [15; 18].

⁴ К 2025 г. эта доля должна возрасти до трети общего объёма экспорта.

⁵ О специализации кластеров: [2, С. 108–131; 10, С. 85–99].

ческой динамики макрорегиона, с учётом ожидаемых изменений соответствующих показателей России и стран АТР.

Реализация задач дальневосточной ПП должна происходить при соблюдении ряда более общих принципов. Если задачи ПП актуальны только в конкретных пространственных и временных рамках и меняются вместе с состоянием регулируемого объекта, то принципы ПП характеризуют её устойчивые, структурные свойства. В них выражается как структура внешней среды дальневосточной ПП, её связи с другими видами политики (внешняя, внутренняя) и другими уровнями общественных отношений (наднациональный, национальный, личностный), так и системная организация самой ПП на РДВ, её внутренняя целостность и сбалансированность.

Некоторые принципы российской ПП, значимые для её осуществления на РДВ, уже определены в действующих политических и правовых документах. Так, согласно "Основам пограничной политики РФ", её принципы включают в себя "взаимное уважение суверенитета, территориальной целостности государств и нерушимости границ; приоритет национальных интересов Российской Федерации в пограничном пространстве, комплексный подход к их реализации и защите; мирное разрешение пограничных вопросов; уважение прав и свобод человека и гражданина"⁶ [11]. Однако, учитывая реальную практику дальневосточной ПП, при формулировании её концептуальных основ перечень принципов этой сложной системной деятельности необходимо уточнить и дополнить. В развёрнутом виде данный перечень должен включать следующие принципы:

- ◆ взаимное уважение суверенитета, территориальной целостности государств и нерушимости границ;
- ◆ мирное разрешение споров по вопросам прохождения и функционирования границ;
- ◆ приоритет национальных интересов РФ в области безопасности и развития в российском пограничном пространстве;
- ◆ поддержание баланса интересов национальной и макрорегиональной безопасности и развития при формировании и реализации ПП России в пределах РДВ;
- ◆ согласованность целей и задач ПП России на РДВ с целями и задачами внешней и внутренней политики государства;
- ◆ соответствие целей и задач ПП России на РДВ потенциалу, потребностям и возможностям макрорегиональной социально-экономической системы;
- ◆ системность, внутренняя непротиворечивость и сбалансированность ПП России на РДВ в совокупности её сфер и направлений;
- ◆ селективность, дифференцированный подход к определению задач дальневосточной ПП в разных сферах и на разных направлениях реализации;
- ◆ субсидиарность, передача полномочий по формированию и реализации ПП пограничным институтам того территориального уровня, на котором эти полномочия могут быть использованы с наибольшей эффективностью.

Субъекты пограничной политики на РДВ

Трансформация объекта (управляемой системы) дальневосточной ПП – трансграничных отношений РДВ – не может быть осуществлена без внесения изменений в регулируемую данным объектом управляющую систему. Управляющая система ПП на РДВ состоит из двух основных компонентов – субъектов этой политики и используемых ими средств. Под субъектами ПП на РДВ понимаются организации, социальные группы и отдельные граждане, принимающие решения в области данной политики, непосредственно участвующие в её формировании и реализации.

В соответствии с "Основами пограничной политики РФ", в состав основных её субъектов входят "федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, общественные объединения, организации и граждане" [11]. Закон "О Государственной границе РФ" детально описывает полномочия этих субъектов в

⁶ По содержанию к ним близки принципы, приводимые в ст. 2 ФЗ "О Государственной границе РФ" [5].

сфере защиты государственной границы [5], однако их функции и порядок взаимодействия в более широком контексте, и особенно в сфере задач развития трансграничных отношений, в действующих политических и правовых документах освещены крайне фрагментарно [12]. Многосубъектная и многоуровневая управляющая система ПП на РДВ имеет запутанную и противоречивую структуру, обременённую рядом пережитков, унаследованных от периодов советской закрытости границ РДВ и постсоветской сырьевой модели его развития. Среди таких унаследованных из прошлого проблем следует отметить чрезмерную централизованность процесса формирования ПП, слабость механизмов территориальной координации деятельности пограничных институтов и недостаточную вовлечённость в принятие и реализацию политических решений негосударственных субъектов.

Изменения, которые необходимо внести в состав и структуру отношений субъектов дальневосточной ПП, можно свести к следующим задачам:

1) Перераспределение полномочий в области формирования дальневосточной ПП в пользу пограничных институтов окружного и регионального уровня;

2) Укрепление координационного межведомственного взаимодействия пограничных институтов окружного и регионального уровня;

3) Расширение возможностей участия негосударственных субъектов в формировании и оценке реализации ПП на РДВ.

В настоящее время работа по определению целей и задач ПП на РДВ почти полностью сконцентрирована в общегосударственных и специализированных пограничных органах федерального уровня, таких как Совет безопасности и Государственный совет, Государственная пограничная комиссия и ряд министерств и ведомств (ФСБ, МО, МИД, МВД, ФТС и др.). Исходя из принципа subsidiarity, значительную часть функций целеполагания и планирования ПП на РДВ (за исключением выбора стратегических приоритетов, связывающих эту политику с общегосударственной, и постановки задач в сфере пограничной безопасности) следует передать территориальным (окружным и региональным) подразделениям федеральных ведомств, а также окружной и региональным пограничным комиссиям. Для этого необходимо законодательно зафиксировать пределы компетенции пограничных институтов каждого из уровней и регламентировать их полномочия в процессе разработки концептуальных и программных документов дальневосточной ПП, вплоть до территориальных планов мероприятий по их реализации.

Помимо вертикального перераспределения полномочий между государственными субъектами ПП на РДВ в рамках её общего политико-управленческого цикла, следует принять меры к укреплению горизонтального, территориального взаимодействия между ними. Важнейшими механизмами такого взаимодействия должны стать окружная и региональные пограничные комиссии как органы, обеспечивающие координацию на соответствующем уровне между всеми территориальными подразделениями пограничных ведомств, а также между ними и окружными (Минвостокразвития, полпредство в ДФО) и региональными органами власти. Переход окружной и региональной комиссий к работе на регулярной основе и принятию обязывающих для пограничных институтов решений приведёт к появлению в структуре дальневосточной ПП наряду с общим политико-управленческим циклом относительно автономных от него циклов окружного и регионального уровней. Это позволит сделать ПП на РДВ не только более системной, внутренне сбалансированной, но и более восприимчивой к меняющемуся состоянию её объекта, к реальной динамике трансграничных отношений.

Наиболее эффективным способом решения задачи привлечения к формированию дальневосточной ПП негосударственных субъектов являлось бы обеспечение их постоянного представительства в окружной и региональных пограничных комиссиях. Приоритетную возможность участия в деятельности таких комиссий, конечно, должны получить представители крупнейших общественных организаций (бизнес-ассоциаций) субъектов тех отраслей, которым принадлежат основные доли в объёме торговых, инвестиционных, миграционных трансграничных отношений ДФО и входящих в него регионов. Ещё большее значение имеет вовлечение негосударственных субъектов в процесс оценки результатов ПП. Формой осуществления такой оценки может быть

регулярное проведение независимыми исследовательскими организациями опросов участников трансграничных отношений РДВ (населения, российских и зарубежных бизнесменов) о степени их удовлетворённости мерами регулирования этих отношений. Обязательное использование материалов подобного внешнего аудита (наряду с данными внутреннего, государственного, аудита) в ходе подготовки окружной и региональными пограничными комиссиями годовых планов мероприятий ПП обеспечило бы наиболее широкую и прямую обратную связь между последней и общественными интересами соответствующих территорий.

Средства пограничной политики на РДВ

Понятие "средства пограничной политики" охватывает совокупность ресурсов материального (пограничная и транспортная инфраструктура, техника, финансы, люди), социального (формальные и неформальные институты) и духовного (необъективированные феномены сознания) типа, которые могут быть использованы для решения задач данной политики её субъектами. Средства ПП обуславливают масштаб, силу и характер того воздействия, которое управляющая система этой политики способна оказать на её объект. Для реализации новой дальневосточной ПП наличные её средства в целом играют роль лимитирующего и деформирующего фактора⁷.

Формирование комплекса средств дальневосточной ПП, адекватных стоящей перед ней цели превращения трансграничных отношений РДВ в фактор его опережающего развития, требует выполнения следующих задач:

1) Увеличение физической пропускной способности пограничной и связанной с ней транспортной (трансграничной) инфраструктуры РДВ;

2) Географическая диверсификация пограничной и транспортной инфраструктуры, её приближение к новым социально-экономическим центрам (кластерам) РДВ;

3) Увеличение плотности трансграничной транспортной сети, повышение её доступности для малых и средних предприятий, сельских поселений и малых городов макрорегиона;

4) Снижение издержек пересечения границы, связанных с его неэффективным институциональным, нормативно-правовым регулированием;

5) Снижение издержек пересечения границы, связанных с культурно-информационными барьерами;

6) Создание институционально-правовых механизмов привлечения частных, в т.ч. иностранных, инвестиций для со-финансирования реализации ПП на РДВ.

Нынешняя физическая пропускная способность дальневосточной границы является наиболее важным препятствием на пути интенсификации трансграничных отношений РДВ. Устранение этого препятствия, предполагающее как модернизацию и расширение уже существующих пунктов пропуска и трансграничных магистралей, так и строительство новых, будет самым дорогостоящим направлением реализации новой ПП на РДВ. Для достижения целевых параметров социально-экономической системы РДВ, намечаемых концепцией "новой индустриализации", пропускная способность дальневосточной границы по грузам должна быть увеличена в 2,1 раза, а по пассажирам – в 3 раза⁸. Это потребует двукратного увеличения числа (с двух до четырёх десятков) активно используемых пунктов пропуска в макрорегионе.

Развитие пограничной и транспортной инфраструктуры должно учитывать неравномерность её современного размещения, её преимущественную сконцентрированность на юге РДВ. Ввод в строй модернизированной и вновь построенной инфраструктуры для трансграничных потоков должен быть ориентирован, прежде всего, на новые социально-экономические центры на севере макрорегиона, условия для создания которых появляются благодаря распространению режимов ТОР и СПВ на Якутию, Чукотский автономный округ, Камчатский край и Магаданскую область. Наряду с этим, в районах "старого"

⁷ Стоит лишь отметить, что, по данным на 2017 г., из 46 проверенных пунктов пропуска на РДВ только 4 были признаны соответствующими нормативным требованиям [16].

⁸ Рассчитано автором.

освоения трансграничная транспортная сеть нуждается в уплотнении, в основном, за счёт прокладки местных автодорог. Это сделает возможным вовлечение в трансграничные отношения РДВ населения и бизнеса не только его крупнейших городских центров, но и малых городов и сельских поселений и будет способствовать сокращению межмуниципального неравенства в уровне жизни и условиях ведения экономической деятельности.

Параллельно с развитием материальной базы контактного функционирования границы необходимо снизить институциональные и культурно-информационные издержки, затрудняющие её пересечение. Институциональные издержки пересечения дальневосточной границы состоят в сложности и длительности процедур таможенного, миграционного, пограничного, санитарного, фитосанитарного, транспортного, портового и иного контроля, осуществляемых в пунктах пропуска. Основными мерами по снижению институциональных издержек являются уменьшение числа контролирующих органов (принцип "одного окна") и количества предоставляемых им документов, а также совершенствование технологий передачи и обработки данных за счёт их компьютеризации и автоматизации⁹. Культурно-информационные издержки заключаются в том негативном воздействии, которое на участников трансграничных отношений может оказывать сложившийся образ дальневосточной границы, а также трудности, возникающие в их коммуникации с персоналом контролирующих органов. Снижение подобных издержек должно быть обеспечено созданием комфортной культурно-языковой среды в пунктах пропуска и на трансграничных магистралях, подготовкой персонала контролирующих органов к общению с гражданами, широким информированием российской и зарубежной аудитории об условиях и возможностях трансграничных отношений, предоставляемых новой ПП на РДВ.

Обновление и расширение арсенала средств дальневосточной ПП требует значительного увеличения объёмов её финансирования. Очевидно, что необходимый рост инвестиций не может быть покрыт только из бюджетных источников¹⁰. Это актуализирует задачу привлечения частных инвестиций, прежде всего в формате частно-государственного партнёрства (ЧГП) [1]. Сегодня с помощью этого механизма государство привлекает к строительству пограничной и транспортной инфраструктуры некоторые крупные российские компании. Либерализация законодательства о ЧГП должна создать условия для прихода в эту сферу иностранного, а также малого и среднего российского бизнеса. Участие последнего особенно важно для ускорения развития инфраструктуры, сопутствующей пунктам пропуска и трансграничным коридорам, — логистической, сервисной, торговой, гостиничной и т.п.

Порядок реализации, оценки и корректировки пограничной политики на РДВ

Взаимосвязанность задач дальневосточной ПП, касающихся её объекта и управляющей системы, не означает синхронности их выполнения. Исходя из того, что трансграничные отношения РДВ, субъекты и средства ПП имеют разную степень инерционности и доступности для регулирования, процесс реализации концепции ПП на РДВ необходимо разделить на этапы.

Первый этап (2018–2021 гг.) реализации концепции должен быть посвящён, прежде всего, осуществлению задач, относящихся к составу и структуре управляющей системы дальневосточной ПП. На этом этапе должны быть решены задачи перераспределения полномочий в пользу пограничных институтов окружного и регионального уровня, укрепления межведомственного взаимодействия на этих уровнях, расширения возможностей участия негосударственных субъектов в формировании и оценке реализации ПП на РДВ. Задачи увеличения физической пропускной способности границы, а также

⁹ Переход на электронный документооборот (прежде всего, в сфере таможенного контроля) был начат в ДФО во второй половине 2000-х гг., но все еще не завершён [9].

¹⁰ Объем инвестиций в пограничную и связанную с ней транспортную инфраструктуру РДВ в рамках его "новой индустриализации", по моим оценкам, составит около 3,6 трлн. руб. Для сравнения, финансирование ФЦП "Государственная граница РФ" определяется в 134 млрд. руб. [14].

снижения институциональных и культурно-информационных издержек её пересечения на данном этапе будут решаться главным образом за счёт модернизации и расширения уже существующих и активно используемых пунктов пропуска и транспортных магистралей. Мероприятия этого этапа потребуют финансирования, прежде всего, со стороны федерального бюджета и госкорпораций. Вместе с тем, на данном этапе должны быть созданы институционально-правовые механизмы для привлечения к реализации ПП на РДВ частных инвестиций.

Второй этап (2022–2025 гг.) реализации концепции должен быть сфокусирован на изменении количественных и особенно качественных параметров трансграничных отношений РДВ. Приоритетными для данного этапа являются задачи по созданию условий для увеличения несырьевого компонента экспорта РДВ, повышения объёма привлекаемых ПИИ, расширения импорта технологий, необходимых для развития новых кластеров макрорегиона, повышения доли в иностранной трудовой миграции высококвалифицированных работников, наращивания объёмов входящего международного туризма, страновой и субнациональной диверсификации трансграничных отношений РДВ, и вовлечения в них внутренних и слаборазвитых территорий и субъектов малого и среднего бизнеса. Задачи увеличения физической, институциональной и культурно-информационной проницаемости границы, повышения географической диверсифицированности и плотности пограничной и транспортной инфраструктуры на данном этапе должны решаться, прежде всего, посредством открытия новых пунктов пропуска и магистралей, обеспечивающих трансграничные связи возникающих на РДВ социально-экономических центров. Таким образом, к концу этапа на РДВ появятся опорные точки и звенья второго, несырьевого, экспортного каркаса макрорегиональной социально-экономической системы. В финансировании ПП на РДВ на втором этапе должна значительно вырасти доля инвестиций малого и среднего бизнеса и иностранных вложений.

Успешное завершение первого и второго этапов реализации концепции после 2025 г. позволит консолидировать несырьевой экспортный каркас, сделать его ведущим и трансформировать, таким образом, всю структуру социально-экономической системы РДВ. Такое реструктурирование РДВ и перераспределение интра- и трансграничных потоков по географическим и отраслевым направлениям в свою очередь потребует внесения концептуальных изменений в политику их регулирования.

Помимо концепции, подготавливаемой окружной пограничной комиссией и утверждаемой Правительством РФ, новая ПП на РДВ предусматривает разработку ряда других документов, конкретизирующих её содержание и дающих возможность осуществлять оценку и корректировку её выполнения. После утверждения концепции, пограничной комиссией ДФО необходимо принять программу ПП в округе до 2025 г., где поставленные в концепции задачи будут выражены в количественных индикаторах, распределённых по периоду действия программы, выделяемым и привлекаемым средствам и ответственным субъектам. В ходе подготовки программы значения её индикаторов должны быть обоснованы прогнозами социально-экономической динамики России и стран АТР, а также увязаны с комплексом других государственных программ, касающихся развития макрорегиона. На базе программы окружной и региональными пограничными комиссиями будут разрабатываться годовые планы мероприятий ПП соответствующего уровня. При этом разработка очередного годового плана должна осуществляться с учётом материалов внутренней (отчётность пограничных институтов и государственной аудиторской) и внешней (опросы участников трансграничных отношений) оценки промежуточных результатов реализации ПП. Оценки, указывающие на существенные отклонения фактических значений индикаторов от целевых, зафиксированных в годовых планах, будут обязывать пограничные комиссии корректировать содержание планов, разрабатываемых на следующий год. Внесение значительных корректив в количественные параметры ряда годовых планов окружного уровня может стать основанием для постановки вопроса о пересмотре задач ПП на РДВ, определяемых её программой и концепцией.

Стабильно работающий механизм внутренней и внешней оценки, замыкающий политико-управленческий цикл дальневосточной ПП, способен

сделать её концепцию регулярно обновляющимся, по сути, самонастраивающимся документом, придать ему ту степень обоснованности и действенности, которая не может быть достигнута предварительными научными исследованиями. Однако полноценно функционирующий политико-управленческий цикл возникает только там, где политика становится системной, где множество её задач, субъектов и средств образует устойчивую целостность, упорядоченную общей стратегической целью. Для нынешней ПП России на РДВ приобретение такого системного качества является пока отдалённой перспективой развития. Разработка концепции дальневосточной ПП должна стать первым шагом на этом долгом, но безальтернативном пути.

Литература

1. Архипов Л.Н. Модернизация пунктов пропуска через механизм государственно-частного партнёрства // Миграционное право. 2014. № 2. С. 14–19.
2. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 168 с.
3. Государственная программа "Развитие внешнеэкономической деятельности" (утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 330) // Правительство России. [Электронный ресурс]. URL: <http://gov.garant.ru/document?id=70544016&byPara=1> (дата обращения: 18.04.2018).
4. Государственная программа "Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона" (утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308) // Правительство России. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/RoWSHNM7NUM.pdf> (дата обращения: 11.03.2017).
5. Закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 "О Государственной границе РФ" // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/10103372/> (дата обращения: 18.04.2018).
6. Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 20 июня 2017 г. № 1298-р) // Правительство России. [Электронный ресурс]. URL: <http://gov.garant.ru/document?id=71605978&byPara=1> (дата обращения: 11.02.2018).
7. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р) // Правительство России. [Электронный ресурс]. URL: <http://gov.garant.ru/document?id=94365&byPara=1> (дата обращения: 10.04.2018).
8. Концепция развития приграничных территорий субъектов РФ, входящих в состав ДФО (утв. распоряжением Правительства РФ от 28 октября 2015 г. № 2193-р) // Правительство России. [Электронный ресурс]. URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 18.04.2018).
9. Краснова А. В ДФО создадут электронную таможню, которая ускорит оформление грузов // Стратегия РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://strategyrf.ru/14/news/v-dfo-sozdadut-elektronnyu-tamozhnyu-kotoraya-uskorit-oformleniye-gruzov> (дата обращения: 18.05.2018).
10. Меламед И.И., Дягилев А.А., Авдеев М.А. Основные подходы к развитию Дальнего Востока и Прибайкалья. М.: Современная экономика и право, 2010. 176 с.
11. Основы пограничной политики РФ (утв. Президентом РФ 5 октября 1996 г.) // Совет Безопасности РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/16/28.html> (дата обращения: 21.03.2016).
12. Положение о Государственной пограничной комиссии (утв. указом Президента РФ от 27 октября 2003 г. № 1264) // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/186427/> (дата обращения: 24.04.2018).
13. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения: 11.05.2018).
14. Правительство РФ утвердило ФЦП "Государственная граница Российской Федерации (2012-2020 годы)" // ГК Континент. [Электронный ресурс]. URL: https://www.continent.net/novosti/novost_515.html (дата обращения: 17.05.2018).
15. Российский Дальний Восток на пути в будущее / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 395 с.
16. Сенаторы настоятельно рекомендуют // NaDV.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://nadv.ru/story/porucheniya-Sovfeda/> (дата обращения: 18.05.2018).
17. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. № 2094-р) // Правительство России. [Электронный ресурс]. URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 10.12.2017).

18. Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 560 с.
19. Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ "О стратегическом планировании в Российской Федерации" // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70684666/> (дата обращения: 19.04.2018).
20. Федеральный закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ "О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ" // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/39279> (дата обращения: 11.09.2017).
21. Lo B. Russia's Eastern Direction – Distinguishing the Real from the Virtual. *Russie. Nei. Reports.* 2014. №. 17. 32 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Arkhipov L.N. Modernizatsiya punktov propuska cherez mekhanizm gosudarstvenno-chastnogo partnyorstva // *Migratsionnoe pravo.* 2014. № 2. S. 14–19.
2. Baklanov P.YA., Romanov M.T. *Ehkonomiko-geograficheskoe i geopoliticheskoe polozhenie Tikhookeanskoj Rossii. Vladivostok: Dal'nauka,* 2009. 168 s.
3. Gosudarstvennaya programma "Razvitie vneshneehkonomicheskoy deyatel'nosti" (utv. postanovleniem Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g. № 330) // *Pravitel'stvo Rossii.* [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gov.garant.ru/document?id=70544016&byPara=1> (data obrashheniya: 18.04.2018).
4. Gosudarstvennaya programma "Sotsial'no-ehkonomicheskoe razvitie Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona" (utv. postanovleniem Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g. № 308) // *Pravitel'stvo Rossii.* [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://government.ru/media/files/RoWSHHM7NUM.pdf> (data obrashheniya: 11.03.2017).
5. Zakon RF ot 1 aprelya 1993 g. № 4730-I "O Gosudarstvennoj granitse RF" // *Informatsionno-pravovoj portal GARANT.RU.* [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://base.garant.ru/10103372/> (data obrashheniya: 18.04.2018).
6. Kontseptsiya demograficheskoy politiki Dal'nego Vostoka na period do 2025 g. (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 20 iyunya 2017 g. № 1298-r) // *Pravitel'stvo Rossii.* [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gov.garant.ru/document?id=71605978&byPara=1> (data obrashheniya: 11.02.2018).
7. Kontseptsiya dolgosrochnogo sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya RF na period do 2020 g. (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 17 noyabrya 2008 g. № 1662-r) // *Pravitel'stvo Rossii.* [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gov.garant.ru/document?id=94365&byPara=1> (data obrashheniya: 10.04.2018).
8. Kontseptsiya razvitiya prigranichnykh territorij sub'ektov RF, vkhodyashhikh v sostav DFO (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 28 oktyabrya 2015 g. № 2193-r) // *Pravitel'stvo Rossii.* [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (data obrashheniya: 18.04.2018).
9. Krasnova A. V DFO sozdatudat ehlektronnyu tamozhnyu, kotoraya uskorit oformlenie gruzov // *Strategiya RF.* [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://strategyrf.ru/14/news/v-dfo-sozdatudat-ehlektronnyu-tamozhnyu-kotoraya-uskorit-oformleniye-gruzov> (data obrashheniya: 18.05.2018).
10. Melamed I.I., Dyagilev A.A., Avdeev M.A. *Osnovnye podkhody k razvitiyu Dal'nego Vostoka i Pribajkal'ya. M.: Sovremennaya ehkonomika i pravo,* 2010. 176 s.
11. *Osnovy pogranchnoy politiki RF* (utv. Prezidentom RF 5 oktyabrya 1996 g.) // *Sovet Bezopasnosti RF.* [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/16/28.html> (data obrashheniya: 21.03.2016).
12. Polozhenie o Gosudarstvennoj pogranchnoy komissii (utv. ukazom Prezidenta RF ot 27 oktyabrya 2003 g. № 1264) // *Informatsionno-pravovoj portal GARANT.RU.* [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://base.garant.ru/186427/> (data obrashheniya: 24.04.2018).
13. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu 12 dekabrya 2013 g. // *Prezident Rossii.* URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (data obrashheniya: 11.05.2018).
14. *Pravitel'stvo RF utverdilo FTSP "Gosudarstvennaya granitsa Rossijskoj Federatsii (2012-2020 gody)"* // *GK Kontinent.* [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.continent.net/novosti/novost_515.html (data obrashheniya: 17.05.2018).
15. *Rossijskij Dal'nij Vostok na puti v budushhee* / pod red. P.A. Minakira. *KHabarovsk: IEHI DVO RAN,* 2017. 395 s.
16. *Senatory nastoyatel'no rekomenduyut* // *NaDV.ru.* [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://nadv.ru/story/porucheniya-Sovfeda/> (data obrashheniya: 18.05.2018).
17. *Strategiya sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona na period do 2025 g.* (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 28 dekabrya 2009 g. № 2094-r) // *Pravitel'stvo Rossii.* [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (data obrashheniya: 10.12.2017).

18. Tikhookeanskaya Rossiya – 2030: stsenarnoe prognozirovanie regional'nogo razvitiya / pod red. P.A. Minakira. Khabarovsk: DVO RAN, 2010. 560 s.

19. Federal'nyj zakon ot 28.06.2014 g. № 172-FZ "O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federatsii" // Informatsionno-pravovoj portal GARANT.RU. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://base.garant.ru/70684666/> (data obrashheniya: 19.04.2018).

20. Federal'nyj zakon ot 29.12.2014 g. № 473-FZ "O territoriyakh operezhayushhego sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya v RF" // Prezident Rossii. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/39279> (data obrashheniya: 11.09.2017).

21. Lo B. Russia's Eastern Direction – Distinguishing the Real from the Virtual. *Russie. Nei. Reports*. 2014. №. 17. 32 p.

Киреев А.А. Концептуальные основы пограничной политики России на Дальнем Востоке.

Новая пограничная политика, реализуемая на российском Дальнем Востоке с 2015 г., формируется путём проб и ошибок, оставаясь скорее отражением борьбы ведомств и лоббистов, чем инструментом развития макрорегиона. Стратегическому планированию и последовательной системной реализации данной политики препятствует нерешённость её концептуальных вопросов. Опираясь на анализ действующих политических и правовых документов и собственную интерпретацию стратегической цели дальневосточной пограничной политики, автор предлагает определения задач, принципов, субъектов, средств и порядка реализации этой политики, которые могут быть положены в основу её концепции.

Ключевые слова: *пограничная политика, российский Дальний Восток, концепция, стратегическое планирование*

Kireev A.A. Conceptual foundations of Russia's border policy in the Far East.

The new border policy implemented in the Russian Far East since 2015 is formed through trial and error, remaining rather a reflection of struggle of departments and lobbyists than an instrument for development of the macroregion. Strategic planning and consistent systematic implementation of this policy is hindered by the unresolved conceptual issues. Based on the analysis of existing political and legal documents and own interpretation of the strategic goal of Far Eastern border policy, the author proposes definitions of tasks, principles, actors, means and order of implementation of this policy, which can be used as a basis for its concept.

Key words: *border policy, Russian Far East, concept, strategic planning*

Для цитирования: Киреев А.А. Концептуальные основы пограничной политики России на Дальнем Востоке // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 2. С. 143–153. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-2/143-153

For citation: Kireev A.A. Conceptual foundations of Russia's border policy in the Far East // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 2. P. 143–153. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-2/143-153

Арктическая политика Японии: достижения, вызовы и перспективы дальнейшего продвижения

Арктический регион становится одним из потенциальных центров международной политики, доказательством чего является возрастающая в Арктике за последнее время активность государств, в частности стран Северо-Восточной Азии (СВА). Их интерес к северным широтам во многом продиктован не только желанием не упустить своей выгоды в связи с изменением роли Арктики в системе международных координат, но также стремлением не дистанцироваться от существующих и потенциально возможных в данном регионе проблем.

Арктический сектор не только является мировым кладезем минеральных ресурсов, но и в результате таяния льдов превращается в глобальный транспортный узел [12, р. 2]. Возрастает вероятность превращения Северного морского пути (СМП) в важнейшую судоходную трассу мирового значения, отдельной проблемой является дальнейшая милитаризация Арктики, в том числе создание здесь военных объектов, что обостряет вызовы безопасности национальным интересам арктических государств и усугубляет международную ситуацию в регионе в целом.

Одной из активно участвующих в освоении и изучении Арктики внеарктических держав можно назвать Японию. В 1990 Япония становится членом Международного Арктического научного комитета и в этом же году создаёт научный центр по изучению вопросов окружающей среды в Арктике на базе Национального института полярных исследований (НИПИ). Через год, благодаря сотрудничеству НИПИ и норвежского правительства, в посёлке Нью-Олесунн (остров Шпицберген) открывается первая японская полярная станция [12, р. 2].

Япония заинтересована в использовании потенциала СМП, разработке природных ресурсов, получении контроля над рыбными ресурсами и планктонными организмами Арктики. В частности, японцам необходимы северные моря для ведения китобойного промысла (китовое мясо является традиционной пищей для японцев, и они от него, по-видимому, отказываться не собираются). Помимо явных достижений в области изучения и освоения арктических широт, Япония сталкивается с трудностями в этом направлении, из-за чего арктические перспективы Страны восходящего солнца рисуются далеко не в радужном свете.

Шаги Японии по наращиванию своего присутствия в Арктике

Хотя Япония находится далеко за пределами Арктики, она является морской державой и позиционирует себя как активный участник международных отношений, которому есть что сказать и предложить. Интерес Японии к Арктике определяется вышеназванной глобализацией арктического пространства и зависимостью процветания и благополучия Страны восходящего солнца от участия в арктической гонке.

В 2010 г. при министерстве иностранных дел Японии была учреждена рабочая группа по Арктике, которая занималась анализом и мониторингом происходящих в регионе изменений в экономике, безопасности, экологии и международном морском праве. О неподдельном интересе Японии к проблемам Арктики и в первую очередь к СМП свидетельствует создание в 2012 г.

парламентской Лиги за обеспечение безопасности СМП под председательством премьер-министра Синдзо Абэ.

Арктическая политика Японии, принятая японским кабинетом министров в 2013 г., выделяет следующие приоритетные области: наблюдение и исследование Арктики в глобальной перспективе; международное сотрудничество в Арктике; изучение возможности реализации СМП [11].

У Японии наблюдается концентрированный интерес к арктической проблематике. Не желая оставаться в стороне от мировых процессов, желая освоения ресурсов и возможностей арктического региона, Япония использует в том числе и приобретённый 15 мая 2013 г. статус наблюдателя в Арктическом совете, куда она подала заявку на членство в апреле 2009 г.¹ [16].

Исследования Арктики и, в частности, возможностей и перспектив Северного Морского пути (СМП) велись в Японии, начиная с 1990-х гг. В последнее время наблюдается активизация интереса к арктической теме в Японии, особенно после того, как этим вопросом стали плотно заниматься Китай и Республика Корея.

Помимо изучения материковых проблем Арктики на базе НИПИ, японская сторона осуществляет программы океанических и аэрокосмических исследований. В марте 2015 г. японский Консорциум по изучению арктической природной среды опубликовал долгосрочный план арктических исследований [14].

Проведённая Японией с использованием научно-исследовательского судна Хоккайдского университета "Осёро-мару" комплексная научная съёмка северной части Берингова моря, а также части Чукотского моря, прилегающей к Берингову проливу, не только ликвидировала пробелы в области арктических знаний, но и стала серьёзной заявкой на признание Японии полноценным членом "Арктического клуба". Правительство Японии рассчитывало на подобную оценку с учётом масштабов проделанной научной работы, в ходе которой были определены скорость и характер течений, измерена температура воды, собраны образцы планктона, ихтиофауны, проб для определения содержания микроэлементов в морской воде и её кислотности, проведены наблюдения за морскими птицами и китообразными и пр.

Перечисленные работы были проведены в рамках пятилетней программы GRENE² [9], ежегодный размер субсидирования которой составил 600 млрд. иен, полученных из госбюджета. Программа включила около 300 учёных от 35 научно-исследовательских институтов и университетов. Основной целью проекта стало прогнозирование процессов в состоянии арктической экосистемы в результате происходящих в настоящее время климато-океанологических изменений. Данные проекта показали, что в результате таяния полярных льдов в Чукотском море может произойти взрывное увеличение биомассы планктона, за которым нельзя исключать появление в арктических морях обитателей Берингова моря — минтая и даже лососей. Уменьшение площади ледового покрова в Баренцевом море может привести к смещению циклонической активности на север, активизации и расширению сибирского антициклона, что может отразиться на японском климате, сделав зимы на островах более холодными. Всё вышеизложенное показывает заинтересованность Японии в арктическом регионе, в направлении которого она движется, постоянно расширяя свои возможности.

В отличие от остальных, прежде всего, европейских стран-наблюдателей в Арктическом совете, которые всегда могут сослаться на свой большой опыт в исследовании Арктики, формирование арктического самосознания в Японии по большей части основывается на развитии научной дипломатии и потенциальном исследовательском партнёрстве с арктическими странами. Помимо научно-исследовательских баз в Нью-Олесунне на Шпицбергене у

¹ Кроме Японии статус наблюдателей получили еще пять государств: Индия, Италия, Китай, Сингапур, Южная Корея [5].

² Green Network of Excellence ("Зеленая сеть передового опыта") – научно-исследовательская программа по изучению климатических изменений в Арктике (2011–2016), созданная Министерством образования и науки Японии.

Японии есть опыт использования ледоколов для проведения различных полярных исследований [10].

Интерес к арктической проблематике исходит как непосредственно от японского правительства, так и от неправительственных организаций (в частности со стороны Азиатско-Тихоокеанского Форума (АТФ) и крупного японского бизнеса (по проблеме использования СМП)).

Существуют несколько достаточно важных тем, которые явным образом интересуют японское правительство. Приоритеты по степени важности можно расставить в следующей последовательности: научные исследования арктических морей для углубления научных знаний в области океанологии, физики и химии вод арктических морей для получения новых научных данных о морских биологических ресурсах, а также в целях прогнозирования долгосрочных климатических изменений; расширение сотрудничества и одновременно конкуренции с Россией, Китаем и другими азиатскими странами в деле совместной разработки ресурсов Арктики, в первую очередь месторождений углеводородного сырья; возможность практического использования СМП, в том числе в контексте параллельного фокуса на нерешённую проблему "северных территорий". Некоторые японские наблюдатели также обращают внимание на выработку международных стандартов и правил, касающихся защиты легко уязвимой окружающей среды Арктики [17].

В последние годы разработкой арктической стратегии Страны восходящего солнца занимаются Японский институт международных отношений и Научный фонд морской политики. Будучи морской державой, Япония стремится участвовать в нормотворческом регулировании международной арктической политики, и получение ею статуса постоянного наблюдателя в Арктическом совете можно расценивать как успех. Страна стоит перед выбором определения с вопросом о статусе мореплавания в Арктике: поддержать позицию США о свободе мореплавания или согласиться с требованиями России и Канады об уплате сборов за проход по арктическим маршрутам [12, p. 5]. Вышеизложенное имеет особое значение, учитывая, что на настоящий момент ещё нет чёткого закона, разделяющего арктические территории. Япония, как КНР и Республика Корея, старается всеми путями обрести нормативную основу для своего присутствия в Арктике, с целью получения части территорий при их возможном перераспределении.

Данный вопрос в Японии рассматривают в первую очередь с точки зрения заключения многосторонних конвенций, которые могли бы установить универсальные правила пользования пространствами и ресурсами Арктики. Правовой режим Арктики кардинально отличается от международно-правового режима Антарктики, где действуют универсальные многосторонние договоры, как, например, Договор об Антарктике 1959 г. Прибрежные арктические государства проводят свою, ни с кем не согласованную линию в освоении прилегающих территорий [17], что заставляет неарктические страны искать варианты выработки многосторонних соглашений.

Премьер-министр Японии Синдзо Абэ заявил, что правительство страны намерено сыграть активную роль в выработке международных правил навигации и разработки природных ресурсов в Арктике [19]. Выказывая подобные намерения, Япония нацелена на сотрудничество с Россией, дабы иметь поддержку мощной арктической державы, о чём свидетельствуют и уже проведённые и запланированные встречи глав государств.

На конференции 16 октября 2015 в Рейкьявике, в ходе которой были сформированы основные пункты первой комплексной арктической стратегии Японии [13], премьер Абэ заявил: "Быстрые климатические изменения в Арктике ставят перед международным сообществом новые задачи, которые глубоко связаны с интересами нашей страны". Теперь в поле зрения Японии попадает не только логистическая составляющая, но и главная ценность Арктики – запасы нефти и газа. Следовательно, Япония будет и дальше развивать данное направление.

Кроме того, Япония намерена быть не на последних ролях в создании международных правил, регулирующих прохождение морских путей и добычу полезных ископаемых в Северном Ледовитом океане. Немаловажное значение в подключении Японии к энергетическим проектам Арктики имеют Японская национальная корпорация по нефти, газу и металлам (в 2012 г. корпо-

рация профинансировала геологоразведочные работы компании "Greenland Petroleum Exploration Co., Ltd." на северо-востоке Гренландии) и Японский банк международного сотрудничества, специализирующийся на целевом кредитовании инфраструктурных проектов [15, p. 4].

Япония стремится продвигать науку и технологии в активизации ведущей роли в мировых процессах вокруг Арктики. Несмотря на конкуренцию и нерешённые политические вопросы с соседями по СВА, Япония не гнушается курса на сотрудничество с ними в арктическом направлении, рассчитывая на усиление своих позиций в регионе через поддержку со стороны Китая и Республики Корея, преследующих одинаковую с Токио цель [5].

После успешной проводки по СМП танкера с грузом сжиженного газа из порта Хаммерфест в Норвегии в Китаюсю, которую осуществила в ноябре-декабре 2012 г. российская госкорпорация "Газпром", японское государственно-частное партнёрство стало проявлять повышенное внимание к возможности использования северного маршрута. В полярных морях России проводку танкера обеспечивал атомный ледокол.

Ключевыми моментами для Японии, касательно возможностей использования СМП, являются сокращение времени и транспортных расходов, использование портов Хоккайдо для обслуживания этой транспортной артерии, а также предотвращение обострения противоречий заинтересованных стран по поводу пространства и ресурсов Арктики.

Япония стремится обеспечить себе особую роль в эксплуатации СМП. Свообразными "воротами в Азию" на этом пути может стать остров Хоккайдо. Портом базирования судов, следующих по СМП, планируется сделать Томакомаи, имеющий более привлекательное географическое положение по сравнению с южнокорейскими портами, претендующими на эту же роль, например, Пусан, масштабами и объёмами перевозок грузов превосходящий хоккайдские гавани. Таким образом в случае реализации проекта СМП, может разгореться нешуточное международное соперничество.

Правительство Японии заинтересовано в развитии и использовании арктических морских путей, поскольку они, прежде всего СМП, будут иметь огромное влияние на распространение судоходства во всём мире, что даст японским корпорациям новые транспортные возможности для экономического роста страны. Потому является естественным, что Япония не хочет пропускать выгоды и старается занять данную нишу.

В настоящее время Япония обеспечивает себя поставками энергетического сырья с ближневосточного североамериканского и южного (из Австралии) направлений, северное пока остаётся неосвоенным. Ещё один важный мотив, определяющий повышенный интерес Японии к Арктике, – энергетическая безопасность [18, p. 98]. Учитывая напряжённую обстановку на Ближнем Востоке, диверсификация морских путей доставки углеводородного сырья становится для Японии очень важной задачей [17]. Эта задача, похоже, будет решена в 2018, когда перевозки сжиженного газа с полуострова Ямал на арктическом побережье в Сибири начнутся на регулярной основе. Линию по доставке газа, добываемого в этом сибирском и арктическом районе, будет обслуживать крупнейший японский морской перевозчик "MITSUI O.S.K. LinesLtd.". Газ будет доставляться как в Японию и другие страны Северо-Восточной Азии, так и в европейские страны. Ежегодный объём перевозок сжиженного газа прогнозируется в 3 млн тонн.

Нынешняя стратегия Японии в области доступа к энергоресурсам Арктики заключается в том, чтобы на нынешнем этапе принимать участие в исследованиях месторождений полезных ископаемых совместно с арктическими странами для того, чтобы в будущем иметь преференции по условиям доступа к их ресурсам [12, p. 7].

Вторым по важности приоритетом для Японии является расширение сотрудничества и одновременно конкуренции с Россией, Китаем и другими азиатскими странами в деле совместной разработки ресурсов Арктики, в первую очередь месторождений углеводородного сырья.

Арктическое направление японо-российского сотрудничества

Для подтверждения своего присутствия в северных широтах Япония выражает готовность укреплять сотрудничество с арктическими странами, в

том числе с Россией. Согласно государственной политике РФ в Арктике [3], важным аспектом является оптимизация системы контроля над обстановкой в регионе, где Россия намерена сотрудничать с другими державами. Изменения в геополитической ситуации в мире в 2014 после событий на Украине наложили отпечаток на российские планы освоения Арктики, сделав актуальным взаимодействие крупнейшей арктической державы с новыми игроками на пространстве крайнего Севера в условиях санкций и волатильной конъюнктуры на рынке углеводородов.

Во взаимоотношениях с Россией Япония видит для себя некоторые положительные моменты. Прежде всего, экономические санкции и снижение цен на нефть, которые привели к кризисной ситуации в российской экономике, вынуждают Россию рассматривать целесообразность экономической помощи от Японии, даже несмотря на вероятность того, что Японии удастся получить от российской стороны стратегические уступки в отношении "северных территорий". События на энергетических рынках заставляют Токио, руководствующегося правилом хеджирования рисков, проявлять инициативу по оживлению сотрудничества с Россией в газовой сфере. В последнее время Япония и Россия вернулись к давней идее строительства газопровода с Сахалина на о. Хонсю протяженностью 1300 км и общей стоимостью около 6 млрд. \$, реализация которой позволит российской стороне нарастить свою долю на японском рынке природного газа до 17 % [7].

В 2012 г. Россия приняла во внимание заявку Японии на ее участие в качестве наблюдателя в Арктическом совете [6], что говорит об интересе России касательно стремления Японии в Арктику. Естественно, что этот интерес должен основываться на взаимовыгодном сотрудничестве и поддержке. Участие Японии в арктических делах не противоречит курсу России на установление подлинно добрососедских отношений [7]. Москва позитивно рассматривает участие японской стороны в разработке и реализации совместных проектов в Арктике (в частности "Ямал СПГ"), в том числе использование инвестиционных возможностей и технико-технологических достижений восточного соседа.

Хотя переговоры Синдзо Абэ и В. Путина 6 мая 2016 г., несмотря на провозглашенный "новый подход" и японский план "восми пунктов", не привнесли особого прогресса в двусторонние отношения [4], лидеры государств выразили намерение проводить двустороннее взаимодействие по вопросам Северного Ледовитого океана, используя механизм межмидовских консультаций.

Встреча В. Путина и С. Абэ 27 апреля 2017 г. показала, как изменились отношения Японии и России, и подтвердила взаимную заинтересованность обеих сторон. Сам факт этих переговоров в Кремле – свидетельство серьезного сдвига в непростых российско-японских отношениях, начало которому было положено в декабре 2016 г. во время визита российского президента в Японию. Стороны предметно обсуждали вопросы о совместном хозяйствовании на Южных Курилах, а также о расширении экономического сотрудничества в целом, включая совместное развитие СМП. Работа по совместному освоению морских путей и развитию приморских городов продолжается, и, учитывая заинтересованность Японии освоением Арктики, есть смысл полагать, что России целесообразно продолжать развитие взаимоотношений в этом направлении.

В то же время совместное освоение богатств Арктического региона и развитие международного судоходства по СМП не снимает с повестки дня щекотливые моменты арктической политики Токио, которые не совпадают с интересами России. Это касается, прежде всего, особых прав на льготное пользование СМП (а в перспективе его интернационализацию) в союзе с другими заинтересованными государствами, а также использование политико-дипломатических инициатив, направленных на нейтрализацию прав арктических на шельф и ревизию правового режима Арктики в пользу неарктических государств.

Краеугольным камнем японской внешней политики остается военно-политический альянс с США. Токио сейчас при любых обстоятельствах стремится избегать не только новой трещины в двусторонних отношениях с Вашингтоном, но даже малейшего недопонимания по основным пунктам

внешнеполитической повестки дня. В этой связи можно констатировать, что американо-японские отношения будут в ближайшие годы влиять на политику Японии в освоении Арктики.

Следует учитывать тот факт, что Япония обладает значительным финансово-экономическим и научно-технологическим потенциалом, который может оказаться полезным России в деле освоения Арктики. Однако России необходимо избирательно подходить к масштабам использования этого потенциала и аккуратно ходить по тонкому льду, балансируя между сотрудничеством с восточноазиатским игроком в Арктике и обеспечением национальной безопасности.

Проблемы, с которыми сталкивается Япония в арктическом направлении

Надо сказать, что под большим вопросом может оказаться будущее японских арктических исследований в ближайшие годы. Упомянутое судно "Осёро-мару" в ходе арктических исследований выполнило последний свой рейс перед списанием. Подводный беспилотник пока еще находится в проектном состоянии, и его практическое использование не решит всех проблем. Научные суда ледового класса есть только у Министерства обороны Японии, а согласно закону "О силах самообороны" оно может вести научные исследования только в Антарктике. В связи с этим другие заинтересованные министерства Японии (Министерство науки и образования, Министерство государственных земель и транспорта) приступили к рассмотрению вопроса строительства нового научного судна ледокольного класса специально для международных арктических исследований, для строительства которого понадобятся несколько сотен млн \$. Помимо осуществления международных программ, судно также будет вести и самостоятельные работы в Северном Ледовитом океане, что даст возможность Японии расширить своё присутствие в Арктике [17].

В то же время японские аналитики признают и наличие проблем, которые будут оказывать влияние на степень эффективности эксплуатации СМП. Это в первую очередь суровые климатические условия, из-за которых могут меняться длительность навигации и скорость проводки судов. Кроме того, использование ледокольного флота для сопровождения транспортов значительно удорожает эксплуатацию СМП. Также Японию тревожит безлюдное побережье и слабая инфраструктура российских портов за полярным кругом. Не может не беспокоить Японию, что в случае запуска СМП, в Тихом океане может усилиться присутствие российского военно-морского контингента, в т.ч. атомных подлодок, что способно привести к дисбалансу сил в АТР [1, с. 23].

Кроме того, Японии необходимо учитывать позиции арктических держав, обеспокоенных присутствием в Арктике других стран с точки зрения обеспечения своих национальных интересов и безопасности территорий, чтобы держать дипломатические отношения с ними на приемлемом уровне [11]. В реализации своей практической политики в Арктике Япония придает особое значение созданию стабильной и безопасной международной среды. В то же время японское руководство считает Северный Ледовитый океан общечеловеческим достоянием и исходит из того, что его экономическое освоение должно быть взаимовыгодным для всех участников. [10, р. 4] Таким образом, участие Японии в расширении и дифференциации международных связей за полярным кругом не снимает с повестки дня арктических государств проблему выработки оптимальной национальной стратегии, направленной на нюансирование противоречий в Арктике и развитие взаимовыгодного сотрудничества.

Еще одним проблемным аспектом арктических устремлений Японии остается китобойный промысел, вызывающий сильную неприязнь у многих организаций по защите окружающей среды. Япония разработала новую программу под названием NEWREP-A, которая предполагает добычу 3 996 китов-полосатиков в течение ближайших 12 лет [8]. В мае 2015 г. научный комитет Международной комиссии по промыслу китов заявил, что в этой программе "недостаточно информации", потребовав от японского правительства больших доказательств необходимости "научного промысла" [8]. Однако уже в октябре японская сторона сообщила ООН о непризнании юрисдикции международного суда и намерении возобновить промысел.

По-видимому, эта проблема еще будет фигурировать как минимум несколько лет, так как, зная японский консерватизм и следование традициям, замену национальному деликатесу найти смогут не сразу. Также не стоит забывать, что торговля китовым мясом это и большая часть доходов и бюджета и частных компаний, которые являются противниками идеи лишиться своей деятельности.

Нельзя обойти вниманием и экологический фактор. Страна, инициировавшая Киотский протокол, традиционно придает огромное значение последствиям глобального потепления. В их числе ускорение процесса таянья льда в арктических водах и сокращение площади ледяного покрова в Арктике. Особое место в ряду арктических проблем занимают экологические риски, связанные, в том числе, с потенциально возможными разливами нефти, а также с утечкой загрязняющих веществ, в связи с возрастающей активностью навигации по СМП [2, с. 487].

Заключение

Исходя из вышесказанного, можно констатировать у Японии целый ряд трудностей в освоении Арктики, что, несомненно, не умаляет наличие у неё достижений в области арктических научных исследований, а также активной заинтересованности в участии в решении международных арктических вопросов, что свидетельствует о твердых намерениях Страны восходящего солнца продолжать претворять в жизнь свою арктическую политику.

Постулируя значимость арктического направления внешней политики в контексте решения международных проблем, Токио в то же время руководствуется вопросами безопасности, стремясь не допустить перерастания экономических, экологических, геополитических проблем в поле открытой силовой конфронтации.

Развитие экономических и политических отношений с Россией способно ускорить продвижение и укрепление Японии в Арктике. В свою очередь, арктическое направление двустороннего сотрудничества является важным в аспекте сглаживания существующих между государствами коллизий, в том числе и повышения возможности решения территориальной проблемы. Важно, чтобы обе стороны осознавали взаимную выгоду этого сотрудничества и стремились взаимодействовать в данном направлении.

Литература

1. Золотухин И.Н. Северный морской путь как трансокеаническая магистраль. Проблемы освоения в аспекте интересов держав Северной Пацифики: взгляд из России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 2. С. 16–29.
2. Крипакова А.В. Политика Японии в Арктике: институциональные и нормативные основы // Молодой ученый. 2016. № 25. С. 486–488.
3. Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 года и на дальнейшую перспективу, утвержденные Указом Президента РФ от 17 декабря 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2009/03/30/arktika-osnovy-dok.html> (дата обращения 15.06.2017).
4. Российско-японские переговоры: Бог любит троицу [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/politic/20160513/236522902.html> (дата обращения: 26.06.2017).
5. Слаженное трио. [Электронный ресурс]. URL: <http://arctic.gov.ru/News/616151ec-e6a3-e511-80c7-9cddd716059e?nodeId=9ce9c1ed-d94b-e511-825f-10604b797c23&page=1&pageSize=10> (дата обращения: 18.06.2017).
6. Совместное заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о развитии российско-японского партнерства. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/44992802/> (дата обращения: 12.07.2017).
7. Стрельцов Д.В. Российско-японские отношения: системный кризис или новые возможности? [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5153#top-content (дата обращения: 24.06.2017).
8. Япония опять будет убивать китов в "научных" целях [Электронный ресурс]. URL: <http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/2015/01-12-2015-whalingHuntJapan/> (дата обращения: 19.06.2017).
9. Arctic Climate Change Research Project. Rapid Change of the Arctic Climate System and its Global Influences (2011-2016) [Электронный ресурс]. URL: http://www.nipr.ac.jp/grene/e/grene_E.pdf (дата обращения: 10.07.2017).

10. Asari H. Recommendations for Japan's Diplomacy// "Arctic Governance and Japan's Diplomatic Strategy" Project. Chapter 8 [Электронный ресурс]. URL: https://www2.jiaa.or.jp/en/pdf/research/2012_arctic_governance/08e-recommendations.pdf (дата обращения:11.07.2017).
11. Basic Plan on Ocean Policy // Prime Minister of Japan and his Cabinet, April 2013 [Электронный ресурс]. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/kihonkeikaku/130426kihonkeikaku_je.pdf (дата обращения:14.06.2017).
12. Grzela J. Japan's Arctic policy [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/9676965/Japan_s_Arctic_policy (дата обращения:13.07.2017).
13. Japan's Arctic Policy (provisional English translation) // Arctic Portal Library, 21.10.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.library.arcticportal.org/1883> www.russiancouncil.ru (дата обращения:19.06.2017).
14. Long-Term Plan for Arctic Environmental Research // Japan Consortium for Arctic Environmental Research [Электронный ресурс]. URL: http://www.jcar.org/menu06/documents/longterm-e20150330_summary.pdf (дата обращения:23.06.2017).
15. Makhijani Sh. Fossil Fuel Exploration Subsidies: Japan // Oil Change International, November 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/9270.pdf> (дата обращения:17.06.2017).
16. Observers of the Arctic Council// Arctic Council (official website) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.arctic-council.org/index.php/en/about-us/arctic-council/observers> (дата обращения:29.06.2017).
17. Sinclair J. Japan and the Arctic not so poles apart [Электронный ресурс]. URL: http://oilgas-info.jogmec.go.jp/pdf/5/5225/201403_039a.pdf (дата обращения:24.06.2017).
18. Tonami A., Watters S. Japan's Arctic Policy: The Sum of Many Parts // Arctic Yearbook. 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.arcticyearbook.com/images/Articles_2012/Tonami_and_Watters.pdf (дата обращения:29.06.2017).
19. Toriumi Sh. The Potential of the Northern Sea Route [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yomiuri.co.jp/adv/chuo/dy/opinion/20110228.html> (дата обращения:25.06.2017).

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Zolotukhin I.N. Severnyj morskoy put' kak transokeanicheskaya magistral'. Problemy osvoeniya v aspekte interesov derzhav Severnoj Patsifiky: vzglyad iz Rossii // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2013. № 2. S. 16–29.
2. Kripakova A.V. Politika Yaponii v Arktike: institutsional'nye i normativnye osnovy // Molodoj uchenyj. 2016. № 25. S. 486–488.
3. Osnovy gosudarstvennoj politiki RF v Arktike na period do 2020 goda i na dal'nejshuyu perspektivu, utverzhdenные Ukazom Prezidenta RF ot 17 dekabrya 2008 g. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2009/03/30/arktika-osnovy-dok.html> (дата обращения:15.06.2017).
4. Rossijsko-yaponskie peregovory: Bog lyubit troitsu [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/politic/20160513/236522902.html> (дата обращения:26.06.2017).
5. Slazhennoe trio. [Электронный ресурс]. URL: <http://arctic.gov.ru/News/616151ec-e6a3-e511-80c7-9cddd716059e?nodeId=9ce9c1ed-d94b-e511-825f-10604b797c23&page=1&pageSize=10> (дата обращения:18.06.2017).
6. Sovmestnoe zayavlenie Prezidenta Rossijskoj Federatsii i Prem'er-ministra Yaponii o razvitii rossijsko-yaponskogo partnerstva. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/44992802/> (дата обращения:12.07.2017).
7. Strel'tsov D.V. Rossijsko-yaponskie otnosheniya: sistemnyj krizis ili novye vozmozhnosti? [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5153#top-content (дата обращения:24.06.2017).
8. Yaponiya opyat' budet ubivat' kitov v "nauchnykh" tselyakh [Электронный ресурс]. URL: <http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/2015/01-12-2015-whalingHuntJapan/> (дата обращения:19.06.2017).
9. Arctic Climate Change Research Project. Rapid Change of the Arctic Climate System and its Global Influences (2011-2016) [Электронный ресурс]. URL: http://www.nipr.ac.jp/grene/e/grene_E.pdf (дата обращения:10.07.2017).
10. Asari H. Recommendations for Japan's Diplomacy// "Arctic Governance and Japan's Diplomatic Strategy" Project. Chapter 8 [Электронный ресурс]. URL: https://www2.jiaa.or.jp/en/pdf/research/2012_arctic_governance/08e-recommendations.pdf (дата обращения:11.07.2017).
11. Basic Plan on Ocean Policy // Prime Minister of Japan and his Cabinet, April 2013 [Электронный ресурс]. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/kihonkeikaku/130426kihonkeikaku_je.pdf (дата обращения:14.06.2017).
12. Grzela J. Japan's Arctic policy [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/9676965/Japan_s_Arctic_policy (дата обращения:13.07.2017).

13. Japan's Arctic Policy (provisional English translation) // Arctic Portal Library, 21.10.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.library.arcticportal.org/1883> www.russiangouncil.ru (data obrashheniya:19.06.2017).
14. Long-Term Plan for Arctic Environmental Research // Japan Consortium for Arctic Environmental Research [Электронный ресурс]. URL: http://www.jcar.org/menu06/documents/longterm-e20150330_summary.pdf (data obrashheniya:23.06.2017).
15. Makhijani Sh. Fossil Fuel Exploration Subsidies: Japan // Oil Change International, November 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/9270.pdf> (data obrashheniya:17.06.2017).
16. Observers of the Arctic Council // Arctic Council (official website) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.arctic-council.org/index.php/en/about-us/arctic-council/observers> (data obrashheniya:29.06.2017).
17. Sinclair J. Japan and the Arctic not so poles apart [Электронный ресурс]. URL: http://oilgas-info.jogmec.go.jp/pdf/5/5225/201403_039a.pdf (data obrashheniya:24.06.2017).
18. Tonami A., Watters S. Japan's Arctic Policy: The Sum of Many Parts // Arctic Yearbook. 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.arcticyearbook.com/images/Articles_2012/Tonami_and_Watters.pdf (data obrashheniya:29.06.2017).
19. Toriumi Sh. The Potential of the Northern Sea Route [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yomiuri.co.jp/adv/chuo/dy/opinion/20110228.html> (data obrashheniya:25.06.2017).

Дорошев А.Ю. Арктическая политика Японии: достижения, вызовы и перспективы дальнейшего продвижения.

С учётом возросшего стратегического и экономического значения Арктического региона в международных отношениях, особый интерес исследователей представляют действия государств, не имеющих прямого выхода в акваторию Северного Ледовитого океана. Статья посвящена становлению и современному состоянию арктической политики Японии. В статье отражены основные японские интересы в Арктике, содержание арктической политики, включая научно-исследовательское, транспортно-логистическое, политическое направления. В работе также был использован анализ влияния международной ситуации на формирование и обоснование позиций Японии в Арктическом регионе.

Ключевые слова: Япония, Арктика, арктическая политика Японии, Северный морской путь, Арктический Совет

Doroshev A.Yu. Japan's Arctic Policy: Achievements, Challenges and Prospects for Further Advancement.

Taking into account the increased strategic and economic significance of the Arctic region in international relations, the actions of states which do not have direct access to the Arctic Ocean induce the special interest of researchers. The article observes the formation and current state of Japan's Arctic policy and reflects the main Japanese interests in the Arctic as well as the content of Arctic policy, including research, transport, logistics, and political issues. The analysis of the influence of the international situation on the formation and substantiation of Japan's positions in the Arctic region is also used in the work.

Key words: Japan, Arctic region, Japan's Arctic Policy, Northern Sea Route, Arctic Council

Для цитирования: Дорошев А.Ю. Арктическая политика Японии: достижения, вызовы и перспективы дальнейшего продвижения // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 2. С. 154–162. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-2/154-162

For citation: Doroshev A.Yu. Japan's Arctic Policy: Achievements, Challenges and Prospects for Further Advancement // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 2. P. 154–162. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-2/154-162

100 лет историческому факультету ДВФУ

24 мая 1899 г. Николаем II было утверждено "мнение Государственного Совета об учреждении Восточного Института" – первого высшего учебного заведения на Дальнем Востоке России.

Открытие Восточного Института (ВИ) состоялось 21 октября 1899 г. Именно последнюю дату мы традиционно отмечаем и как день рождения Университета, и как день, с которого началась история высшего образования на Дальнем Востоке России. И хотя среди преподавателей и студентов ВИ не было тех, кого бы именовали "историки", мы можем говорить о том, что среди них были наши коллеги: специалисты по страноведению, первые дальневосточные ориенталисты.

Среди тех, кто закладывал основы научной школы исторических исследований Дальнего Востока России, были: *Александр Васильевич Гребенщиков*, впервые озвучивший идею создания кафедры археологии в ВИ; *Евгений Генрихович Спальвин*, написавший "Обзор политического устройства Японии в прошлом и настоящем" (Владивосток, 1910); *Николай Васильевич Кюнер* – с 1902 г. профессор кафедры истории и географии Восточного Института, первым в России начавший читать систематические курсы по истории, географии, этнографии и культуре стран Дальнего Востока, автор трудов "Исторический обзор развития китайской культуры и ее роли в жизни народов Восточной Азии" (Владивосток, 1907), "Новейшая история Дальнего Востока. Обзор источников" (Владивосток, 1912) [См.: 1, с. 13–31].

Начало высшему историческому образованию на Дальнем Востоке России положило открытие в 1918 г. во Владивостоке нового высшего учебного заведения – частного историко-филологического факультета [См.: 2, с. 3–12].

Этому способствовали два обстоятельства. С одной стороны, большое количество молодежи, жаждущей высшего образования, с другой – квалифицированные преподавательские кадры: с началом Гражданской войны на Дальний Восток потянулись беженцы, среди которых было немало преподавателей высшей школы – из Казани, Томска, Петрограда, Москвы и других регионов России. Открытию историко-филологического факультета во многом способствовала и огромная потребность в учителях гимназий, школ, грамотных чиновниках и пр.

У истоков частного историко-филологического факультета стояли "заброшенные" на Дальний Восток Гражданской войной *Сергей Михайлович Широкогоров* – заведующий отделом антропологии Музея антропологии и этнографии Российской Академии наук; а также преподаватели ВИ – шесть профессоров которого вошли в инициативную группу по созданию частного историко-филологического факультета: П.П. Шмидт, Г.В. Подставин, А.В. Гребенчиков, В.И. Кохановский, Н.В. Кюнер, Е.Г. Спальвин (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 521. Л. 14–16)¹.

Первым деканом частного историко-филологического факультета был *Матвей Николаевич Еришов* – профессор Казанской духовной академии и приват-доцент Казанского университета (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 521. Л. 22), впоследствии известный историк и философ.

Преподавательский штат частного историко-филологического факультета состоял из семи преподавателей и четырех лекторов для чтения лекций

¹ РГИА ДВ – Российский государственный архив Дальнего Востока.

и ведения семинаров на первом курсе. На должность штатных преподавателей на первый курс приглашались четыре человека: профессор М.Н. Ершов по кафедре философии; этнограф А.М. Мерварт по кафедре сравнительного языкознания и санскрита с возложением на него чтения курса по истории Греции и практических занятий по латыни; филолог Л.А. Мерварт по кафедре западноевропейской литературы с возложением на неё лекций и практических занятий по сравнительному языкознанию; антрополог С.М. Широкогоров по кафедре сибириеведения с возложением на него лекций и ведения практических занятий по русской истории.

На должность штатных академических преподавателей приглашались три профессора ВИ: А.В. Гребенщиков на чтение курса и проведение практических занятий по экспериментальной фонетике; профессор Н.В. Кюнер на чтение курсов и проведение практических занятий по истории Древнего Востока, географии и истории Сибири; профессор П.П. Шмидт на чтение курса по введению в языкознание. Для занятия языками приглашались четыре лектора: К.А. Котельникова (латынь и греческий язык), А.А. Вегнер (немецкий язык), М.Г. Полевич-Булан (французский язык), И.А. Смит (английский язык) (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 521. Л. 17-18).

16 октября 1918 г. частный историко-филологический факультет начал занятия в здании ВИ. Этот день считается днем рождения высшего исторического образования на Дальнем Востоке России, и 16 октября 2018 г. высшее историческое образование на российском Дальнем Востоке будет отмечать свой столетний юбилей.

На факультете создавалось 10 кафедр: философии, классической филологии, сравнительного языкознания и санскритского языка, русского языка и словесности, славянской филологии, истории всеобщей, русской истории, истории западноевропейских литератур, истории Церкви, теории и истории искусств.

На первом году обучения факультет пополнился новыми преподавателями. На кафедру русского языка и литературы был взят прибывший из Казани *Александр Петрович Георгиевский* – выпускник историко-филологического факультета Петроградского университета и Петроградского археологического института по специальности архивоведение. На кафедру русской истории поступили А.М. Гневушев – профессорский стипендиат Киевского университета, директор Красноярской второй женской гимназии, знаток истории средневековой Руси, и В.М. Грибовский – профессор Томского университета; на кафедру педагогики – магистр богословия, автор работ по педагогике Я.Д. Коблов (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 521. Л. 34–35).

17 апреля 1920 г. ВИ, частный историко-филологический факультет, а также частные юридический и экономический факультеты (последний из структуры частного политехнического института) были объединены в Государственный Дальневосточный университет [3, док. № 188, с. 287].

При всех проблемах существования ГДУ в 1920-е гг. Университету удавалось сохранять преемственность своих научных и педагогических школ, поддерживать их традиции и высокий научный уровень. Эти традиции и преемственность были разрушены в 1939 г., когда Университет был закрыт. К тому времени были репрессированы многие преподаватели, стоявшие у истоков высшего образования на Дальнем Востоке России, в том числе и исторического.

В 1943 г. появился вуз, которому суждено было продолжить эти, казалось бы, безвозвратно потерянные традиции – Владивостокский государственный педагогический институт (ВГПИ). Заслуга в открытии ВГПИ принадлежит *Григорию Семеновичу Куцему*, на тот момент заведующему Примкрайоно, с 1953 г. – директору ВГПИ.

Одним из организаторов Владивостокского Учительского института, на базе которого был создан ВГПИ, был *Сергей Александрович Низяев*. Он стоял и у истоков создания исторического факультета ВГПИ, став в 1943 г. первым деканом исторического факультета ВГПИ. Выпускниками ВГПИ были те, кого называют в числе своих Учителей представители разных поколений историков, работающих и работавших в ДВФУ. Владивостокский педагогический институт окончили в разное время *Лидия Алексеевна Демченко*, *Идея Иосифовна Глуценко*, *Аркадий Ефимович Ларин* (долгие годы возглавляв-

ший кафедру всеобщей истории), *Елена Афанасьевна Майорова*, *Элеонора Васильевна Ермакова* (декан и заведующая кафедрой отечественной истории), *Андрей Иванович Крушанов* (академик, организатор и впоследствии директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН).

На базе ВГПИ в 1956 г. усилиями ректора, замечательного историка – *Григория Семеновича Куцего* был "восстановлен" Университет. Можно утверждать, что судьба Университета повторила судьбу нашей страны и ее людей: в 1918 – 1920-е гг., лавируя между красными и белыми, Университет рождался; в 1930-е гг. был репрессирован и впал в забвение, в 1956 г. – реабилитирован и восстановлен в правах.

В 1959 г. впервые были приняты 25 студентов-правоведов. Открытие правоведения привело к реорганизации историко-филологического факультета, его разделили в 1958 г. на два факультета: филологический и историко-правовой с двумя специальностями: история и правоведение [1, с. 182].

На историческом (историко-филологическом, историко-правовом) факультете ДВГУ работали выдающиеся дальневосточные историки, доктора исторических наук *Давид Лазаревич Бродянский*, *Алексей Пантелеевич Деревянко*, *Андрей Иванович Крушанов*, *Виталий Владимирович Савастеев*, *Григорий Александрович Унпелев*, *Анна Григорьевна Черных*, *Эрнст Владимирович Шавкунов* и другие известные ученые и выдающиеся преподаватели.

В 1970–1980-е гг. исторический факультет ДВГУ – кузница кадров историков для всего Дальневосточного региона, как и весь Университет, получил значительное развитие. Постоянно укреплялась материальная база. В 1975 г. переехали в долгожданный новый учебный корпус (Октябрьская, 27, блок "Б"). Кафедры получили отдельные помещения. Были открыты методические кабинеты с литературой, кабинет технических средств обучения, музейная комната. Появилось большое число современных учебных аудиторий. Улучшилось оснащение оборудованием, инвентарем, мебелью.

Одновременно проходило и организационное укрепление. В 1966 г. прекращен эксперимент с четырехлетним обучением, устанавливался единый – пятилетний – срок. В итоге в 1970 г. выпуск был только на заочном отделении. В 1974 г. вдвое – с 25 до 50 человек – был увеличен прием на дневное отделение. Рост контингента стал основанием для обретения историками самостоятельности. В следующем году историко-правовой факультет был разделен на два: исторический и юридический. Первым деканом истфака стал *Степан Григорьевич Григорьев* – фронтовик, командир гвардейских минометов, названных потом "Катюшами", с которыми он прошёл славный героический боевой путь от Москвы до фашистского логова – Берлина.

Впоследствии факультет возглавляли *Рим Мисбахович Самигулин* (1978–1987 и 1989–1991), *Элеонора Васильевна Ермакова* (1987–1989), в 1990-е–2000-е гг. деканами успешно работали *Олег Владимирович Сидоренко* (1991–2002) и *Зинаида Алексеевна Ковалева* (2002–2012).

В ходе перестройки, в 1988 г., на волне роста общественного интереса к истории, в разовом порядке прием на очное был увеличен на 25 человек. На январь 1990 г. общее число обучающихся на факультете составило около 900 человек. С начала 1990-х гг. и в образовании ведущую роль стали приобретать рыночные интересы и механизмы по их реализации. В 1991 г. было закрыто вечернее отделение. Срок обучения на заочном сокращен с 6 до 5 лет. Контингент обучающихся на Истфаке стал снижаться.

Формирование контингента обучающихся на Истфаке в 1970–1980-е гг. особых проблем не представляло ввиду бесплатного обучения, малого числа гуманитарных специальностей в вузах региона. Без расхода средств на профориентацию, преференции для поступающих из центра страны, престиж ДВГУ и факультета обеспечивал ежегодное поступление до 30–35 % студентов из-за пределов края, до 15–20 % – из-за пределов Дальнего Востока. На факультете учились студенты из Читы, Бурятии, Ангарска, Тюмени, Казахстана, Краснодарского края, Молдавии, Черниговской, Хмельницкой и других областей СССР. Во все времена конкурс на "историю" занимал первые три места из 15–20 специальностей ДВГУ, при высоком уровне школьной подготовки поступающих.

Начиная с конца 1950-х гг., в ДВГУ постоянное внимание уделялось подготовке преподавателей и повышению их качества. Использовались такие формы, как направление студентов для завершения обучения на стажировку и в аспирантуру в Томский, Уральский университеты, но, как правило, в центральные вузы страны. В 1970-х–1980-х гг. прошли обучение в аспирантуре ведущих исторических школ страны и защитили диссертации: в МГУ – Г.А. Казачун, Ю.И. Курбатов, В.Б. Хлебникова; в ЛГУ – А.В. Березкин, Е.Ю. Тимофеева, И.К. Авилова, В.А. Печенкина, О.В. Сидоренко; в ТГУ – К.А. Троицкая. Собственную аспирантуру ДВГУ окончили Р.М. Самигулин, В.В. Совастеев, А.Г. Унпелев, С.С. Балдин. В порядке соискательства защитили диссертации работающие преподаватели: Д.Л. Бродянский, Г.С. Сараджан, Е.А. Лыкова, Э.Н. Осокина.

В результате, если в 1968 г. процент остепененных преподавателей составлял около 50 %, то в 1982 г. – 76,2 %, а в 1987 г. – 82,6 % (при среднем в ДВГУ – 61,5 %). Каждый преподаватель раз в пять лет проходил обязательное четырехмесячное обучение на ФПК МГУ.

Основной проблемой в подготовке кадров являлась подготовка докторов наук. Это было связано с удаленностью основной источников и литературной базы (Томск, Москва, Ленинград), крайне ограниченным числом диссертационных советов (от Владивостока до Байкала – один совет), трудностями в опубликовании монографий. В итоге, если в 1960-е гг. было защищено 2 докторские диссертации, то в 1970-х – 0, в 1980-х – 1. Тем не менее, в целом по качеству преподавательского состава исторический факультет занимал призовые места в Университете.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. перед историческим сообществом встали сложнейшие задачи перестройки образования, связанные с изменением политики страны в области подготовки специалистов-гуманитариев в вузах, обеспечением процесса обучения современной материально-технической базой, научной и методической литературой, отходом от догматического толкования исторических событий. С февраля 1993 по 2000 г. исторический факультет ДВГУ возглавляли *Олег Владимирович Сидоренко* (декан) и *Андрей Павлович Ботнар* (зам. декана).

Политика гласности, обсуждение всеми слоями общества ранее закрытых тем отечественной истории потребовали от коллектива исторического факультета кардинального пересмотра своей работы.

Традиции исторического факультета, сильный кадровый состав (в 1992 г. более 78 % преподавателей имели ученые степени и звания) позволили в сжатые сроки перестроить учебный процесс и добиться ощутимых результатов. В 1994 г. на факультете появились две новые специальности "Регионоведение" и "Философия", было открыто философское отделение. По специальности "Регионоведение" была разработана специализация – историк-регионовед по англоязычным странам Азиатско-Тихоокеанского региона (США, Австралия, Новая Зеландия, Канада). В конце 1990-х гг. началась подготовка специалистов по специальностям "Теология" и "Религиоведение".

В 1990-е гг. обучение на факультете истории и философии велось по пяти специальностям: история, философия, регионоведение, религиоведение, культурология по двум специализациям: историк-педагог, историк-исследователь. По всем специальностям прием осуществлялся на дневное и заочное обучение.

В 1990-е гг. преподаватели факультета истории и философии защитили две докторские и четыре кандидатские диссертации, что позволило значительно повысить качество обучения, открыть аспирантуру по философии, всеобщей истории, археологии (аспирантура по отечественной истории была открыта в 1986 г.).

Особый вклад в развитие факультета внесли профессора Э.В. Ермакова, Э.В. Шавгунов, В.В. Совастеев, Д.Л. Бродянский, принимавшие активное участие в разработке новых учебных курсов, организации международных конференций, получивших признание за рубежом.

Нельзя не упомянуть профессоров И.И. Глущенко, К.Ф. Лыкова, С.В. Плохих, Е.А. Лыкову, А.А. Биневского, Р.М. Самигулина, Н.А. Троицкую, Г.П. Куликова, доцентов В.Н. Кравцова, Ю.И. Курбатов, Л.А. Демченко, С.М. Дударёнок, Г.А. Казачун, Н.Л. Малинину, И.К. Авилову, старших

преподавателей А.П. Ботнаря, А.А. Шербину, Л.Л. Столетневу, чьи жизненный опыт, знание традиций высшей школы, высокий профессионализм оказали решающее влияние на развитие гуманитарных наук в ДВГУ, прежде всего в структуре факультета истории и философии.

С 1992 г. исторический факультет получил возможность знакомиться с опытом подготовки историков за рубежом. Именно тогда был заключен договор о сотрудничестве, во многом благодаря помощи А.В. Александрова, с Калифорнийским университетом (Сакраменто, США), что позволило 6 нашим студентам получить международные сертификаты в 1993 г. В 1996 г. кафедре археологии, этнографии, истории мировой культуры выиграла грант на стажировку в Мэрилендский университет (США), где преподаватели и студенты получили благожелательные отзывы зарубежных коллег по итогам командировки. В 1990-е гг. профессор *Галина Ивановна Каневская* установила связи с университетами Австралии, КНР, активно занимаясь проблемами русской эмиграции.

В последующие годы названия факультета неоднократно менялись – историко-филологический, историко-правовой, исторический, истории и философии. С 2000 г. исторический факультет входит в структуру Института истории и философии, а с 2007 г. в Институт истории, философии и культуры ДВГУ. В 2010 г. в результате объединения четырех ведущих вузов Дальнего Востока был сформирован Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ), и с этого времени историческое образование реализуется в Школе гуманитарных наук ДВФУ. В 2018 г. Школа гуманитарных наук ДВФУ была преобразована в Школу искусств и гуманитарных наук.

С начала непрерывного исторического образования в регионе (1943 г.) Университетом подготовлено около 4,8 тыс. специалистов, занятых в сфере образования, науки, в органах государственного и муниципального управления, ФСБ, МВД и т.д. Из числа выпускников Истфака 1960–1980-х гг. каждый пятый стал кандидатом или доктором наук, в том числе философских, социологических, экономических, политических, педагогических и др. Более 80 % сотрудников Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН – выпускники нашего Истфака!

Итак, становление исторического образования началось в Восточном Институте, продолжилось в частном историко-филологическом факультете, ГДУ, ВГПИ, ДВГУ и продолжает развиваться в Дальневосточном федеральном университете. В истории становления и развития исторического образования воедино слились прошлое, настоящее и будущее.

Мы благодарны прошлому, в котором закладывались традиции исторического образования. Мы благодарны настоящему, которое дало могучий импульс развитию исторического образования и исторической науке. Мы входим в будущее с большим потенциалом в области учебной и научной деятельности.

Историческое образование в ДВФУ празднует свой **СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ!** В ожидании ПРАЗДНИКА мы вспоминаем о тех, кто создавал исторический факультет, ставший одним из ведущих исторических факультетов нашей страны и кузницей кадров для всего Дальнего Востока.

Праздник – это минутная остановка, как говорил великий российский историк В. О. Ключевский, чтобы осмотреться, перевести дух, оглянуться на пережитое, сосчитать прожитые годы и проверить направление движения.

Литература

1. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899-1999. Владивосток: ДВГУ, 1999. 704 с.
2. Ермакова Э.В. Становление исторического и филологического образования на Дальнем Востоке // 85 лет высшему историческому и филологическому образованию на Дальнем Востоке России: материалы научной конференции 4-5 марта 2003 г. Часть 1. Владивосток: ДВГУ, 2003. 508 с.
3. История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. 1899-1939. Владивосток: ДВГУ, 1999. 628 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Dal'nevostochnyj gosudarstvennyj universitet. Istoriya i sovremennost'. 1899-1999. Vladivostok: DVGU, 1999. 704 s.
2. Ermakova E.H.V. Stanovlenie istoricheskogo i filologicheskogo obrazovaniya na Dal'nem Vostoke // 85 let vysshemu istoricheskomu i filologicheskomu obrazovaniyu na Dal'nem Vostoke Rossii: materialy nauchnoj konferentsii 4-5 marta 2003 g. CHast' 1. Vladivostok: DVGU, 2003. 508 s.
3. Istoriya Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta v dokumentakh i materialakh. 1899-1939. Vladivostok: DVGU, 1999. 628 s.

Дударенок С.М. 100 лет историческому факультету ДВФУ.

Dudaryonok S.M. 100 years of historical faculty FEFU.

Для цитирования: Дударенок С.М. 100 лет историческому факультету ДВФУ // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 2. С. 163–168. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-2/163-168

For citation: Dudaryonok S.M. 100 years of historical faculty FEFU // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 2. P. 163–168. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-2/163-168

Как развиваются республики на востоке России?

10–11 июня 2018 г. на базе Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ) состоялся всероссийский научно-практический семинар "Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития (1991–2016 гг.)". В мероприятии, которое было реализовано в рамках одноимённого проекта при содействии филиала Фонда Розы Люксембург в Российской Федерации, приняли участие 32 учёных-специалиста в области регионального развития, представители государственной и муниципальной власти, СМИ, в том числе 12 иногородних участников.

Основная цель встречи заключалась в обсуждении текущего социально-экономического, демографического и территориального развития пяти республик на востоке России: республик Алтай, Бурятия, Тува, Хакасия (Сибирский федеральный округ), Саха (Якутия) (Дальневосточный федеральный округ). Ключевые доклады семинара были опубликованы в специальном сборнике [1], электронные версии сборника и программы размещены на сайте ИМБТ СО РАН (imbtr.ru).

Организатор встречи и руководитель проекта к.и.н., заведующий научно-организационным отделом ИМБТ СО РАН А.С. Бреславский в своём вступительном докладе очертил научную и социальную значимость мероприятия. Он отметил, что существующие, вполне объективные, условия регионального экономического неравенства поддерживают аутсайдерские позиции республик во многих всероссийских рейтингах экономического, социально-демографического и территориального развития.

Далее работа семинара проходила в рамках пяти секций, которые завершились общим обсуждением итогов встречи за круглым столом "Как развиваются республики на востоке России?".

Доклады первой секции "Качество и уровень жизни" дали комплексную и сравнительную характеристику социально-экономических условий жизни в республиках. В своих выступлениях к.с.н. Винокурова А.В. (ДВФУ), к.э.н. Дугаржапова Д.Б., к.и.н. Башкуева Е.В. (БНЦ СО РАН), к.и.н. Харунова М.М.-Б. (ТувИКОПР СО РАН) показали, как изменились занятость, доходы, структура потребления, образ жизни и социальное самочувствие населения в республиках, задав общий тон для последующей дискуссии.

Доклады второй секции "Этнодемографические процессы", представленные д.с.н. Петровой Е.В. (ИМБТ СО РАН), к.и.н. Кан В.С. (Министерство по делам спорта и молодёжи Республики Тыва), д.с.н. Бюраевой Ю.Г. (БНЦ СО РАН), к.и.н. Каташевым М.С. (НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова), д.и.н. Дятловым В.И. (ИГУ), к.с.н. Жалсановой В.Г. (ИМБТ СО РАН), к.с.н. Тензин Ч.М.-Х. (ТИГиПСЭИ) показали, что, несмотря на сложные социально-экономические условия жизни, на территориях республик сохраняется высокий уровень межэтнического согласия, хотя отдельные факторы, традиционно поддерживающие баланс в межэтнических отношениях, и ослабевают.

© Бреславский А.С., Григоричев К.В., 2018

БРЕСЛАВСКИЙ Анатолий Сергеевич, канд. ист. наук, заведующий научно-организационным отделом Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ). **E-mail:** breslavsky@imbtr.ru

ГРИГОРИЧЕВ Константин Вадимович, д-р социол. наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета (г. Иркутск). **E-mail:** grigoritchev@yandex.ru

Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1. Трансграничные России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество, номер государственной регистрации № АААА-А17-117021310269-9)

Одна из значимых для авторов этого обзора секций семинара была посвящена (суб)урбанизации и трансформации сети поселений на востоке России. Секция стала логическим продолжением нашего прошлогоднего семинара "Что мы знаем о современных российских пригородах?", проведённого ИМБТ СО РАН при поддержке филиала Фонда Розы Люксембург [2]. В целом, работа секции показала возможность и необходимость организации комплексных исследований по проблемам развития субурбанизации и распространения субурбанизма в России. Остро востребованы компаративные исследования, которые позволят определить специфику этого процесса в азиатской России в перспективе постсоциалистической пригородной революции.

Пятая секция семинара затронула вопросы экономического и экологического развития республик. Её участники, д.э.н. Дондоков З.Б.-Д., Убонова Д.З. (БНЦ СО РАН), к.и.н. Санникова Я.М. (ИГИ и ПМНС СО РАН), Руднева В.А. (ИГ СО РАН), к.с.н. Бадараев Д.Д. (ИМБТ СО РАН) показали, что в условиях, когда столичные центры республик всё более укрепляют свои позиции в качестве главных центров регионального экономического развития, остаются неясными перспективы развития сельских территорий, реиндустриализации территорий, их будущего развития в условиях слабости местных экономик, экологических ограничений.

На заключительном заседании семинара в форме круглого стола состоялось подведение итогов встречи, постановка новых исследовательских вопросов, обсуждение перспектив выстраивания совместной работы участников формирующейся сети. Семинар позволил обозначить и прояснить значимые тенденции текущего развития республик на востоке России, вариативность этих тенденций, закрепил научные связи между специалистами в регионах.

Литература

1. Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития: сб. науч. ст. / отв. ред. А. С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. 288 с.

2. Что мы знаем о современных российских пригородах?: сб. науч. ст. / отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 220 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Respubliki na vostoке Rossii: traektorii ehkonomicheskogo, demograficheskogo i territorial'nogo razvitiya: sb. nauch. st. / otv. red. A. S. Breslavskij. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2018. 288 s.

2. CHto my znaem o sovremennykh rossijskikh prigorodakh?: sb. nauch. st. / otv. red. A.S. Breslavskij. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2017. 220 s.

Бреславский А.С., Григоричев К.В. Как развиваются республики на востоке России?

Breslavsky A.S., Grigorichev K.V. Where are Republics in the East of Russia going?

Для цитирования: Бреславский А.С., Григоричев К.В. Как развиваются республики на востоке России? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 2. С. 169–170. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-2/169-170

For citation: Breslavsky A.S., Grigorichev K.V. Where are Republics in the East of Russia going? // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 2. P. 169–170. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-2/169-170

Сведения о членах редакционной коллегии

- Римская Татьяна Григорьевна** (*главный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент, директор филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Барбенко Ярослав Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Бурлаков Виктор Алексеевич** – кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Винокурова Анна Викторовна** – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Ганопольский Михаил Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (*г. Тюмень*)
- Демьяненко Александр Николаевич** – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*)
- Журбей Евгений Викторович** (*ответственный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Золотухин Иван Николаевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Караман Вадим Николаевич** – кандидат исторических наук, зав. библиотекой Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева (*г. Владивосток*)
- Киреев Антон Александрович** – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кожевников Владимир Васильевич** – кандидат исторических наук, профессор кафедры страноведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кристоферсен Га́йе** – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса (*г. Нанкин, КНР*)
- Кузнецов Анатолий Михайлович** – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Латушко Юрий Викторович** – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)
- Лебедева Марина Михайловна** – доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (*г. Москва*)
- Литошенко Денис Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин юридического факультета Морской академии Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского (*г. Владивосток*)
- Лукин Артем Леонидович** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Наумов Юрий Анатольевич** – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Рыжова Наталья Петровна** – доктор экономических наук, заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, профессор Академического департамента Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Севастьянов Сергей Витальевич** – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Филипова Александра Геннадьевна** – доктор социологических наук, профессор департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Шеста́к Ольга Игоревна** – кандидат исторических наук, доцент, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (*г. Владивосток*)
- Шин Беом-Шик** – Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеульского национального университета (*г. Сеул, Республика Корея*)
- Широ Сасаки** – Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов (*г. Сираой, Япония*)
- Ячин Сергей Евгеньевич** – доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том I. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – 42354.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.ojkum.ru) и перейти по ссылке в раздел "Редакция журнала".

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования". Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также всех заинтересованных исследователей публиковать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Историческое регионоведение
- ◆ Экономика и природопользование
- ◆ Социальные и демографические структуры
- ◆ Культурные и идеологические факторы регионализации
- ◆ Политические отношения и управление регионом
- ◆ Мировая система и международные регионы
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Науковедение
- ◆ Научные сообщения
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Научная жизнь
- ◆ Методические разработки

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале "Ойкумена. Регионоведческие исследования", соответствует следующим отраслям науки согласно

НОМЕНКЛАТУРЕ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ:

07.00.00	Исторические науки и археология
22.00.00	Социологические науки
23.00.00	Политология

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: txt, doc, docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, а также переносов. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы. Простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1, 5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1, 5 см., левое – 2, 5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4-5); (Рукопись Иванова А.К. Из архива автора).
7. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (даётся в конце текста статьи). Например: ГАПК – Государственный архив Приморского края.
8. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после в других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта, [Электронный ресурс]. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2017).**
9. Объем статьи – от 0,5 до 0,8 п.л. (от 20 до 32 тыс. зн. с пробелами). Объем других материалов – до 0,3 п.л.
10. Рисунки, карты, и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. Графики предоставляются отдельным файлом только в формате Excel, составленные через алгоритм: Вставка → Диаграмма. Файл с графиком обязательно должен содержать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow. Указание источника иллюстраций – обязательно.
11. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
12. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде по электронной почте (e-mail: ojkum@rambler.ru) или через форму подачи статей (ojkum.ru/feedback/submission-of-articles.html).

Статьи проходят обязательное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.

Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.

Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2018 № 3 (46)

Подписано к печати 03. 09. 2018 г. Вышло в свет 28. 09. 2018 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 15.40. Уч. -изд. л. 14.00. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

